

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ART OF SCIENCE

Тезисы Межвузовской студенческой
гуманитарной научно-практической
конференции

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ART OF SCIENCE

**Тезисы Межвузовской студенческой
гуманитарной научно-практической конференции**

(г. Пермь, 4 декабря 2020 года)

Пермь 2021

УДК 3
ББК в7
А79

Art of science [Электронный ресурс] : тезисы
А79 Всероссийской студенческой гуманитарной научно-
практической конференции (г. Пермь, 4 дек. 2020 г.) /
Пермский государственный национальный исследова-
тельский университет. – Электронные данные. –
Пермь, 2021. – 2,65 Мб; 172 с. – Режим доступа:
[http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Art-
of-science.pdf](http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Art-of-science.pdf).

ISBN 978-5-7944-3735-5

Издание представляет собой сборник тезисов Всероссийской студенческой гуманитарной научно-практической конференции. Рассмотрены наиболее актуальные проблемы гуманитарных наук, представлены результаты междисциплинарных исследований студентов гуманитарных специальностей.

Материалы сборника предназначены специалистам-гуманитариям, аспирантам, студентам, и всем тем, кто интересуется проблемами гуманитарных наук.

**УДК 3
ББК в7**

*Издается по решению ученого совета
историко-политологического факультета
Пермского государственного национального
исследовательского университета*

Ответственные за выпуск: А. Р. Ехлакова, Д. А. Ренев

ISBN 978-5-7944-3735-5

© ПГНИУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
<i>Бузунова К. А.</i> Проблема воссоздания предметного мира при изображении допетровской Руси русскими художниками второй половины XIX в.	7
<i>Гальцова Д. Н.</i> Пути и способы образования синонимических соответствий в воронежских говорах	19
<i>Запольская А. А.</i> Вербальные стилистические средства и тропы в детской англоязычной коммерческой рекламе	29
<i>Иванова Е. С.</i> Папирусы из частной коллекции Cattaoui о правовом положении жен и детей римских военных	51
<i>Краснеева Д. А.</i> Особенности выстраивания коммуникации гендерно-нейтрального бренда с потребителями	60
<i>Михайлова А. И., Юдина В. А.</i> Развитие связной речи у детей с ОНР III уровня с применением авторского интерактивного занятия	68
<i>Неволин С. Ю.</i> Американский республиканизм как наследник классической республиканской традиции: современные аспекты изучения.....	76
<i>Оборина Е. А.</i> Республиканские идеологемы в Англии середины XVII в.: особенности киноинтерпретации.....	89
<i>Попович Д. А.</i> Специфика освещения социальных протестов в латиноамериканских медиа.....	96
<i>Субботина Н. А.</i> Женщина в морганатическом браке: кейс графини Н. Ф. Карловой.....	108
<i>Тимачева А. Д.</i> Национальный театр Норвегии XIX века: взаимовлияние истории и культуры в постановках Генрика Ибсена... ..	119
<i>Федоровский П. П.</i> От «калымных браков» к гендерному квотированию: фреймирование образа женщины в информационном пространстве Кыргызстана и Казахстана	129
<i>Шипицына Ю. С.</i> Чувственные аспекты научного энтузиазма британских ботаников в XVIII веке	148
<i>Юнг Д. А., Оленев С. В.</i> Реализация гендерных стереотипов советского дискурса в книгах для девочек	159

CONTENTS

Introduction	5
<i>Buzunova K. A.</i> The Problem of Recreating the Subject World in the Picture of Pre-Petrine Russia by Russian Artists of the Second Half of the XIX Century	7
<i>Gal'tsova D. N.</i> Ways and Means of Word Formation of Synonymic Conformity in the Voronezh Dialects	19
<i>Zapol'skaya A. A.</i> Verbal Stylistic Means and Tropes in English Commercial Advertising to Children	29
<i>Ivanova E. S.</i> The Legal Position of Roman Militaries' Wives and Children in the Cattaoui Collection of Papyri	51
<i>Krasneeva D. A.</i> Features of Building Communication of a Gender-Neutral Brand with Consumers	60
<i>Mikhailova A. I., Yudina V. A.</i> Development of Connected Speech in Children with ONR Level III with the Application of Author's Interactive Lesson	68
<i>Nevolin S. Y.</i> American Republicanism as an Heir to the Classical Republican Tradition: Contemporary Aspects of Study	76
<i>Oborina E. A.</i> Virtual Exhibitions on Slavery: New Approaches in Digital Storytelling	89
<i>Popovich D. A.</i> Specificity of Coverage of Social Protests in Latin American Medias	96
<i>Subbotina N. A.</i> A Woman in a Morganatic Marriage: the Case of Countess Karlova	108
<i>Timacheva A. D.</i> Norway's National Theater of the 19th Century: the Inter-Influence of History and Culture in the Stations of Henrik Ibsen	119
<i>Fedorovsky P. P.</i> From «Kalym Marriages» to Gender Quotas: Framing of Woman Image in Information Space of Kyrgyzstan and Kazakhstan	129
<i>Shipitsyna Yuliya S.</i> The Sensual Aspects of British Botanist's Scientific Enthusiasm in the 18 th Century	148
<i>Yung D. A., Olenev S. V.</i> Implementation of Gender Stereotypes of Soviet Discourse in Books for Girls	159

Введение

Всероссийская студенческая гуманитарная научно-практическая конференция «Art of science» – это проект, направленный на популяризацию научной деятельности среди студентов-гуманитариев и объединение молодых ученых, представляющих разные гуманитарные науки, с целью повышения интереса к междисциплинарным исследованиям.

Цель конференции – поддержка интеллектуальной деятельности студентов, направленная на формирование условий для профессиональной, научной самореализации молодых ученых в области гуманитарных наук.

В задачи конференции в 2020 г. вошло:

- содействие развитию студенческих инициатив в области гуманитарных наук, практических и экспертных навыков, с целью популяризации научной деятельности среди студентов;

- с развитие творческих и ораторских способностей участников конференции;

- с консолидация молодых ученых в сфере гуманитарных наук с целью привлечения большего количества студентов-гуманитариев к научной деятельности и формирования научной площадки для междисциплинарных исследований;

- с популяризация новых направлений в российской научной среде и актуализация междисциплинарных подходов к гуманитарному исследованию;

- с создание условий для научной, творческой, социально-общественной самореализации молодых ученых и максимального использования их потенциала для развития науки;

- с обмен лучшими практиками в сфере студенческой научной деятельности, направленный на развитие науки, повышение её значимости для молодых ученых и формирование новых научно-практических площадок в регионах.

Конференция также имеет целью показать участникам и гостям, что наука – это искусство мыслить, задавать вопросы и находить ответы, понятные обществу.

Таким образом, формат реализации проекта исходит из идеи «наука – это не скучно».

В рамках конференции удалось объединить такие исследовательские области, как история, филология, культурология, политология, и др.

**ПРОБЛЕМА ВОССОЗДАНИЯ ПРЕДМЕТНОГО МИРА
ПРИ ИЗОБРАЖЕНИИ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ
РУССКИМИ ХУДОЖНИКАМИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

Бузунова Ксения Алексеевна

Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица,
191028, Россия, г. Санкт-Петербург, Соляной переулок, 13,
ksen.98@mail.ru

Целью настоящего исследования является выявление и анализ особенностей работы русских художников второй половины XIX века с предметным миром при создании исторической или историко-бытовой картины. Изучение и анализ способов воплощения предметного мира в живописных произведениях выполнены на основе обращения к работам В. Г. Шварца, А. Д. Литовченко, К. Е. Маковского и др. Их картины рассмотрены, во-первых, в источниковедческом ракурсе (источники представления художников о предметном мире); во-вторых, в семантическом аспекте (роль предметного мира в структуре художественного образа живописного произведения). Ключевой проблемой исследования является выявление мотивации художника, включающего в композицию картины те или иные предметы, то есть проблема соотношения исторической достоверности и художественной вольности.

Ключевые слова: русское искусство XIX века, историко-бытовая живопись, допетровская Русь, предметный мир, источниковедение.

Историческая живопись – один из труднейших жанров в изобразительном искусстве. Сложность, связанная с проблемой воссоздания исторического пространства и предметного напол-

нения полотна, особенно видна в XIX веке, когда историческая и археологическая науки только начали широкое развитие вместе с изучением материальных памятников.

Источником для сюжетов картин из отечественной истории служили летописи и труды русских ученых. Среди них – произведения М.В. Ломоносова, включая «Древнюю российскую историю от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года...» (1766). Однако же Ломоносов не был профессиональным историком, хотя его работы основывались на многих отечественных и зарубежных источниках. В 1816 году вышло сочинение Н.М. Карамзина «История Государства Российского», которое, можно сказать, было единственным крупным трудом по отечественной истории вплоть до середины XIX в. В 1863 году было опубликовано и впоследствии неоднократно переиздавалось многотомное сочинение С.М. Соловьева «История России с древнейших времен». Все эти работы служили источником информации о событиях прошлого, однако это был лишь теоретический материал.

Нужно отметить, что вплоть до середины XIX века если в живописи и проявлялся интерес к отечественной истории, то он имел скорее академическую трактовку и не требовал точной передачи бытовой обстановки: высокопарный тон исполнения, театрализация, опора на античные и ренессансные образцы были основными требованиями в живописи классицизма. Так, картина А.П. Лосенко «Владимир и Рогнеда» (1770, Государственный Русский Музей (далее – ГРМ)), за основу сюжета которой взято событие X века, описанное в трудах Ломоносова, никак не стремится к достоверности предметного пространства (античные руины на заднем плане) и исполнена в высокопарной манере (в духе древнегреческой трагедии). Однако в костюмах художник все же пытается приблизиться к достоверности хотя бы номинально: «...от костюма Владимира неизбежно веет театральным реквизитом, а не подлинностью: его фантастический головной убор соединяет зубчатую корону с шапкой, отороченной мехом в придачу со страусовыми перьями... Но русское платье одной из служанок и жемчужное шитье головной повязки, сапоги и рубаха Владимира, одеяния воинов, – все свидетельствует о вдумчивом изучении костюма хотя бы непосредственно

допетровской эпохи» [Описание и формально-стилистический анализ...].

В традиции классицистической трактовки выполнены и картины А.И. Иванова, такие как «Подвиг молодого киевлянина при осаде Киева печенегами в 968 году» (Около 1810, ГРМ) и «Единоборство князя Мстислава Владимировича Удалого с козовским князем Редедей» (1812, ГРМ): классицистическая трактовка, образы приближены к античным. В то время такая интерпретация считалась нормой, т.к. отвечала задачам академической школы: репрезентация идеального нагого тела, соблюдение четкой устойчивой композиции, сдержанная палитра цветов и возросший после Отечественной войны 1812 года пафос русских побед и величия. В качестве примеров стоит также упомянуть такие произведения, как: «Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немцами» Г.И. Угрюмова (1793/4, ГРМ), выполненное в театрализованной манере, и «Дмитрий Донской на Куликовом поле» О.А. Кипренского (1805, ГРМ), также выполненное в классицистической традиции.

Вещественные памятники Древней Руси еще не были так хорошо изучены, и, как мы видели по академическим полотнам, в исторической живописи в них не было необходимости. Однако патриотический подъем, связанный с победой в войне, а также результат политики Николая I и лозунга С.С. Уварова «Православие, самодержавие, народность» по-новому заставили смотреть на наследие прошлого. Классицизм изжил себя, а император был заинтересован в обращении к древнерусским корням: отстроен храм Христа Спасителя Тоном в русско-византийском стиле (1837–1860), отреставрирован Теремной дворец и воссозданы палаты, а Ф.Г. Солнцевым была проделана огромная работа по зарисовыванию артефактов музея Кремля. Эта работа была опубликована в труде «Древности Российского государства» (1849—1853).

Таким образом, в середине XIX века вместе с изучением прошлого России рождается и интерес к древнерусскому периоду ее истории, который проявляется в том числе и в искусстве. Новый, не академический взгляд на изображение исторических сюжетов потребовал отвечающих времени и новым знаниям

изобразительных средств, в том числе и репрезентации достоверного предметного мира: «По-видимому, ... главным, что было достигнуто в разработке отечественной исторической тематики в конце 1830-х – в 1840-х годах, следует признать постепенное накопление чисто фактических знаний о быте Древней Руси и XVIII века, о характерном облике русского человека тех времен и т. п. Первые шаги к подлинно реалистическому раскрытию русской истории были сделаны позже, во второй половине столетия» [Ракова, 1979, с. 136].

Интерес к бытовым деталям в изобразительном искусстве возник лишь с возросшим вниманием к бытовой живописи, то есть с периода художников-шестидесятников. Это было новое поколение творцов, которых волновала жизнь сама по себе, без прикрас, а главные герои произведений спускались с идеализированных вершин классицизма и романтизма на обыденную землю. Этим тенденциям подвергся и исторический жанр. Перед художниками второй половины XIX века теперь стояла сложная задача: воссоздание реального предметного мира прошлого, и на первый план выходил уже не героический пафос и торжественность (что было свойственно исторической живописи первой половины XIX в.), а бытовой сюжет, отражающий повседневное течение времени людей прошедших эпох.

Так называемый археологический подход в изобразительном искусстве, подразумевающий опору на вещественные памятники при воссоздании картины прошлого, был заложен благодаря Ф.Г. Солнцеву и его труду. С развитием бытового жанра в живописи он дал ценный структурированный материальный источник предметов декоративно-прикладного искусства допетровских времен не только русского, но и зарубежного мира. Так, изображения описанных в его трудах предметов, таких как древняя домашняя и столовая утварь (по большей части принадлежавшая князьям и царям) из коллекции Оружейной палаты, могли вставляться в исторические картины.

Причем можно вывести два способа изображения древних предметов и сокровищ на историко-бытовой картине: воссоздание предмета в его историческом контексте (изображение его как «знака» исторического времени, то есть создание чувства исторической достоверности) или использование его образа для

дальнейшего художественного преобразования (предмет как «герой», как элемент художественно-образной структуры произведения). Обе тенденции можно проследить на примере серебряного кубка Иоанна III Васильевича, выполненного в форме петуха (Нюрнберг, конец XV в. Попал к Ивану III в качестве посольского дара). В контексте первого течения его можно встретить на картине Литовченко «Иоанн Грозный показывает свои сокровища английскому послу Горсею» (1875, ГРМ) среди других артефактов, составляющих царские богатства. В данном случае его место здесь оправдано исторически: предмет хранился в сокровищнице Кремля и теоретически мог быть показан послу, как и все остальное. В этом же контексте можно говорить и об изображении предметов из коллекции сокровищницы Кремля на картине К.Е. Маковского «Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем» (1886).

В случае второго направления этот же кубок можно наблюдать на картинах В.Г. Шварца «Угощение боярина (Князь Серебряный в гостях у боярина Морозова)» (1865, ГРМ) и В.И. Якоби «Князь Серебряный в гостях у боярина Морозова» (1881, Орловский музей изобразительных искусств). Оба предмета помещены в один сюжетный контекст – в живописные иллюстрации романа А. Толстого «Князь Серебряный» (также пример интереса к исторической эпохе допетровской Руси, но уже в литературе); при этом у Шварца кубок как композиционный центр художественно преобразован для придания ему живописного акцента, а у Якоби списан с оригинала и при этом является частью ансамбля предметов на подносе.

Однако в обоих случаях использован реально существующий артефакт, о котором известно, что в то историческое время он существовал и вполне мог присутствовать в быту бояр. По большей части такая тенденция характерна для историко-бытовых картин, не привязанных к конкретным историческим событиям, таких как «боярские циклы» К.Е. Маковского: художник наполняет картины предметами, характерных и распространенных в соответствующий период: «Боярский свадебный пир» (1883, Музей Хиллвуд), «Поцелуйный обряд» (1895, ГРМ), «Под венец» (1890, Серпуховский историко-художественный музей) и др.

КУБОКЪ. ВЪКШКАРЪ КИМЪНЪ ПАДАНЪ БАРЦЕВЪВЪЧЪ ШЪ.

Отд. V

№ 12

Рис. 1. Кубок Иоанна Васильевича III. Древности российского государства. Отделение V. Альбом. № 17

Источник: <https://runivers.ru/bookreader/book403628/#page/37/mode/1up>

Отсюда следует, что задача написания исторической картины требует большой творческой работы при осмыслении изображаемого. Искусствовед и критик рубежа XIX–XX веков

Д.А. Пахомов писал: «Творчество ... в картинах исторических, религиозных, бытовых и в пейзаже ... не только необходимо, но представляет самую существенную их черту. Никаким подбором наиболее подходящих натурщиков нельзя достигнуть передачи исторического момента. Для главных персонажей иногда годятся сохранившиеся портреты, но и в них творчество должно внести своеобразные черты, отвечающие требованиям изображаемого события... все данные должны быть переработаны творчеством настолько, чтобы в картине чувствовалась действительная жизнь с типичными представителями и аксессуарами эпохи» [Пахомов, 1899]. То есть как бы ни стремился живописец к наибольшей достоверности образов и обстановки, он все равно привносит в картину элементы собственной фантазии: каждый художник по-своему видит персонажей и пространство вокруг них, тем более если говорить об исторических лицах, от которых не сохранилось прижизненных изображений или личных вещей, но которые могли бы стать частью картины. Поэтому при воссоздании исторического пространства творец проделывает сперва огромную источниковедческую работу.

При всей творческой работе художники могут писать предметы с такой достоверностью, что впоследствии возможно атрибутировать оригиналы по картинам или наоборот. Благодаря этому можно определить, на какие источники опирались творцы, чем вдохновлялись и что служило первообразом.

Описанная выше работа с сокровищами Оружейной палаты – это пример того, как коллекция предметов, собиравшихся и хранившихся веками, стала ценным кладом вещественных артефактов, по которым можно было создать иллюстрацию жизни. Музей был открыт для посещения в первой половине XIX в., и художники допускались к коллекции для работы над картинами. Важно отметить, что основным эти предметы принадлежали царям или были дипломатическими подарками из заграницы, но могли помещаться на картины быта не только царей, но и бояр. Это столовая утварь, религиозные одеяния и атрибуты, оружие и доспехи, мебель и костюмы.

Помимо Оружейной палаты, художники обращались к частным коллекциям, собирателями которых нередко выступали они сами. Одно из наиболее знаменитых собраний древнерус-

ских артефактов принадлежало Константину Маковскому: это костюмы, головные уборы, мебель, столовая и утварь и пр. Эти «предметы русской старины» кочуют из картины в картину: так, боярин из одноименного эскиза 1880 года в зеленом костюме появляется также на картине «Поцелуйный обряд» (1895, ГРМ) и в «Выборе невесты царем Алексеем Михайловичем». Художник умело творчески преобразовывал пространство и его наполнение, выделяя живописные особенности предметов для большей выразительности. Как уже было отмечено Пахомовым, огромную роль играет художественное творчество: «Нарядить старика в боярский костюм и поставить перед ним братину – далеко не значит написать боярина, как это наивно воображают иные художники, именующие себя историческими» [Пахомов, 1899]. Остается, правда, вопросом, кого имел в виду критик.

Рис. 2. Маковский К.Е. Боярин. 1880-е. Картон, масло. 35 x 27.
Собрание Мордовский республиканский музей изобразительных искусств имени С.Д. Эрьзи

Рис. 3. Маковский К. Е. Поцелуйный обряд. 1895. Холст, масло.
330 x 500. Государственный Русский музей

Если вновь обратиться к изображению исторических персонажей, то нужно отметить, что перед художниками встает вопрос о внешнем виде портретируемых. Причем речь идет не о психологическом или внешнем портрете, что уже изучалось исследователями [Мутья, 2016], а об их одеянии. Для написания их костюмов художник мог обращаться к изобразительным источникам: парсунам, гравюрам или портретам.

Иллюстрированный сборник «Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г.» 1903 года копирует уже имеющиеся гравюры, на которых присутствуют и изображения правивших монархов. До Иоанна Грозного портреты довольно условны и приближены к парсунам, т.к. художники не имели их прижизненных изображений и «руководствовались кое-какими соображениями по поводу их внешнего вида» [Портреты, гербы и печати..., 1903, с. III] (возможно даже иконами), а с периода правления Ивана IV портреты приближены к натуре, т.к. имелись рисунки, гравюры и пр. В XVII веке получили распространение натуралистические живописные портреты, точно передающие не только физиологические черты, но и

аксессуары. Немногие авторы этих произведений известны, но многие были представителями школы Оружейной палаты. Одна из таких работ – «Портрет царя Михаила Федоровича» (2 пол. XVII в.), поступившая в коллекцию Русского музея в 1931 году из Общества любителей древней письменности и искусства (1877–1932). Впоследствии подобные портреты могли выступать для художников XIX века источниковедческим материалом.

При этом немаловажно то, в каком пространстве находятся действующие лица: в интерьерах или на открытой местности, в конкретном, узнаваемом или условно-обобщенном месте. Однако при работе с архитектурой и интерьерами у художников не должно было возникать проблем: сохранившиеся в Москве (и других древних городах) целые ансамбли архитектуры (монастыри, соборы, крепости, Кремлевские сооружения и пр.) могли служить декорацией к историческому действию на полотнах. Стены Кремля и собор Василия Блаженного на картине Шварца «Вербное воскресенье в Москве при царе Алексее Михайловиче. Шествие патриарха на осляти» (1865, ГРМ) в этом же ракурсе повторяются у В. Сурикова в картине «Утро стрелецкой казни» (1881, Государственная Третьяковская Галерея (ГТГ)).

Что касается жилых интерьеров, то помощью художникам служили палаты московского Кремля (отреставрированного в первой половине XIX века Теремного дворца) и основанный в 1859 году по распоряжению Александра II музей «Дом бояр Романовых», расположенный в исторической застройке и призванный воссоздать боярский быт XVI–XVII веков [Музей как лицо эпохи, 2017]. Картины, действие на которых разворачивается в Кремле, вполне могли быть списаны с интерьеров палат: «Иоанн Грозный показывает свои сокровища английскому послу Горсею» Литовченко, «Последние минуты Дмитрия Самозванца» К.Б. Венига (1879, Нижегородский государственный художественный музей), «Земский собор» С.В. Иванова (1908), «Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государственной комнате» А. Рябушкина (1893, ГТГ) и др. Впоследствии, когда древнерусское зодчество было достаточно изучено, художники смелее преобразовывали пространство, создавая в том числе и фольклорные сюжеты: «Царевна-лягушка» В.М. Васне-

цова (1901–1918, Дом-музей В. М. Васнецова), иллюстрации И.Я. Билибина к «Сказке о царе Салтане» и др.

Таким образом, для современного исследователя историко-бытовая живопись, отображающая мир допетровской Руси, интересна в историко-искусствоведческом и в источниковедческом аспектах: при детальном анализе возможно определить, чем вдохновлялся художник, какими артефактами и источниками пользовался при создании произведения, и то, как он умел с этим материалом работать, воссоздавая и преобразовывая историческую реальность.

Стоит также упомянуть, что такие исследования имеют под собой опору на предшествующие научные труды: в нашей гуманитарной науке есть и методологические работы, связанные с исследованием «вещи» как образа в культуре и искусстве [Кнабе, 1986], и историко-искусствоведческие работы. Однако предстоит еще большая работа по исследованию эволюции историко-бытового жанра.

Библиографический список

1. *Большакова Н.* Константин Маковский – коллекционер. // Наше наследие. 2005. № 75–76. С. 4–13.
2. Древности российского государства. Отделение V [Альбом]. М.: Тип. Александра Семена, 1849–1865. 146 с.
3. *Кнабе Г.С.* Образ бытовой вещи как источник исторического познания // Вещь в искусстве: Материалы научной конференции 1984 (вып. XVII). М., 1986. С. 263.
4. Музей как лицо эпохи. Сборник статей и интервью, опубликованных в научно-популярном журнале «Знание – сила» / под ред. И. Харичева, Н. Алексеевой. М.: Знание-сила, 2017. 730 с.
5. *Мутя Н. Н.* Интерпретация образа Ивана Грозного в живописи России второй половины XVI – начала XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–2 (74). С. 101–107.
6. Описание и формально-стилистический анализ произведения А.П. Лосенко «Владимир и Рогнеда». 1770 г. Санкт-Петербург, ГРМ. URL: [https://iskusstvoed.ru/2020/03/04/opisanie-](https://iskusstvoed.ru/2020/03/04/opisanie)

i-formalno-stilisticheskij-analiz-proizvedenija-a-p-losenko-vladimir-i-rogneda-1770-g-sankt-peterburg-grm/ (дата обращения: 29.12.2020).

7. Пахомов Д. Творчество в живописи // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 12. Сентябрь. С. 1018–1026.

8. Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб, 1903. III, V с., 97 л. ил.

9. Ракова М. Русская историческая живопись середины девятнадцатого века. М.: Искусство, 1979. 244 с.

10. Яковлева Н. Русская историческая живопись. М.: Белый город, 2005. 656 с.

THE PROBLEM OF RECREATING THE SUBJECT WORLD IN THE PICTURE OF PRE-PETRINE RUSSIA BY RUSSIAN ARTISTS OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Buzunova Kseniya A.

St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design
13, Solyanoy lane, 191028, Saint Petersburg, Russia,
ksen.98@mail.ru

The subject of this research is the features of the work of Russian artists of the second half of the XIX century with the object world while creating a historical or genre painting. The study and analysis of the ways of embodying the objective world in paintings is carried out on the basis of reference to the works of V.G. Schwartz, A.D. Litovchenko, K.E. Makovsky and others. Their paintings are considered, first, from the source perspective (sources of artists' ideas about the world of objects); secondly, in the semantic aspect (the role of the objective world in the structure of the artistic image of a painting). The key problem of the study is to identify the motivation of the artist, who includes certain objects in the composition of the painting, that is, the problem of the relationship between historical reliability and artistic freedom.

Key words: Russian art of the XIX century, historical and genre painting, pre-Petrine Russia, the world of objects, source study.

УДК 811.161.1'282.2 (470.324)

ПУТИ И СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Гальцова Дарья Николаевна

Воронежский государственный университет, 394018, Россия,
г. Воронеж, Университетская площадь, 1,
Darij98@yandex.ru

В статье рассматриваются основные пути и способы образования синонимических соответствий в воронежских говорах. Внимание уделяется изучению контактов с литературным языком, анализу различных признаков номинации, а также обзору эмоционально-экспрессивных лексем. Отмечаются частотные способы образования, выявляются словообразовательные типы, указываются мотивирующие основы. В результате исследования делается вывод об особенностях источников синонимических соответствий в воронежских говорах.

Ключевые слова: *диалектология, воронежские говоры, синонимические соответствия, лексика, словообразование.*

Известно, что диалектный язык отличается богатством синонимических средств, что неоднократно отмечено многими исследователями (О.И. Блинова, Т.С. Коготкова, Л.И. Баранникова, Е.А. Нефедова). Большое количество научных работ посвящено изучению синонимов в одном говоре, однако недооцененным является направление, связанное с анализом наименований одних и тех же реалий, принадлежащих разным говорам. Если рассматривать отдельно частные диалектные системы, то такие слова синонимами не являются, но если описывать диалектную макросистему, то обозначения одних и тех же понятий,

употребляемых в разных говорах одной макросистемы, будут обладать синонимическими связями.

Термин для обозначения наименований одних и тех же реалий, явлений, признаков, процессов, принадлежащих разным говорам, в науке на данный момент не устоялся. Исследователи определяют такие наименования как *параллельные названия* (Ф.П. Филин), *синонимические соответствия*, или *синонимические параллели* (О.И. Блинова), *разнодиалектные синонимы* (Г.А. Раков), *междиалектные синонимы* (И.А. Оссовецкий), *межсистемные соответствия* (О.В. Загоровская). В нашей работе мы будем использовать термин *синонимические соответствия*, введенный О.И. Блиновой.

Целью исследования является выявление путей и способов образования синонимических соответствий на примере воронежских говоров.

Материалом нашего исследования послужили:

1. «Словарь воронежских говоров» (выпуски 1-3, от А до З) под редакцией профессора Г.Ф. Ковалева [Словарь..., 2004, 2007, 2019].

2. «Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями)» [Дьякова, Хитрова, 2009].

3. Картотека, хранящаяся на кафедре славянской филологии филологического факультета Воронежского государственного университета. Картотека содержит материалы диалектологических экспедиций 1947–2019 гг., в ходе которых было обследовано более 400 сел Воронежской области.

4. Персональная картотека автора, содержащая результаты исследований говоров сел Старый Курлак, Новый Курлак Аннинского района, Медвежье, Каверье, Раздолье, Приволье Семилукского района, Гороховка Верхнемамонского района (2015–2020 гг.).

Было рассмотрено более 700 лексем, входящих в 10 тематических групп.

В результате сбора, классификации и анализа материала были выделены следующие *пути возникновения* синонимических соответствий в воронежских говорах.

1. Контакты с литературным языком. Рассмотрим ряд синонимических соответствий *зюйд – ле'тник – та'лый ветер*, все лексемы которого имеют в различных воронежских говорах значение 'южный ветер'. Корни *-лет-, -та-, -ветер-*, по данным «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера [Фасмер, 1986, 1987] и «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского [Срезневский, 1890], существовали в праславянском языке, отмечались в древнерусском, встречаются в других славянских языках, то есть являются системными для русского национального языка в целом и диалектного языка в частности. Из приведенного ряда синонимических соответствий выделяется лексема *зюйд*, которая, по свидетельству М. Фасмера, была заимствована в XVIII веке из голландского языка, где слово *zuid* имело значение 'юг, южный ветер' [Фасмер-2, 1986, с. 110]. Данная лексема фиксируется в «Словаре русского языка XVIII века» в значении 'юг' с указанием голландского и немецкого вариантов и с пометами *мор., метеор.:* «<...> *И нынѣ щитаются обычно 32 стороны <горизонта на компасе>, которыя по большой части Голландскими именами изъясляют, называя полночь Норд, восток Ост, юг Зюйд, а запад Вест.* Геогр. Крафта 56 <...>» [Словарь русского языка...-8, 1995, с. 237]. Несомненно, что заимствованное слово *зюйд* на русской почве в первую очередь получило распространение в литературном языке и в специальной речи моряков, а уже оттуда пришло в диалектный язык, пополнив ряды синонимических соответствий со значением 'южный ветер'.

2. Контакты с говорами соседних территорий. Рассмотрим ряд синонимических соответствий со значением 'болото': *багно' – баклу'шка – бе'здна – бор – бурча'ло – бу'ча – вязь – гати'на – голе'зина – дра'гва – дрожа'лка – криу'ша – чечо'ра*. Лексема *багно*, по данным «Словаря русских народных говоров», встречается в курских, воронежских, брянских, донских, псковских и смоленских говорах [Словарь русских народных...-2, 1966, с. 34], однако в воронежских говорах данное слово фиксируется преимущественно на территории сел Репьевского, Острогжско-

го и Семилукского районов [Дьякова, Хитрова 2009, с. 26], которые расположены в западной части Воронежской области. Ф.П. Филин отмечает, что лексема *багно* широко известна на восточнославянском юго-западе [Филин, 1972, с. 519]. Исследователь указывает, что «багно с его производными <...> фиксируется исключительно в юго-западных (воронежских, донских, курско-орловских, брянских, смоленских и псковских) говорах, т.е. говорах, географически примыкающих к украинско-белорусской зоне» [Филин, 1972, с. 520]. Можно сделать вывод, что лексема *багно* характерна для юго-западных территорий. В воронежских говорах *багно* фиксируется только в районах западной части области, что позволяет предположить заимствовании этого слова из соседних юго-западных говоров, где частотность его употребления гораздо больше, чем в воронежских. На заимствование также косвенно указывает тот факт, что в картотеке «Словаря воронежской деловой письменности XVII–XVIII веков» В.И. Хитровой данное слово отсутствует. Таким образом, заимствованное из говоров соседних областей слово *багно* входит в ряд синонимических соответствий воронежских говоров со значением ‘болото’.

3. Сохранение лексики, принесенной с других материнских территорий. Примером будет являться ряд синонимических соответствий со значением ‘постройка для временного проживания’: *время'нка – по'ветка – протен'ок*. Отметим, что Воронежская область заселялась выходцами с разных территорий, преимущественно южных, но также присутствовали переселенцы из среднерусских областей, как правило, их говор имел севернорусскую основу. В настоящее время в Аннинском районе Воронежской области сохранились села, основанные выходцами с владимирско-поволжских территорий. Соответственно, говор данных сел сохраняет севернорусские особенности. Например, в говоре села Новый Курлак употребляется слово *простенок* в значении ‘постройка для временного проживания’. В селах с южнорусским говором данная лексема не фиксируется. Кроме того, в «Словаре русских народных говоров» у слова *простенок* в приведенном значении присутствуют пометы Костр. и Влад.

[Словарь русских народных...-32, 1998, с. 240], что также подтверждает, что слово было принесено с материнской территории и сохранилось в говоре до настоящего времени. Другие синонимические соответствия указанного ряда (*временка, поветка*) имеют широкое распространение в воронежских говорах, что свидетельствует об их системности в данной диалектной макросистеме, в то время как лексема *простенок* имеет единичную фиксацию. Таким образом, слово, принесенное с другой материнской территории, функционирующее в говоре с севернорусской основой, дополнило ряд синонимических соответствий со значением 'постройка для временного проживания'.

4. Различные признаки номинации. Источником синонимических соответствий может служить неодинаковое восприятие диалектоносителями объектов реального мира, что предопределяет выбор различных признаков в качестве основы номинации одного и того же объекта. Например, проанализировав ряд синонимических соответствий *бухо'ня – ду'тики – карто'шник – мя'тка – мяту'ха – толкани'ца – толченка – топту'н* в значении 'картофельное пюре', можно выделить следующие признаки номинации входящих в него лексем:

1. По основному продукту: *карто'шник*.

2. По способу приготовления:

– с мотивирующей основой мя-: *мя'тка, мяту'ха*;

– с мотивирующей основой топт-: *топту'н*;

– с корнями -толк-, -толч-: *толкани'ца, толченка*.

3. По консистенции:

– с мотивирующей основой бухон-: *бухо'ня*. Связано с мягкостью приготовляемого блюда. В русских говорах *бухо'нить* 'делать что-либо мягким, пышным' (Курск.), *бухо'нный* 'пышный, мягкий' (Новг.), *бухо'ный* 'пышный, хорошо испеченный' (Волог., Яросл., Новг. Север., Твер., Курск). [Словарь русских народных...-3, 1968, с. 324].

– с мотивирующей основой дут-: *ду'тики*. Связано с мягкостью, воздушностью, «дутостью» блюда. У В.И. Даля *дутик* 'раздутая вещь, пузырь', а также 'человек полный в лице или вообще плотный коротыш, толстячок' [Даль-1, 1935, с. 518].

В русских говорах бытует лексема *ду'тник* в значении 'пресная ржаная лепешка, облитая сверху раствором гороховой муки' (Петерб.) [Словарь русских народных...-8, 1972, с. 274].

Таким образом, неодинаковый взгляд на окружающую действительность различных коллективов диалектоносителей вызывает к жизни многообразие лексем, входящих в один ряд синонимических соответствий воронежских говоров.

5. Эмоционально-экспрессивные образования. Рассматривая данное положение, следует обратиться к объяснению «закона притяжения синонимов», которое дает С. Ульман: «существует тенденция обозначать лица или явления, играющие важную роль в том или ином коллективе, большим числом синонимов» [Ульман, 1970, с. 262]. О.И. Блинова считает, что «закон притяжения синонимов» наиболее ярко проявляется в образовании эмоционально-экспрессивных синонимов [Блинова, 1975, с. 162]. Подтверждая точку зрения исследователя, обратимся к ряду синонимических соответствий воронежских говоров *забе'льши'ть* – *забеси'ть* – *загуби'ть* – *задеву'лить* – *залы'скасть* – *замоты'жничать* – *замуро'мить* – *запехтери'ть* – *запси'ть* – *зафинтифлю'шить* – *зафифи'рить* – *захи'тить* – *зачертя'чить*, все лексемы которого имеют значение 'положить куда-либо так, что трудно найти'. Приведенный ряд глаголов интенсивного действия возник в результате экспрессии. Данное значение складывается у указанных глаголов на базе семантической модели «приставка за- + семы интенсивности».

Итак, основные пути возникновения синонимических соответствий в воронежских говорах – это контакты с литературным языком, контакты с говорами соседних территорий, сохранение лексики материнских территорий, различные признаки номинации, эмоционально-экспрессивные образования. Отметим, что данные пути не являются характерными исключительно для воронежских говоров, они свойственны основной массе русских диалектных макросистем. Наше исследование на новом материале подтверждает универсальность указанных путей возникновения синонимических соответствий.

Не меньший интерес представляют *способы образования синонимических соответствий*. Важным источником диалектной синонимии являются словообразовательные процессы, так как в говорах употребляется большее количество аффиксов, которые имеют более свободную сочетаемость с корнями, чем в литературном языке. Необходимо оговорить, что некоторые исследователи трактуют такие лексемы как словообразовательные варианты (О.С. Ахманова), однако мы придерживаемся точки зрения Н.С. Валгиной, которая призывает квалифицировать лексемы с различными словообразовательными аффиксами как самостоятельные единицы [Валгина, 2003, с. 29–31].

В результате рассмотрения словообразовательных процессов в воронежских говорах выявлены следующие способы образования синонимических соответствий:

1. Суффиксальный (*говори'льня – говори'шка – говору'ха – говору'шка* 'женщина, которая много говорит'; *мохови'к – мохови'на – мохови'ще* 'болото, поросшее мхом').

2. Приставочно-суффиксальный (*зази'мок – зази'мье* 'первые осенние морозы').

3. Сложение основ с нулевой суффиксацией (*горлопа'н – горлопя'т – шумогу'д* 'крикливый человек').

Отдельно стоит отметить семантическую деривацию. В ряду со значением 'небольшая возвышенность, холм' выделяются синонимические соответствия *горб – макло'к – пуно'к*, которые являются названиями частей тела человека или животного. Значение 'небольшая возвышенность, холм' они получили в результате семантической деривации по признаку возвышения, выпирания.

Выявлено, что самым частотным способом является суффиксация. Можно отметить распространенные суффиксы -иц- (*ведри'ца*), -ец- (*пря'нец*), -ин- (*ляди'на*), -ень- (*сле'пень*), -ун- (*вихру'н*), -ушк- (*леду'шка*), -ев- (*кро'шево*), -ок- (*блино'к*), -ух- (*замету'ха*) и др.

Отмечены словообразовательные типы. Например, в ряду синонимических соответствий со значением 'метель' зафиксирован словообразовательный тип для слов *завируха – заметуха*.

Данные слова образованы от одной и той же части речи (от глаголов *заметать*, *завирать*) с помощью одного и того же словообразовательного форманта (суффикс *-ух-*) и характеризуются общностью словообразовательного значения.

Собранный материал показал, что подавляющее большинство словообразовательных синонимических соответствий представлено именами существительными, так как существительные конкретны, их значения определяются наиболее четко. Зафиксированные имена существительные образуются от разных частей речи: 1) от существительных (*ведрища* ← *ведро*); 2) от прилагательных (*слепень* ← *слепой*); 3) от глаголов (*лепыш* ← *лепить*). Прилагательные составляют меньшую часть выявленных синонимических соответствий, присутствуют в основном в тематической группе «Характеристика человека», они могут образовываться: 1) от существительных (*баклушный* ← *баклуша*); 2) от глаголов (*балакливый* ← *балакать*).

Большинство представленных лексем имеют общерусские корни, диалектные особенности отражаются в присоединении к корням аффиксов (*оттепелки*, *ледяни'ка*, *голя'ч*, *дрожа'лка*). Однако зафиксированы и ряды синонимических соответствий с диалектными корнями (*дроча* – *дроченка* – *дрочка*).

Таким образом, словообразование играет важную роль в возникновении синонимических соответствий. Активное функционирование корней, являющихся исконными для исследуемой нами диалектной макросистемы, обусловило образование новых слов с помощью аффиксов.

В заключение отметим, что многообразие синонимических соответствий в воронежских говорах объясняется различными путями их возникновения (контакты с литературным языком, контакты с говорами соседних территорий, сохранение лексики других материнских территорий, различные признаки номинации, эмоционально-экспрессивные образования) и способами образования внутри системы диалектного языка (суффиксальный, приставочно-суффиксальный, сложение основ). Работа по изучению синонимических соответствий дает полное представление об устройстве и функционировании диалекта,

а также является подспорьем в составлении региональных диалектных словарей.

Библиографический список

1. *Блинова О.И.* Введение в современную региональную лексикологию: Материалы для спецкурса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 258 с.

2. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 304 с.

3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Художественная литература, 1935.

4. *Дьякова В.И., Хитрова В.И.* Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. 344 с.

5. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб.: издание Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1906.

6. Словарь воронежских говоров / под ред. Г.Ф. Ковалева. Вып. 1-3. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004–2019.

7. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. Вып. 1-49. М.-Л.: Наука, 1965–2016.

8. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 1-7. Л.: Наука, 1984–1992.

9. *Ульман С.* Семантические универсали // Новое в лингвистике. Вып. 5. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.

10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

11. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. 654 с.

**WAYS AND MEANS OF WORD FORMATION
OF SYNONYMIC CONFORMITY
IN THE VORONEZH DIALECTS**

Gal'tsova Dariya N.

Voronezh State University, 1, Universitetskaya square,
394018, Voronezh, Russia,
Darij98@yandex.ru

The article examines the main ways and means of formation of synonymous conformity in Voronezh dialects. Attention is paid to the study of contacts with the literary language, the analysis of various features of nomination, as well as the review of emotionally expressive lexemes. Frequency methods of means of formation are noted, word-formation types are revealed, motivating bases are indicated. As a result of the study, a conclusion is made about the features of the sources of synonymic conformity in the Voronezh dialects

Key words: dialectology, Voronezh dialects, synonymous conformity, vocabulary, word formation.

ВЕРБАЛЬНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ТРОПЫ В ДЕТСКОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Запольская Алиса Александровна

Кемеровский государственный университет, 650000,
Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
zapolskaya.alya@mail.ru

Вербальные стилистические средства и тропы в детской англоязычной коммерческой рекламе являются актуальным объектом для изучения, так как в научной литературе существует очень мало исследований по данной теме. В этой работе мы рассматривали и анализировали то, какие вербальные стилистические средства использовались рекламодателями в обращениях, а также какой эффект достигался благодаря этому. В данном исследовании при помощи метода дифференцированного стилистического анализа были определены значимые стилистические приемы, благодаря которым рекламодателями было оказано влияние на целевую аудиторию. Наше исследование показало, что детская реклама изобилует средствами художественной выразительности. Все они так или иначе направлены на привлечение внимания реципиентов и оказание на них эмоционального и психологического воздействия. Результаты данного исследования расширяют знание о потенциале воздействия рекламы на людей через вербальные средства, а также дополняют теорию стилистики рекламного текста.

Ключевые слова: *детская реклама, вербальные стилистические средства, эпитеты, каламбур, рифма, антитеза, аллитерация, лексический повтор.*

Данная работа посвящена исследованию того, какие визуальные стилистические средства рекламодатели используют для привлечения внимания детей к своим товарам и услугам. Эта тема на сегодняшний день достаточно актуальна, но изучена в достаточной мере лишь с точки зрения психологии и влияния рекламы на детей. С точки зрения лингвистики и стилистики эта тема открывает широкий простор для исследователя в плане изучения. Все вышесказанное подтверждает новизну и актуальность данной работы. В качестве материала исследования было использовано 18 статичных рекламных обращений различных детских товаров. Теоретическая значимость данной работы состоит в том, что многие примеры и положения могут быть использованы для дальнейшего исследования этой тематики, а также в том, что благодаря ей будет внесен вклад в развитие теории рекламной коммуникации, маркетинга и лингвистической теории рекламы. Практическая значимость заключается в том, что эта работа может служить источником материала для изучения стилистических средств, используемых в детской англоязычной коммерческой рекламе. В ходе исследования применялись следующие методы: анализ литературы, описание, классификация, обобщение, сравнение, теоретический метод, метод дифференцированного стилистического анализа.

Объект исследования – детская англоязычная коммерческая реклама. Предмет исследования – вербальные и визуальные стилистические средства, которые используются в данной рекламе для создания привлекательного образа рекламируемого товара или услуги. Цель исследования – определить, какие вербальные и визуальные стилистические средства и тропы используются для привлечения внимания детей к товару, и какой эффект достигается благодаря этому.

Детская реклама представляет собой научный интерес для языковедов, так как различные ученые и исследователи в данной области посвящают свои труды детской рекламе с точки зрения лингвистики, тем самым делая свой вклад в развитие разработанности данной проблематики [Бутакова, Козловская, 2017; Казанцева, 2014; Каменева, Тупикова, 2013; Тупикова, Каменева, 2012; Тупикова, Каменева, 2013]. Рассмотрим взгляды ученых-лингвистов на данную проблему.

Так, Казанцева Аида Марсовна в своей статье «Особенности формы языковых единиц в рекламе для детей и подростков» пишет о том, что исследование детской рекламы имеет научную новизну, так как «реклама, адресованная детям и подросткам, ранее с лингвистической точки зрения не изучалась» [Казанцева, 2014]. При этом автор особое внимание уделяет таким средствам, как рифма, фонетический повтор, паронимическая аттракция и фонетическая игра.

Бутакова Лариса Олеговна и Козловская Екатерина Андреевна также относятся к исследователям, которые осветили проблематику детской рекламы в статье «Воздействующий потенциал и особенности восприятия рекламы детских товаров как части дискурсивного пространства для детей и взрослых» [Бутакова, Козловская, 2017]. Авторы выделяют такие вербальные приемы, как уменьшительно-ласкательные суффиксы, использование терминов, повторы. Авторы считают, что благодаря использованию данных средств рекламное сообщение звучит более убедительно, и реципиенты больше доверяют ему.

В данной работе были рассмотрены следующие вербальные стилистические средства: эпитеты, каламбур, рифма, антитеза, аллитерация, лексический повтор.

Итак, рассмотрим использование эпитетов в детской англоязычной коммерческой рекламе. Согласно «Словарю литературоведческих терминов» Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева, «эпитет (от греч. *epitheton* – приложение) – слово, определяющее предмет или явление и подчеркивающее его свойства, качества или признаки» [Тимофеев, Тураев, 1974]. Юрьева Е. В. в своей статье «Эпитеты в слоганах» говорит о функциях эпитетов в рекламе [Юрьева, 2014]. Эпитеты в слоганах, согласно автору, чрезвычайно эффективны и функциональны. Ведь образность речи упрощает восприятие и понимание информации, заложенной в рекламном обращении. Без эпитетов тексты рекламных слоганов были бы однообразными, скучными и невыразительными. Автор полагает, что рекламодатели понимают всю эффективность правильно подобранных эпитетов и поэтому часто используют их в слоганах.

Рассмотрим некоторые примеры функционирования эпитетов в детской англоязычной коммерческой рекламе. На рис. 1

представлена реклама овсяных хлопьев с зефирками «Lucky charms». Мы видим изображение улыбающегося лепрекона, который стоит рядом с огромной тарелкой хлопьев. Рядом с ним надпись «They are magically delicious!». Здесь обыгрывается слово «magically» (волшебно), так как его произносит лепрекон, персонаж ирландского фольклора, который является волшебником и может исполнять желания. Также здесь обыгрывается и само название хлопьев, которое содержит в себе эпитет «удачливый» (lucky). Название подкрепляется тем, что на шляпе у лепрекона четырехлистный клевер, который является символом удачи.

Рис. 1. Реклама овсяных хлопьев с зефирками «Lucky charms»
Источник: <https://www.couponersunited.com/lucky-charms-cereal-just-0-99-at-walgreens-starts-315/>

Рисунок 2 демонстрирует интересное сочетание вербального и визуального компонентов в рекламе для детей. Здесь используется образ бобра, который рекламирует продукт под названием «Crunchy loggs» («Хрустящие бревнышки»).

При этом сами хлопья имеют форму маленьких бревнышек. В рекламе данного продукта обыгрывается образ бобра, так как известно, что они строят свои плотины из бревен.

Рис. 2. Реклама продукта «Crunchy loggs»

Источник: <https://vegalleries.com/art/commercial/2439/crunchy-loggs/crunchy-loggs-production-cel-production-background-id-aprcomm7704>

На рисунке 3 также приведен пример использования эпитетов в детской рекламе. Здесь мы видим рекламу шампуня марки «Johnsons baby». Слева мы видим девочку с нарисованной короной, а справа надпись: «Look like a princess with shiny & healthy looking hair». В данном случае эпитеты «shiny» и «healthy» использовались для того, чтобы подчеркнуть результат от использования шампуня, то есть здоровые и блестящие волосы.

Рис. 3. Реклама шампуня «Johnson's baby»
Источник: <https://www.johnsonsbaby.com/>

Каламбур также является эффективным средством привлечения внимания потенциальных покупателей. Согласно «Словарю литературоведческих терминов» Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева, «каламбур (франц.) – стилистический оборот или самостоятельная миниатюра, основанная на сходном звучании слов или словосочетаний, имеющих разное значение, обычно придающая речи оттенок комизма» [Тимофеев, Тураев, 1974]. Он вызывает улыбку у реципиентов, так как обладает юмористическим эффектом. Каламбур является оригинальным и экспрессивным приемом в рекламе, так как он основан на нарушении языковой нормы, а люди обращают гораздо больше внимания на нечто необычное, чем на что-то привычное. Именно из-за этого реклама товаров часто может быть построена на игре слов.

Ниже можно увидеть примеры использования каламбура в детской англоязычной коммерческой рекламе.

Рисунок 4 демонстрирует рекламу глазированных хлопьев «Count Chocula». Каламбур здесь содержится в самом названии: обыгрывается имя известного всем персонажа графа Дракулы (Count Dracula). Dracula переходит в Chocula, что указывает на шоколадный вкус хлопьев. Визуальный компонент данного рекламного обращения соотносится с вербальным, так как на пачке продукта мы видим изображение Графа Дракулы на фоне замка и полной луны.

Рис. 4. Реклама глазированных хлопьев «Count Chocula»

Источник: <https://blog.generalmills.com/2012/10/the-history-of-our-monsters/>

На рисунке 5 представлена реклама хлопьев «Fruity Krueger». Как и в случае выше, каламбур содержится в названии хлопьев. Здесь обыгрывается имя популярного героя ужастиков Фредди Крюгера. Имя Freddie созвучно с прилагательным fruity (фруктовый), что и создает юмористический эффект. Визуаль-

ная составляющая способствует раскрытию вербальной, так как у персонажа рекламы вместо известных длинных ногтей мы видим ложки, которые, видимо, предназначены для поедания хлопьев.

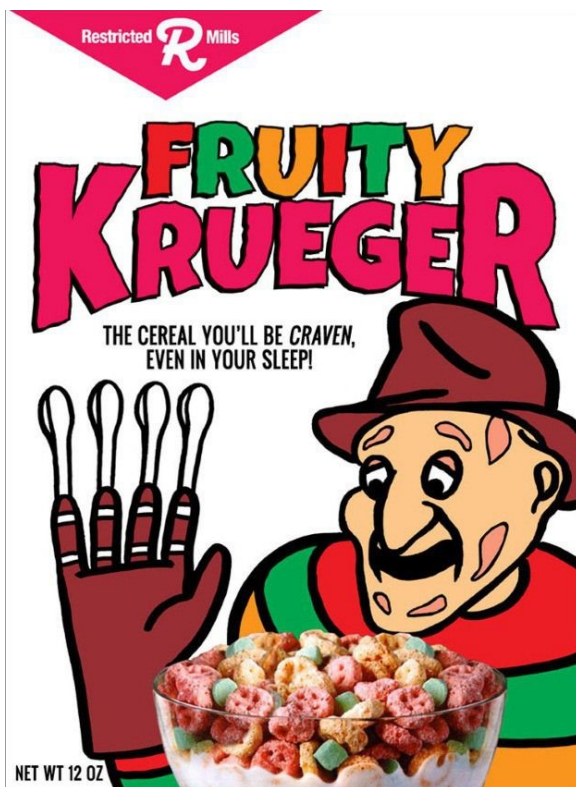

Рис. 5. Реклама хлопьев «Fruity Krueger»

Источник: <https://medium.com/@LaughingSquid/classic-monster-cereals-reimagined-with-modern-horror-movie-characters-9d8d3c30c8f6>

На рисунке 6 изображена реклама всемирно известного бренда M&M's. В обращении используется каламбур, основанный на двойном значении слова «nutty» — ореховый и сумасшедший. При этом слово «nutty» превращается в «Peanutty», что является отсылкой к известному факту, что Желтый (назва-

ние персонажа рекламы) представляет собой драже с арахисом. Также название является отсылкой к очень популярному в американской культуре фильму «The Nutty Professor» (рус. «Чокнутый профессор»). Обилие отсылок и использование яркого узнаваемого визуального образа в рекламе делает ее интересной и запоминающейся.

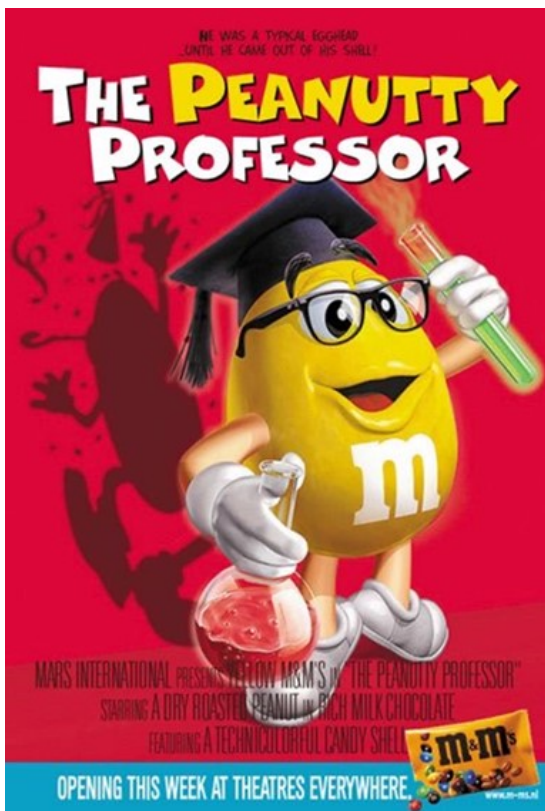

Рис. 6. Реклама бренда M&M's
Источник: <https://www.redbubble.com/shop/m+ms+posters>

Рифма также является достаточно популярным средством у маркетологов. В «Словаре литературоведческих терминов» Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева дается следующее определение: «Рифма (от греч. *rhythmos* – соразмерность) – повтор отдельных звуков или звуковых комплексов, связывающих окончания двух или более строк» [Тимофеев, Тураев, 1974]. Рифма в рекламе обеспечивает легкое запоминание слогана или названия продукта, что и является целью маркетологов. Рифмующиеся строки надолго откладываются в памяти реципиентов и зачастую обладают юмористическим эффектом, вызывая позитивный отклик. При частом восприятии они запоминаются практически навсегда. Так, например, практически каждый ребенок в России знает, что «молоко вдвойне вкусней, если это – Milky Way». В англоязычной детской рекламе также можно найти множество примеров рекламных обращений с использованием рифмы.

Так, на рисунке 7 представлена реклама жвачки «Hubba Bubba» со слоганом «Six feet of gum — six feet of fun». В качестве визуального сопровождения рекламы используется демонстрация самого продукта в трех разных вкусах.

Рис. 7. Реклама жвачки «Hubba Bubba»
Источник: <https://dazpix.co.uk/bubbletape/>

Ниже мы видим рекламу конфет фирмы «Milky way» под названием «Magic stars» со слоганом «Yummy for your tummy». Здесь также используется такой прием, как использование уменьшительно-ласкательных слов для сокращения эмоциональной дистанции с реципиентом: в данном случае это слово «tummy» (животик).

Рис. 8. Реклама конфет фирмы «Milky way»

Источник: <https://bakabarrett.wordpress.com/2014/10/16/milky-way-magic-stars-advert/>

На рисунке 9 располагается реклама десерта «Kinder joy». Снизу видим слоган: «Treat+Toy... Twice the joy!». В данном рекламном обращении равноценное внимание уделяется обоим компонентам продукта – и игрушке, и самому десерту. Так, слева показан продукт, а справа одна из возможных игрушек.

Рис. 9. Реклама десерта «Kinder joy»

Источник: <https://people.com/food/kinder-eggs-coming-to-america/>

Следующее средство, которое мы рассмотрим – это анти-теза. Согласно «Словарю литературоведческих терминов» Л.И. Тимофеева и С. В. Тураева, «антитеза (от греч. antithesis – противоречие, противоположение) – резко выраженное противопоставление понятий или явлений» [Тимофеев, Тураев, 1974]. Антитеза используется в рекламе для того, чтобы ярко показать положительные свойства товара, так как на контрасте многие из них становятся очевидны. Также прием антитезы зачастую используется для демонстрации выгоды потребителя при приобретении данного продукта. В дополнение к этому использование этого стилистического приема является оригинальным способом продемонстрировать уникальность товара по сравнению с другими продуктами этой же категории. Итак, обратимся к примерам использования антитезы в детской англоязычной коммерческой рекламе.

На рисунке 10 изображена реклама сухой молочной смеси фирмы «Nestle» под названием «Nangrow». По центру рекламного обращения располагается слоган: «All growth. Zero added

sugar». В данном случае противопоставляются слова «all» и «zero». Благодаря этому приему родители могут выгодно выделить данную молочную смесь среди других, в которых добавлен такой вредный для детей ингредиент как сахар. Также после восприятия данного слогана создается впечатление, что эта смесь будет способствовать росту и развитию малыша, но при этом не будет оказывать на него негативное воздействие ввиду отсутствия сахара в составе.

Рис. 10. Реклама сухой молочной смеси «Nangrow» фирмы «Nestle»
Источник: <https://www.nestle.in/nestle>

На рисунке 11 представлена реклама детского шоколада «Kinder Chocolate» со слоганом «Small in size big in yums». Очевидно, что здесь в качестве антитезы выступают антонимы «small» и «big». В данном случае прием был использован для того, чтобы подчеркнуть вкус продукта.

На рисунке 12 представлена реклама бренда «Nestlé». Предметом рекламы служит детская сухая молочная смесь «Klim». Нетрудно догадаться, что название продукта – это перевернутое слово «milk» (молоко). Слоган рекламного обращения следующий: «Klim. Your love. Their future». Здесь противопоставляются притяжательные местоимения «your» и «their». При этом достигается эффект психологического влияния, заключающийся в том, что под выражением «your love» имеется ввиду забота о ребенке, которая, в том числе, заключается, по мнению рекламодателей, в покупке данного товара. Таким образом, маркетологи, при помощи данного рекламного обращения, стремятся показать реципиентам, что они проявляют свою любовь и вкладывают в будущее ребенка, покупая эту молочную смесь.

Рис. 11. Реклама детского шоколада «Kinder Chocolate»
Источник: <https://www.kinder.com/me/en/kinder-chocolate>

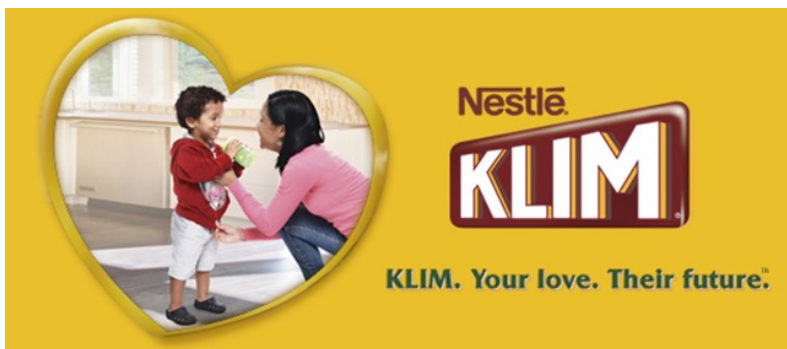

Рис. 12. Реклама сухой молочной смеси «Klim» бренда «Nestlé».
Источник: <https://www.nestle-caribbean.com/brands/allbrands/klim-growing-up-milks>

Итак, перейдем к рассмотрению функционирования аллитерации в детских рекламных обращениях. В «Словаре литературоведческих терминов» Игоря Анатольевича Книгина дано следующее определение рассматриваемого приема: «Аллитерация (от лат. созвучие) – один из старейших приемов звукописи в поэзии и прозе, достигающий их выразительности за счет по-

вторения согласных звуков, чаще всего в начале слова» [Книгин, 2006]. Аллитерация относится к фонетическим средствам выразительности в рекламе. Благодаря использованию данного приема слоганы звучат плавно и красиво за счет повторения одинаковых согласных звуков. При этом аллитерация может использоваться не только в слоганах, но и в самих названиях товаров. Итак, обратимся к примерам.

Рис. 13. Рекламу детских шоколадных батончиков фирмы «Kind kids»
Источник: <https://www.kindsnacks.com/kids-snack-bars/>

Рисунок 13 демонстрирует нам рекламу детских шоколадных батончиков фирмы «Kind kids». Здесь можно наблюдать аллитерацию как в названии бренда, так и в названии самого продукта «Chewy chocolate chip», которое, вероятно, имитирует звуки жевания.

Рисунок 14 также содержит пример аллитерации в рекламе. Здесь предметом обращения являются клубничные хлопья под названием «Crazy cow». В данном случае повторяется начальный согласный [к].

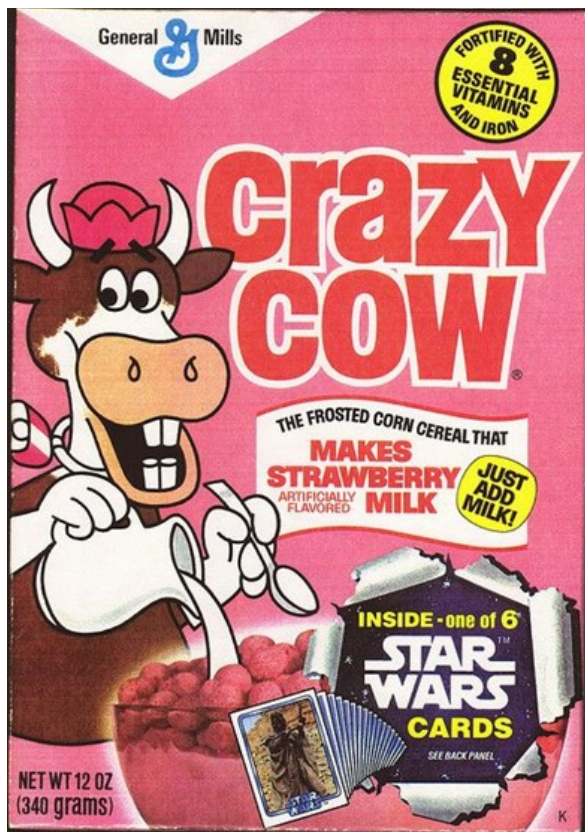

Рис. 14. Реклама клубничных хлопьев «Crazy cow»
Источник: https://www.mrbreakfast.com/cereal_detail.asp?id=106

Визуальная составляющая рекламы прекрасно коррелирует с вербальной: во-первых, обращение оформлено с использованием разных оттенков розового, что соотносится с клубничным вкусом хлопьев; во-вторых, забавное изображение коровы в

сочетании с прилагательным «crazy» (сумасшедший) обладает юмористическим эффектом.

На рисунке 15 показана реклама мороженого под названием «Funny feet», где тоже используется прием аллитерации – повторяется начальный согласный звук [f]. Само мороженое изготовлено в форме ступни розового цвета, что коррелирует с его названием.

Рис. 15. Реклама мороженого «Funny feet»

Источник: <https://www.thegrocer.co.uk/bring-back-a-brand/video-vintage-funny-feet-ad-from-1981/348781.article>

Перейдем к рассмотрению такого феномена, как лексический повтор в детской англоязычной коммерческой рекламе. В «Учебном словаре стилистических терминов» О.Н. Лагута дает следующее определение: «Лексический повтор – это повторение одной и той же словоформы на обозримом участке текста» [Лагута, 1999]. Рекламодатели используют лексический повтор для того, чтобы заострить внимание потребителя на каком-либо важном качестве товара. Благодаря повторению одного и того же слова или фразы, информация лучше запоминается

реципиентом. Также данный прием, несомненно, добавляет экспрессивности и выразительности рекламному обращению. Итак, обратимся к примерам использования лексического повтора в англоязычной детской рекламе.

На рисунок 16 располагается реклама драже «Skittles» со слоганом «Broadway the rainbow taste the rainbow». В данном случае эмфаза на слове «rainbow» (радуга) дополнена визуальным компонентом рекламного обращения: радуга на фоне неба располагается по всему периметру рекламы, этот же рисунок повторяется и на самой пачке драже.

Рис. 16. Реклама драже «Skittles»

Источник: <https://www.elitedaily.com/p/skittles-2019-super-bowl-ad-is-a-live-broadway-musical-that-wont-air-during-the-game-15838548>

На рисунке 17 мы видим рекламу бренда «Макдоналдс». В центре рекламного обращения изображена еда из специальной серии для детей под названием «Happy meal», а сверху располагается слоган: «A happy meal that makes you happy too». Повторение в данном обращении слова «happy» усиливает его значение в сознании реципиентов, и, таким образом, оказывает на них эмоциональное воздействие.

Рис. 17. Рекламу бренда «Макдоналдс»
Источник: <https://www.limehousecreative.com/post/2018/08/02mcdonalds-happy-meal>

На рисунке 18 располагается рекламное обращение бренда «Nestle». Предмет рекламы – сухая молочная смесь для детей «Nan grow 4». Справа от пачки мы видим слоган: «Great start to a great life». Здесь повторяется слово «great», что может оказывать эффект психологического воздействия на реципиентов: на уровне подсознания они получают сообщение о том, что при покупке данной молочной смеси они обеспечивают своему малышу «большой старт в большое будущее».

Рис. 18. Реклама сухой молочной смеси для детей
«Nan grow 4» бренда «Nestle»

Источник: <https://www.xposefilms.com/gallery/>

В ходе исследования было установлено, что в подавляющем большинстве случаев рекламное обращение представляет собой единое целое, состоящее из гармонично взаимосвязанных элементов. Все это помогает рекламодателям оказывать на реципиента комплексное влияние, которое включает в себя такие компоненты, как привлечение внимания, оказание эмоционального и психологического воздействия, вовлечение личных переживаний и потребностей отдельно взятого индивида в предмет рекламы и убеждение его в том, что ему действительно необходим рекламируемый товар.

Также было выяснено, что вербальный компонент является важной частью рекламного обращения, так как использование вербальных стилистических средств делает рекламу информационно насыщенной и запоминающейся. Мы можем сделать вывод о том, что стилистические средства нередко обладают сильным воздействием на реципиента, оказывая влияние на его выбор и предпочтения. Это было подтверждено на конкретных примерах.

Библиографический список

1. *Бутакова Л.О., Козловская Е.А.* Воздействующий потенциал и особенности восприятия рекламы детских товаров как части дискурсивного пространства для детей и взрослых // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. С. 71–81.
2. *Казанцева А.М.* Особенности формы языковых единиц в рекламе для детей и подростков // Филология и культура. Philology and culture. 2014. №1(35). С. 41–45.
3. *Каменева В.А.* Сферы-источники метафорической экспансии в немецкоязычной рекламе для детей / В.А. Каменева, А.М. Тупикова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2 (54). С. 178–183.
4. *Книгин И.А.* Словарь литературоведческих терминов. Саратов: Лицей, 2006. 270 с.
5. *Лагута О.Н.* Учебный словарь стилистических терминов, 1999. 71 с.
6. *Тимофеев Л.И., Тураев С.В.* Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
7. *Тупикова А.М.* Визуальные и изобразительные компоненты рекламного дискурса как средства трансляции гендерных стереотипов (на примере рекламы для детской целевой группы) / А. М. Тупикова, В. А. Каменева // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 21 (275). С. 125–131.
8. *Тупикова А. М.* Идеологическая деконструкция немецкоязычной рекламы для детей с позиции гендерного стереотипизирования / А. М. Тупикова, В. А. Каменева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2(54). С. 178–183.
9. *Юрьева Е. В.* Эпитеты в слоганах // Русская речь. 2014. № 6. С. 59–63.

VERBAL STYLISTIC MEANS AND TROPES IN ENGLISH COMMERCIAL ADVERTISING TO CHILDREN

Zapol'skaya Alisa A.

Kemerovo State University, 6, Krasnaya st.,
650000, Kemerovo, Russia,
zapolskaya.alya@mail.ru

Verbal stylistic means and tropes in English commercial advertising to children are a relevant subject for study, since there is very little research on this topic in the scientific literature. In this study, we examined and analysed what verbal stylistic means were used by advertisers in their messages, as well as what effect was achieved due to this. In this study, using the method of differentiated stylistic analysis, significant stylistic techniques were identified, thanks to which advertisers influence the target audience. Our research showed that advertising to children is replete with means of artistic expression. To some extent, all of them are aimed at attracting the attention of recipients and providing them with an emotional and psychological impact. The results of this study expand knowledge about the potential of advertising to influence people through verbal means, as well as complement the theory of the stylistics of advertising text.

Key words: advertising to children, verbal stylistic means, epithets, pun, rhyme, antithesis, alliteration, lexical repetition.

**ПАПИРУСЫ ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ SATTAOUI
О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЖЕН И ДЕТЕЙ
РИМСКИХ ВОЕННЫХ**

Иванова Елена Сергеевна

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Россия, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23,
IveLina777@yandex.ru

В I–II вв. н. э. на территории Римской империи действовал запрет для военнослужащих на заключение официального брака. Несмотря на это, многие представители данной социальной группы вступали в долговременные отношения с женщинами. Подобные союзы не порицались обществом и обладали социальными характеристиками законного брака. Тем не менее, правовое положение фактической жены военнослужащего, а также детей, рожденных в солдатском браке, существенно отличалось от юридического статуса законных детей и супруги. В статье на основе сохранившихся на папирусах описаний судебных дел, касающихся брачно-семейных отношений военнослужащих, рассматриваются конкретные последствия действия «брачного запрета» для солдатских жен и их детей. Отмечается негативное влияние римских представлений о гендерных ролях на положение женщины. Прослеживаются положительные временные изменения в отношении государства к солдатским детям.

Ключевые слова: *гендерная история, история семьи, римский брак, римская армия, «брачный запрет», папирология.*

Семья играет основополагающую роль во всех обществах. Тем не менее в некоторые периоды времени на определенных

пространствах существовали социальные группы, которым по тем или иным причинам было запрещено создавать семьи. В Римской империи такой группой населения, начиная с правления Октавиана Августа и до 197 г. н. э., были военнослужащие всех подразделений, но не всех званий – запрет не распространялся на высших командиров. Но, несмотря на действие юридического запрета, военные все же создавали брачные союзы и обзаводились детьми, о чем свидетельствуют эпиграфические источники (См., например, эпитафии семейных солдат: [AE 1900, 223; AE 1983, 756; AE 1964, 256; AE 1982, 814; RIU 369, 508, 885, 944, 983, 1030, 1307; CIL III, 3677, 4462, 4467, 4569, 13374, 14065]). В связи с этим возникает вопрос, какое правовое положение было у женщины и ее детей в юридически непризнанном браке с военнослужащим.

Античные историки не оставили свидетельств, позволяющих решить поставленную проблему. В основном римские авторы либо сообщают нам о существовании «брачного запрета», либо приводят сведения о том, что не всеми солдатами он соблюдался. Так, самым ранним и наиболее четким указанием на то, что военным нельзя было вступать в официальные браки является пассаж Диона Кассия, повествующий о событиях 44 г.: «Тем, кто находился на военной службе, поскольку они не могли иметь законных жен, он [Клавдий] дал привилегии женатых людей» [Cassius Dio LX. 24. 3; см. также: Suet. Aug. 24, Tac. Hist. II. 80. 3, Liban. Or. 2. 39–40].

Также информация, относящаяся к теме, содержится в «Дигестах» Юстиниана, поскольку деятельность юристов (за исключением Гая), чьи труды использовались при составлении данного сборника, происходила в период после отмены «брачного запрета» Септимием Севером. Кроме этого, создателям «Дигест» позволялось не включать в сборник законы, вышедшие из употребления [Deo auctore 10]. Поэтому многие статьи «Дигест» отражают более поздние социальные явления, выходящие за хронологические рамки нашей работы.

В сущности, единственным источником, содержащим сведения о правовом положении солдатских жен и детей, являются папирусы из коллекции Cattaoui [Chr. Mitt. 372_1–6], на

которых сохранились описания судебных дел, происходивших в начале II в.

Прежде чем мы перейдем к анализу содержания папирусов, отметим, что римский брак – это вопрос намерения: если мужчина и женщина жили как муж и жена, то их отношения считались официальными [Crook, 1967, P. 101]. Поэтому солдатские браки были правомерными для общества и не подвергались социальному осуждению. Об этом же свидетельствуют и тексты эпитафий, в которых для обозначения спутниц жизни солдат используются термины *coniuga* или *ихог* [AE 1900, 223; AE 1983, 756; AE 1964, 256; AE 1982, 814; RIU 369, 508, 885, 944, 983, 1030, 1307; CIL III, 3677, 4462, 4467, 4569, 13374, 14065]. Более того, в некоторых надписях жены военных именуется даже матронами [CIL III, 222]. Также признаком законного с общественной точки зрения брака было наличие приданого: «не может быть приданого без брака. И везде, где нет брака, нет и приданого» [D. 23. 3. 3.]. И жены солдат, несмотря на «брачный запрет», приносили в дом своих мужей определенное имущество. Но вернуть его обратно при разводе или после смерти мужа они уже не могли.

Из текстов папирусов мы знаем о двух судебных разбирательствах, в которых женщины пытаются получить свое приданое назад. В первом случае Люция Макрина через оратора Фанея «требуется обратно сданную на хранение ценность из имуществ Антония Германа, погибшего солдата» [Chr. Mitt. 372_1 (7)]. Однако префект Люп отказывает ей, поскольку полагает, что сданные на хранение ценности представляют собой приданое. «Не позволено солдату вступать в брак. Если ты требуешь обратно приданое, то я, выдавший постановление, буду казаться убежденным в том, что брак является законным» [Chr. Mitt. 372_1 (11–13)].

Второй иск был направлен Хтинбой против всадника Касия Гемелла, который задолжал женщине 700 драхм, данных ему как ассигнование [Chr. Mitt.372_1– Chr. Mitt.372_3]. Защитники Гемелла не признают эти деньги ассигнованием и указывают, что Хтинба была женой Гемелла и что требуемые обратно средства были даны Гемеллу как приданое. Также в тексте папируса говорится, что названная сумма была дана Гемеллу как

два отдельных ассигнования – по 260 и 440 драхм. В результате стратег Ульпий Асклепиад вынес решение, согласно которому первая сумма признавалась приданым и оставалась у Гемелла, а вторая – возвращалась Хтинбе.

Описанные случаи впечатляют своей несправедливостью. Почему, если женщина фактически может распоряжаться собственным имуществом и заключать сделки, ее ассигнования обязательно являются приданым? С. Фанг находит объяснение подобным действиям римских юристов в представлениях римлян о гендерных ролях [Phang, 2001, P. 36]. Для женщины самой почетной была роль матроны или матери семейства. По этой причине наиболее благопристойным мотивом для передачи ею крупного имущества мужчине будет считаться то, что это имущество составляет приданое. Можно предположить, что в основе такого мотива лежит правило, установленное юристом Квинтом Муцием: «когда происходит спор, откуда поступило что-либо к женщине, то при отсутствии указания на источник, из которого это поступило, более соответствует истине и пристойности считать, что это поступило к ней от мужа или от того, кто был во власти мужа» [D. 24. 1. 51].

Кроме этого, существует версия о том, что римские юристы не возвращали женщинам их приданое, формально переданное мужьям как депозит, поскольку данная сделка представляла собой обход закона о «брачном запрете» и на этом основании могла считаться нелегальной [Katzoff, 1970]. Такое объяснение подходит к третьему разбирательству, описанному на папирусе, в котором женщина по имени Корнелия просит вернуть ей депозит в один талант из имущества умершего мужа [Chr. Mitt.372_6]. Из содержания дела видно, что к моменту своей смерти муж Корнелии уже не состоял на военной службе, и их брак мог считаться официальным. Тем не менее, Юлиан ей отвечает: «Я отказываюсь признавать заем, происходящий из незаконного брака» [Chr. Mitt.372_6 (22–23)]. С другой стороны, совершение подобных сделок в начале III в. уже советовалось самими юристами, о чем свидетельствует ответ Павла в Дигестах [D. 16. 3. 27].

Какими бы ни были мотивы римских юристов, результат всегда один – супруга солдата не получала назад своего прида-

ного в случае смерти мужа или развода. На первый взгляд может показаться, что при браке *sine manu* такое положение вещей не было критичным для женщины, поскольку у нее оставалось ее имущество. Однако, как указывает С. Треггиари, женщины из бедных семей были вынуждены передавать в приданое все свое имущество [Treggiari, 1991, P. 323], и тогда невозможность вернуть его обратно могла привести к тому, что женщина оставалась без средств к существованию.

Теперь рассмотрим правовое положение детей, рожденных в солдатском браке. Отметим, что рождение законных детей, попадающих под власть отца (*patria potestas*) и наследующих его статус, было главной целью создания брачного союза у римлян [Treggiari, 1991, P. 339]. Данная цель оставалась недостижимой в солдатском браке, что также можно наблюдать из записей судебных дел на папирусах. Так, Лонгин, римский гражданин, исполнявший воинские обязанности в I Фиванской когорте, просит установить статус своих сыновей, рожденных в «браке» с римской гражданкой во время его службы [Chr. Mitt. 372_3]. Префект Люп, «посоветовавшись со сведущими в законах», заключил, что дети Лонгина являются римскими гражданами, поскольку оба их родителя имеют такой статус, но они не могут считаться законными детьми Лонгина.

В худшем положении находились дети граждан эллинских городов. На примере дела Октавия Валена и Кассии Секунды [Chr. Mitt. 372_4–5] мы видим, что из-за непризнания появившихся на свет в годы военной службы отца наследников законнорожденными, дети не получали статус граждан своего полиса, даже если оба родителя обладали таковым. В связи с этим они лишались ряда привилегий, таких как освобождение от уплаты налога за голосование в народном собрании, уменьшенные налоги за садовые участки, освобождение от участия в церемонии при приезде резидента, и получали сомнительную привилегию быть избитым жезлом вместо порки кнутом в случае наказания за проступки [Phang, 2001, P. 28].

Кроме этого, непризнанные законом дети могли наследовать имущество отца только при условии, что он укажет их в своем завещании. На одном из папирусов сохранилось дело [Chr. Mitt. 372_4], в котором Хротида просит установить, закон-

но ли ее сын Феодор указан наследником в завещании своего отца Исидора, если он был рожден в период его военной службы и нигде не записано о том, что Феодор и Исидор являются отцом и сыном. Как и в приведенных выше случаях префект Люп указал на то, что «не мог Марциал [новое имя Исидора, принятое, вероятно, после получения римского гражданства по окончании службы в армии], состоя на военной службе, законного сына иметь» [Chr. Mitt. 372_4 (13–14)], но добавил, что наследника Исидор написал правильно. Существует, однако, несколько иная трактовка [Phang, 2001, P. 27] содержания данного папируса, согласно которой Хротида хотела узнать, должен ли Феодор платить налог на наследство, от которого освобождены законные дети, и ответ Люпа относительно его незаконнорожденности указывает на то, что Феодор будет вынужден отдать одну двадцатую часть своего наследства.

Стоит отметить, что рассмотрение дела Хротиды происходило в самом конце правления императора Траяна, и что незадолго до этого времени решение, вынесенное Люпом, было бы незаконным, поскольку военнотружущие получили право назначать себе наследниками иностранцев и латинских граждан [Inst. II. 110] только при этом императоре [Campbell, 1978, P. 158].

Еще одно послабление было сделано для солдатских семей при Адриане, который, как известно из его письма к префекту Египта Раммию [BGU 140], предоставил незаконнорожденным детям военнотружущих право наследовать имущество отцов по закону. Теперь, если солдат признавал родившегося у него ребенка своим, то последний становился наследником третьей очереди [Phang, 2001, P. 40]. В качестве доказательства признания отцовства создавались специальные декларации. Например, сохранился папирус, в котором Эпимах, сын Лонгина, солдат II Фиванской когорты, подтвердил, что 26 декабря 131 года у него родилась дочь Лонгиния [BGU 1690].

В то же время правовое положение солдатских жен практически не менялось вплоть до отмены «брачного запрета» Септимием Севером в 197 г. С одной стороны, женщины-перегринки получили возможность наследовать имущество солдата после введения послабления Траяном, но с другой, у солдата не было никакого обязательства вносить жену в список

наследников. Кроме того, известны случаи, когда женщинам приходилось делить имущество супруга с их товарищами по службе. Так, наследником Элия Мунация, капсария тысячной когорты *Nemesenorum*, наравне с его супругой Аврелией Кансауной, был вексилларий Аврелий Басс [AE 1906, 110].

Тем не менее, несмотря на действие «брачного запрета» и все связанные с ним негативные последствия для жен и детей военнослужащих, примерно половина всех солдат заключали брачные союзы [Phang, 2002]. Более того, нельзя заключить, что солдатские семьи были менее счастливыми по сравнению с гражданскими. В текстах эпитафий супруги используют те же сентиментальные эпитеты, выражающие их чувства друг к другу, что и пары из гражданской среды. Мужья называют своих жен – «редчайшими» («*rarissima*» [RIU 1215]) и «нежнейшими» («*dulcissima*» [AE 1910, 150]). В других надписях они подчеркивают нравственное совершенство своих супругов («*prudicissima*» [AE 2004, 1373] – «целомудренная») или качества, которые больше всего ценились в женах («*obsequentissima*» [AE 1986, 570] – «самая послушная»). Но самым распространенным эпитетом является «*pietissima*» или «*piissima*» [AE 1965, 121; AE 1980, 774; AE 1982, 812] – «благочестивейшая», с помощью которого мужья показывали, что их жены лучше всех других выполняли свой долг перед семьей, что они жили не своими интересами, а действовали на благо мужа и детей. В свою очередь, жены также используют подобные прилагательные для выражения своих чувств («*carissimus*» [AE 1978, 578] – «самый любимый», «*pietissimus*» [RIU 1454] – «благочестивейший», «*sanctissimus*» [AE 1906, 110] – «самый добродетельный»). Так что далеко не все солдатские браки заканчивались столь трагично, как в разобранный выше случае со Хтинбой и Гемеллом.

Список сокращений, используемых при ссылках на источники

Надписи и папирусы

AE – L'année épigraphique. Paris, 1881– ...

BGU – Berliher griechische Urkunden. Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin. Bd. 1–9. Berlin, 1892–1937.

CIL – Corpus inscriptionum Latinarum / Hrsg. A. Degrassi. Berlin, 1863– ...; N. S.: 1981– ...

P. Cattaoui – P. Cattaoui I, ed. B. P. Grenfell, A. S. Hunt, P. M. Meyer // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 1903–1906. Bd. III. P. 55–67.

RIU – Barkóczy L., Mócsy A. Die römischen Inschriften Ungarns. Lieferung 1–2. Budapest, 1972–1976.

Сочинения античных авторов,
юридические памятники, сборники текстов

D. – Digestae Iustiniani («Дигесты» Юстиниана)

Dio Cass. – Cassius Dio Cocceianus. Historia Romana (Кассий Дион Коккейан «Римская история»)

Gai. Inst. – Gaius. Institutiones (Гай «Институции»)

Liban. Or. – Libanius. Orationes (Либаний «Речи»)

Suet. – Suetonius Tranquillus, C. Caesares (Гай Светоний Транквилл «Жизнь двенадцати цезарей»): Aug. – Augustus (Жизнеописание Августа)

Tac. – Tacitus, P. Cornelius (Публий Корнелий Тацит): Ann. – Annales («Анналы»); Hist. – Historiae («История»)

Библиографический список

1. *Campbell, J. B.* The Marriage of Soldiers under the Empire // The Journal of Roman Studies. 1978. Vol. 68. P. 153–166.

2. *Crook, J. A.* Law and Life of Rome. New York : Cornell University Press, 1967. 349 p.

3. *Katzoff, R.* Judicial Reasoning in P. Catt-Fraus Legi // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1970. Vol. 101. P. 241–252.

4. *Phang, S. E.* The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.): Culture, Law, and Practice // Journal of Family History. 2002. Vol. 27. No. 4. P. 352–373.

5. *Phang, S. E.* The Marriage of Roman Soldiers (13 BC–AD 235): Law and Family in the Imperial Army. Leiden, 2001. 470 p.

6. *Treggiari, S.* Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford : Clarendon Press, 1991. 578 p.

**THE LEGAL POSITION OF ROMAN MILITARIES' WIVES
AND CHILDREN IN THE CATTAOUI COLLECTION
OF POPYRI**

Ivanova Elena S.

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23, Gagarin ave., 603950, Nizhny Novgorod, Russia,
IveLina777@yandex.ru

During the first two centuries, Roman militaries were forbidden to get married. Despite this fact, many of them established long-term relationships with women. Such unions were not condemned by society and they had the social characteristics of legal marriage. Nevertheless, the legal position of de facto wives, as well as the status of children born in a soldier's marriage, differed significantly from the ones of legitimate children and spouses. Actually, this article examines the specific consequences of the "marriage ban" for soldiers' wives and their children. Our survey is based on the evidence from the papyri contained the descriptions of court cases concerning marriage and family relations of Roman militaries. Particularly, we note the negative influence of Roman ideas about gender roles on the position of women. Besides, we trace the positive temporary changes in the attitude of the state towards soldiers' children.

Key words: Gender History, Family History, Roman marriage, Roman army, «Marriage ban», Papyrology.

**ОСОБЕННОСТИ ВЫСТРАИВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ
ГЕНДЕРНО-НЕЙТРАЛЬНОГО БРЕНДА
С ПОТРЕБИТЕЛЯМИ**

Краснеева Дарья Алексеевна

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева, 443086, Россия,
г. Самара, ул. Московское шоссе, 34,
krasneevad@mail.ru

В статье рассматривается гендерно-нейтральный бренд одежды, ставится вопрос, почему гендерно-нейтральный бренд одежды может быть востребован сегодня. Цель статьи – проанализировать особенности, которые возникают в процессе коммуникации гендерно-нейтрального бренда одежды и потребителей. Рассмотрены стратегии коммуникации гендерно-нейтрального бренда одежды с потребителями.

Ключевые слова: гендер; гендерные стереотипы; бренд; гендерно-нейтральный; маскулинность; женственность.

Женственность в социуме соотносится с пассивностью, желанием привлечь мужчину и находиться под его защитой. Мужественность же напротив связана с сильной позицией и защитой.

«Женственность» и «мужественность» – это относительные характеристики гендерных полей, связанные воедино и в то же время разделенные границей, имеющей универсальный характер. Граница существует везде и всегда, но ее содержание, характер ее механизмов носят конкретно-исторический характер [Сулейманова, 2017].

Эти возникшие в обществе установки связаны с понятием гендерных стереотипов.

Гендерные стереотипы – это социально конструируемые категории «маскулинность» и «фемининность», которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, разным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов, и которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально одобряемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость [Васильева, 2007].

Такое положение дел долгое время было выгодным для брендов. Они использовали эти стереотипы, выстраивая коммуникацию с потребителем. Гораздо проще продать товар, убедив потенциального покупателя, что он поможет «почувствовать себя настоящим мужчиной» или «необходим каждой женщине». Особенно это касалось индустрии одежды: к примеру, широкоплечий брючный костюм прочно ассоциировали с маскулинностью, а юбку или платье – напротив, с феминностью. То есть «женственность» или «мужественность» просто шли в комплекте с соответствующим нарядом.

На данный момент ситуация сильно изменилась. Потребители перестают воспринимать всерьез стереотипную рекламу, а некоторые бренды либо начинают перенимать гендерно-нейтральную повестку, либо с зарождения не разделяют свою аудиторию по половому признаку.

Мы решили остановиться на гендерно-нейтральном бренде одежды и выяснить, почему гендерно-нейтральный бренд одежды может быть востребован сейчас.

В ходе исследования была выделена следующая проблема: проанализировать особенности, которые возникают в процессе коммуникации гендерно-нейтрального бренда одежды и потребителей.

Цель заключалась в том, чтобы выявить эти особенности.

Было поставлено две задачи:

- проанализировать гендерно-нейтральный бренд одежды;
- описать на основе анализа особенности.

Сейчас многие люди перестают нуждаться в том, чтобы соответствовать общественным ожиданиям, которые зависят от их половой принадлежности. Некоторые не видят необходимости в том, чтобы относить себя к определенному гендеру. Для

них на первый план выходит потребность в свободном самовыражении. А в жизни они сочетают модели поведения, которые считаются условно мужскими или женскими.

У гендерно-нейтральных брендов одежды они находят ценность самовыражения.

Интересно, что по запросу «Gender neutral fashion» Google выдает примерно 58 млн ссылок. Люди проникаются идеями агендерности одежды. Мужчины надевают условно феминные блузки или юбки, а женщины начинают себя чувствовать комфортно в свободной одежде, не боясь обвинений в недостаточной женственности.

В России эта тенденция только развивается, однако и здесь есть гендерно-нейтральные бренды.

Обратимся к анализу винтажного магазина «Eversale».

Анализ осуществлялся по следующим пунктам:

1. Общая характеристика.
2. Выявление «кредо» бренда и его позиционирования на рынке.
3. Оценка рыночной ситуации и анализ конкурентов с похожим позиционированием.
4. Выявление символов бренда, позволяющих его идентифицировать.
5. Составление портрета целевой аудитории.
6. Описание взаимодействия бренда с потребителем, ценностей и эмоций, которые получает потребитель.
7. Выявление методов продвижения и их характерных особенностей.

Результаты анализа показали следующее:

1. Общая характеристика.

Объект, рассматриваемый в данной работе, – это магазин одежды «Eversale». Магазин был открыт в 2017 году Егором Светским.

«Eversale» осуществляет продажи в онлайн и оффлайн режиме. Онлайн-аккаунты магазина в социальных сетях: вконтакте и инстаграм. Оффлайн – физический магазин, находящийся в пространстве арт-проекта «Этажи» на Лиговском проспекте, 74, в городе Санкт-Петербург.

2. Выявление «кредо» бренда и его позиционирования на рынке.

«Eversale» позиционируется как винтажный магазин, одежда в котором продается без разделения на пол.

Концепция бренда раскрывается через личность его создателя, Егора Светского. Он убежден в том, что у одежды нет половой принадлежности и люди должны перестать сомневаться насчёт понравившихся им вещей. Они не должны искать пол на ярлыке и оглядываться по сторонам с мыслью: «а что подумают люди, если я это примерю?».

По его словам, кредо «Eversale» строится на «трех китах»: бесполовая одежда, осознанное потребление и минимализм.

3. Оценка рыночной ситуации и анализ конкурентов с похожим позиционированием.

В настоящее время в России существуют и другие магазины, которые не делят одежду на мужской и женский сегменты или выпускают отдельные «унисекс» линейки. Однако большинство из них не заявляет об этом как о своей философии или принципе.

Конкуренты с агендерным позиционированием:

– «NNedre» – бренд «кэжуал» одежды, с производством в городе Санкт-Петербург. У бренда есть физические магазины в Москве и Санкт-Петербурге, а также сайт для онлайн-продаж. На сайте «NNedre» есть деление на мужскую и женскую одежду, однако там так же есть вкладка «унисекс». Стоит отметить, что на фотографиях бренда мужчины и женщины часто одеты в одинаковую одежду в свободном стиле.

– Бренд «Romanovdesign», принадлежащий дизайнеру Роману Уварову, выпускает одежду без привязки к гендеру. На фотографиях этого бренда модели мужчины могут быть одеты в традиционно женскую одежду: платья, свободные блузки и юбки. Бренд выделяется на российском рынке за счёт неординарного визуального стиля и личности основателя.

Конкуренты среди винтажных магазинов:

– «Поток» – винтажный магазин, расположенный в городе Санкт-Петербург. Магазин работает только в онлайн-режиме. Одежда при продаже не делится на мужскую и женскую, но у

«Потока» нет четко сформулированного позиционирования, в котором говорилось бы про агендерность.

4. Выявление символов бренда, позволяющих его идентифицировать.

Название: Eversale (в переводе на русский – только про-дажа).

Логотип: Когда магазин открылся в 2017 году, его логотип представлял собой изображение воздушного шара на белом фоне с названием «Eversale» внутри него и подписью «vintage concept store» (винтажный концептуальный магазин).

Позднее логотип был изменен и стал более проработанным. Осталось только название «Eversale», выполненное шрифтом в стиле «Ар Нуво». А также появилась небольшая подпись снизу «St. Petersburg», обозначающая географическое положение магазина.

Слоган: «Ваш любимый винтажный магазин», а также «У одежды нет пола. И мы в этом уверены».

Цветовая палитра и оформление социальных сетей: в оформлении социальных сетей используются три основных цвета: черный, белый и бежевый. Эти же цвета доминируют в оформлении магазина в Санкт-Петербурге.

На основании анализа социальных сетей магазина можно сделать вывод, что они выдержаны в единой минималистичной визуальной стилистике.

5. Составление портрета целевой аудитории.

Целевая аудитория «Eversale» разделяет убеждения основателя магазина касательно гендерных стереотипов.

Потенциальный потребитель данного бренда, вероятно, имеет феминистскую позицию, а также не согласен с общепринятыми ожиданиями, связанными с его полом. Он хочет выражать свою индивидуальность через яркий внешний вид, который обычно не ожидают увидеть от представителя его пола.

Сегментирование:

1) Молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет, проживающие в Санкт-Петербурге.

2) Молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет, проживающие в России (не включая Санкт-Петербург).

6. Описание взаимодействия бренда с потребителем, ценностей и эмоций, которые получает потребитель.

Основное взаимодействие с потребителем происходит в социальных сетях. Аккаунт «Eversale» в социальной сети в контакте насчитывает более 27 тысяч подписчиков, в инстаграме – 8 тысяч подписчиков.

На основе анализа аккаунтов бренда в социальных сетях, можно сделать вывод о том, что «Eversale» не только продает товары, но также выстраивает пространство для дискуссии и поднятия тем, связанных со стереотипами.

Так, в марте 2017 года брендом была организована фем-активистская кампания, приуроченная к 8 марта. «Eversale» выпустил партию футболок, на которых логотип магазина был совмещен с надписью «Feminist & proud» (феминист и горжусь). Для участия были приглашены постоянные покупатели и близкие к бренду и его создателю люди, которые рассказали, почему они поддерживают феминизм и что значит для них 8 марта.

Главной ценностью, которую потребитель получает от «Eversale», является свобода самовыражения. Также можно выделить такие ценности как: нахождение в пространстве единомышленников и развитие собственного стиля.

Также потребитель получает от бренда эмоции, связанные с ощущением комфорта. Покупая товары этого бренда, потребитель знает, что его не будут осуждать за выбор. Эти же эмоции транслируются брендом при коммуникации с потребителем в социальных сетях.

7. Выявление методов продвижения и их характерных особенностей.

На основе анализа были выявлены следующие три основных метода продвижения «Eversale»:

1) Таргетированная реклама в социальных сетях. Для рекламы команда «Eversale» снимает видеоролики с моделями, одетыми в яркие образы. В видеоролике 2019 года под названием «EVERSALE IN MOTION» модель в одежде, которая продается в «Eversale», танцует на улицах Санкт-Петербурга.

2) Коллаборация. В 2019 году бренд снял совместный видеоролик с музеем «Советских игровых автоматов». Модели

снимались в помещении музея и были одеты в одежду, которая продается в «Eversale».

3) «Сарафанное радио» – неофициальный метод продвижения, который связан с тем, что магазин находится в Санкт-Петербурге в здании арт-проекта «Этажи». Вокруг пространства арт-проекта сформировался узкий круг людей, чья деятельность связана с творчеством или социальным активизмом. Некоторые из них относятся к целевой аудитории «Eversale» и советуют его своим знакомым.

Основным риском при коммуникации с аудиториями для бренда, подобного «Eversale» может стать привлечение внимания «неблагоприятной аудитории» – людей, которые не толерантны к идеям разрушения гендерных стереотипов. Они относятся к концепции бренда негативно и будут распространять свое недовольство в информационном поле.

Выстраивая стратегию коммуникации с потребителями, гендерно-нейтральный бренд должен учитывать эту особенность.

Было выявлено два противоположных метода решения проблемы:

а) контроль трафика и избегание при продвижении тезисов, а также фото- и видеоматериалов, которые могут привлечь негативное внимание;

б) «игнорирование» и использование гротеска при продвижении.

Для этого метода были разработаны соответствующие инструменты продвижения:

– сотрудничество с лидерами мнений, поддерживающими убеждения бренда, в социальных сетях;

– запуск со страниц магазина в социальных сетях флешмоба, связанного с борьбой с гендерными стереотипами, и его распространение подписчиками;

– «провокационные» публикации и их продвижении при помощи таргетированной рекламы;

– фотосессия-коллаборация с известной в социальных сетях личностью, а также отдельный пост с данной фотосессией и история этой личности, связанная с гендерными стереотипами в его/ее жизни.

Библиографический список

1. *Васильева И.Б.* Гендер как социальная категория и ее характеристики // Вестник Балт. фед. ун-та им. И. Канта. 2007. № 2. С. 70–76.

2. *Сулейманова Л. В.* Визуализация гендерного дисплея в условиях современной культуры [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2017. №1.

FEATURES OF BUILDING COMMUNICATION OF A GENDER-NEUTRAL BRAND WITH CONSUMERS

Krasneeva Darya A.

Samara University 34, Moskovskoe highway, 443086, Samara,
Russia, krasneevad@mail.ru

We live in a gender culture in which social roles and functions are conditionally distributed depending on the gender of people. Society expects certain behaviors from men and women based on a set of stereotypes. But now many people refuse to conform to them. And some brands offer self-expression to such target audiences regardless of gender stereotypes. The article analyzes a gender-neutral clothing brand.

Key words: Gender; gender stereotypes; brand; gender neutral; masculinity; femininity.

РАЗВИТИЕ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ С ОНР III УРОВНЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ АВТОРСКОГО ИНТЕРАКТИВНОГО ЗАНЯТИЯ

Михайлова Александра Игоревна

Шадринский государственный педагогический университет,
641800, Россия, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3,
alexandra9898@bk.ru

Юдина Валерия Александровна

Шадринский государственный педагогический университет,
641800, Россия, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3,
lerau44@yandex.ru

В статье обоснована проблема сложности формирования связной речи у детей с общим недоразвитием речи III уровня. Приведены данные исследователей по использованию цифровых технологий в занятиях по развитию речи. Описано авторское занятие с использованием мультимедийного игрового ресурса, разработанного в программе Microsoft Power Point 2016.

Ключевые слова: дети дошкольного возраста; связная речь; общее недоразвитие речи (ОНР III уровня); цифровые технологии; интерактивная игра – занятие; цифровизация.

При условно нормативном развитии у детей дошкольного возраста к 5 годам идет формирование всех компонентов речи. Но не всегда формирование протекает благоприятно, чаще всего страдает: связная речь, грамматический, лексический и фонетический строй речи. Эти нарушения называются общим недоразвитием речи.

Общее недоразвитие речи (ОНР) – это искажение речевых компонентов при сохранном слухе и интеллекте [Глухов, 2002].

Впервые термин ОНР выдвинули в XX веке сотрудники дефектологии под руководством Р.Е. Левиной. Изначально исследователи все речевые патологии сводили к нарушениям в развитии, но позже обратили внимание на то, что симптоматика у речевых патологий различна. Коллективом было принято решение отделять формы патологий, зависимости от компонентов речевой системы [Левина, 1967].

Многие ученые изучали развитие связной речи у детей с ОНР: Жукова Н.С., Мастюкова Е.М., Филочева Т.Б. и др. [Мастюкова, Филочева и др. 1998]. Они обратили внимание на то, что формирование связной речи сам по себе сложный процесс, но при общем недоразвитии речи, коррекционная работа протекает затруднительнее.

Связная речь характеризуется богатым словарным запасом, умением грамотно и последовательно составлять рассказы, излагать окружающим свою речь, грамматическим, лексическим строем речи [Глухов, 2002].

Развитие связной речи – это долгий процесс, который проходит постепенно. Коррекция его идет одновременно с детской деятельностью. Для лучшего формирования связной речи, педагог отталкивается от интересов дошкольного возраста.

Одним из способов овладения связной речью у детей с ОНР, является использование цифровых технологий в образовательном процессе.

Современную жизнь тяжело представить без цифровых технологий, они все больше заполняют будни людей. Дети с раннего возраста владеют интерактивными играми, разбираются в интерактивных приложениях, умеют рисовать на планшетах.

И современные педагоги должны отталкиваться от интересов детей, подстраивать образовательную деятельность под индивидуальные особенности каждого ребенка.

Проблема изучения вопроса применения цифровых технологий в образовании появилась относительно недавно. Многие ученые высказывают свою положительную точку зрения по вопросу использованию интерактивных средств в образовании.

Так, И. Роберт описал в своих работах положительную динамику в процессе формирования памяти, мышления, вооб-

ражения и речи благодаря использованию цифровизации в образовании [Роберт, 2010].

Е.Я. Кривич писал, что использование авторских мультимедийных игр существенно повышает теоретические знания и улучшает связную речь [Кривич, 2006].

И.А. Дорохова, Н.Р. Трифонова обратили свое внимание на то, что при выполнении интерактивных заданий дети чувствуют себя на равных условиях [Дорохова, 2014]. Большинство перестает испытывать стеснение и чувство страха, легко вступает в обсуждение. Дети получают заряд положительных эмоций, тем самым знания лучше усваиваются, и ребенок приобретает уверенность в себе и своих силах.

В результате наблюдения за детьми в образовательном процессе, нами было принято решение о разработке авторских мультимедийных игр. Для этого мы использовали общеизвестную программу Microsoft Power Point. Данная программа является сервисом подготовки и просмотра презентаций, и входит в пакет приложений Microsoft Office.

Правильно оформленный продукт покажет невероятные результаты. Но при создании его необходимо соблюдать требования санитарно-эпидемиологических правил и нормы, врачей, физиологов, гигиенистов. Изображения на слайдах должны быть крупного размера, с контрастным переливом. Фон презентации не должен сильно выделяться среди персонажей, т.к. это будет отвлекать внимание детей и травмировать сетчатку глаза. Звук в игре должен быть приглушенный, т. к. у каждого ребенка свое слуховое восприятие, а приглушенное звучание будет для всех комфортным звуком [Абдыкадыров, 2019].

Так же необходимо помнить о правильном использовании интерактивных средств. Игры должны использоваться рационально и дозировано: не более двух раз в неделю, но не в первый учебный день (понедельник) и не в последний (пятница). Лучшее время для использования ИКТ в учебном процессе – это во вторник и четверг. Время занятия с применением ИКТ тоже ограничено – оно составляет не более 15-25 минут для детей старшего дошкольного возраста. В середине занятия проводится «физическая минутка» и гимнастика для глаз [Абдыкадыров, 2019].

Представлять продукт для группы детей на мониторе компьютера, ноутбука запрещено. Необходима интерактивная доска, которая располагается на расстоянии 2-4 м от детей. Экранный лист располагается на уровне глаз детей, свет должен падать слева. Стулья у детей должны быть удобные, со спинкой, расставляются в 3-4 ряда [Абдыкадыров, 2019].

При соблюдении всех требований прописанных в нормативных документах и исследованиях врачей, педагогов, гигиенистов, отрицательного влияния на здоровье детей дошкольного возраста компьютерные технологии нести не будут.

Интерактивные игры способствуют развитию связной речи, пополняют словарный запас, развивают грамматический строй речи, формируют фонетико-фонематический слух, помогают детям ориентироваться в пространстве. Игры развивают у детей и мыслительные процессы, формируют память, мышление и даже воображение. Они заставляют обдумывать свои действия и ставят в ситуацию выбора, тем самым развивая самостоятельность. В дальнейшем дошкольники без помощи взрослого способны принимать обдуманные решения и подходить к каждой ситуации рационально.

Так же использование ИКТ (интерактивные игры, создание мультфильмов) совместно с дошкольниками на занятиях, способствует лучшему овладению цифровыми технологиями. Дети школьного возраста самостоятельно создают проекты и выступают с презентациями.

С помощью интерактивных игр ведущая игровая деятельность незаметно для детей сменяется учебной, что не влечет за собой стрессовые ситуации.

Особенно актуальным является использование различных игр для коррекции речевых нарушений дошкольников с ОНР. Их внимания тяжело добиться посредством традиционных способов, дети быстро отвлекаются и переключаются на другую деятельность. Поэтому логопеды все чаще применяют в своей работе сенсорные столы и покупные развивающие игры.

Нами было создано интерактивное занятие для детей с ОНР III уровня. Оно направлено на развитие связной речи, фонетико-фонематического развития и лексико-грамматического строя речи.

Данный ресурс предполагает использование не более 15 минут. Разработка содержит в себе задания на одно занятие с целью максимального сохранения здоровья детей старшего дошкольного возраста.

Игра–занятие создано посредством элементарных команд: группировка, анимация, звуки, переходы, триггеры и т.д. Разработано в программе Презентации Microsoft Power Point 2016.

Игра-занятие посвящено теме «День защитника отечества». В самом начале ведется разговор о зимних месяцах, об известных праздниках зимой, о праздничных традициях. Беседа педагога с детьми переходит к празднику День защитника отечества.

Первая игра в интерактиве – «Одень богатыря». Дети обсуждают, как выглядит богатырь, «собирают» его. После надевают на него защитную одежду. Сложность задания заключается в том, что необходимо выбрать именно костюм богатыря, а помимо его снаряжений на слайде представлена камуфляжная одежда и рыцарские доспехи. Во время выполнения задания каждый элемент одежды активно обсуждается детьми. Педагог задает вопросы «что это и для чего необходимо?», дети развернуто отвечают на поставленные вопросы. Таким образом, у игроков развивается творческое мышление, воображение, пополняются знания об исторических солдатах, происходит коррекция речевых функций, развивается связная речь.

После выполнения первого задания участники игры богатыря отправляют на службу. И дети вспоминают современные военные профессии.

На слайде появляется перепутанный сюжетный эпизод. В это время педагог зачитывает рассказ с ложными фактами. Детям необходимо прослушать рассказ и затем обсудить каждое предложение, найти ошибку и исправить ее на слайде. Например: «Танкист плыл на корабле», дети на экране наблюдают, как танкист проплывает по суше на корабле. Воспитанники обращают внимание на эту ошибку, после строят предложение грамотно и пересаживают танкиста в танк, а моряка на корабль. Так дети исправляют недочеты на протяжении всего рассказа. Данное задание направлено на формирование фонетического слу-

ха, связной речи, грамматического строя. Способствует развитию умений слушать, слышать и логически мыслить.

Также это задание развивает наблюдательность и поднимает настроение воспитанникам. Благодаря чему знания усваиваются быстрее и занятие проходит в положительной атмосфере. Воодушевленные интересом воспитанники забывают про свои страхи и каждый ребенок открывается, не боится высказывать свое мнение. Таким образом, все дошкольники вовлечены в познавательный процесс.

После шуточного упражнения, проводится физическая минутка на тему занятия, чтобы поддержать интерес к лексической теме и не забыть пройденный материал.

Следующая игра предполагает определение рода деятельности каждого солдата. В центре слайда выделено оборудование, внизу слайда военные профессии. Дети по очереди выходят к экрану и называют профессию солдата и его профессиональный атрибут. После сказанного, ребенок находит объекты на слайде и переносит их. Например: десантника пересаживает в самолет и наблюдает, как десантник выпрыгивает с парашютом. Приземлившись на землю, мультимедийный солдат благодарит игрока. Таким образом идет манипуляция с каждой профессией. Данная игра ближе знакомит детей с профессиями, способствует развитию интереса детей в процессе совместной деятельности. Дети овладевают конкретными речевыми ситуациями, нормами речи.

После выполнения детьми задания, педагог проводит гимнастику для глаз, чтобы не навредить здоровью дошкольников.

Указания дошкольникам:

- сильно зажмурьте глаза на 10 секунд – расслабьте глаза на 5 секунд – откройте глаза и быстро поморгайте. Так 2-3 раза;
- посмотрите по сторонам, вверх, вниз;
- круговые движения открытыми глазами;
- круговые движения закрытыми глазами;
- быстро поморгать.

Следующая игра – словесная «Один – много». В ее процессе дети обогащают словарный запас и учатся образовывать слова множественного числа.

После словесной игры логопед совместно со всей группой выбирает заинтересовавшую детей военную профессию. Участники игры по очереди должны придумать согласованные предложения, соблюдая последовательность в рассказе. Логопед обязательно должен пояснять детям, что должно быть введение, основная часть и заключение. Педагог записывает за детьми процесс составления рассказа, после излагает сказанное. После прослушивания придуманного рассказа группа должна его обсудить. Цель данного задания – способствовать формированию связной речи у детей с ОНР III уровня.

В конце дети прослушивают пословицы и рассказывают, какая военная профессия их заинтересовала и почему.

Таким образом, интерактивный ресурс помогает закрепить знания детей и поддерживает интерес на протяжении всего занятия. Дети не устают, не отвлекаются, не переживают, свободно высказываются. Следовательно, формируется лексико-грамматический строй речи у детей, развивается фонетическое восприятие и связная речь, пополняется словарный запас детей, обучение проходит ненавязчиво и эффективно.

Библиографический список

1. *Абдыкадыров А.А.* Цифровизация образования – основополагающий фактор развития будущего дошкольника // Премственность в образовании / Р.Н. Токсонбаев, А.А. Абдыкадыров Бишкек Кыргызстан, 2019. № 23(10). С. 661–664. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42315390> (дата обращения: 03.12.2020).

2. *Глухов В.П.* Формирование связной речи детей дошкольного возраста с общим речевым недоразвитием. М.: АРК-ТИ, 2002.

3. *Дорохова И.А.* Система работы по использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовательном процессе ДОУ для развития ведущих сфер личности детей дошкольного возраста // Инновационные педагогические технологии: материалы междунар. науч. конф. / Н.Р. Трифонова, И.А. Дорохова. Казань: Бук, 2014. С. 79–82.

4. Жукова Н.С. Логопедия: Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников / Е.М. Мастюкова, Т.Б. Филичева, Н.С. Жукова. Екатеринбург: АРД ЛТФ, 1998.

5. Кривич Е.Я. Компьютер для дошколят. М.: Издательство ЭКСМО, 2006. 192 с.

6. Левина Р. Е. Основы теории и практики логопедии. М.: Просвещение, 1967. 105 с.

7. Роберт И. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования. Москва: ИИО РАО, 2010.

**DEVELOPMENT OF CONNECTED SPEECH OF CHILDREN
WITH ONR LEVEL III WITH THE APPLICATION
OF AUTHOR'S INTERACTIVE LESSON**

Mikhailova Alexandra Igorevna

Shadrinsky State Pedagogical University, 3, K. Liebknecht st.,
641800, Shadrinsk, Russia, alexsandra9898@bk.ru

Yudina Valeria Alexandrovna

Shadrinsky State Pedagogical University, 3, K. Liebknecht st.,
641800, Shadrinsk, Russia, lerau44@yandex.ru

The article substantiates the problem of coherent speech in children with general speech underdevelopment of the III level. The data of researchers on the use of digital technologies in speech development classes are presented. The author's lesson is described using a multimedia game resource developed in the Microsoft PowerPoint 2016 program.

Key words: preschool children, coherent speech, general speech underdevelopment (OHP level III), digital technologies, interactive game – lesson.

УДК 94(73)

**АМЕРИКАНСКИЙ РЕСПУБЛИКАНИЗМ
КАК НАСЛЕДНИК КЛАССИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТРАДИЦИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Неволин Сергей Юрьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
arezista.zubochev@gmail.com

Исследование посвящено поиску элементов республиканизма в современном политическом дискурсе США с целью определить перспективы возрождения этой традиции в XXI веке. Феномен республиканизма был изучен с момента его зарождения в Древней Греции до угасания в Новое время. Отдельное внимание уделено развитию принципов республиканизма в колониальную эру истории США и в первые десятилетия после окончания войны за независимость. В результате контент-анализа предвыборных программ президентов США XXI века сделан вывод, что республиканизм не сохранился как цельная концепция организации общества. Однако отдельные его принципы проявляются в современных идеологиях, и в условиях кризиса либерализма традиция имеет шансы на возрождение.

Ключевые слова: *республиканская традиция, res publica, либерализм, свобода, национальное государство.*

В 1992 году была опубликована книга Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек». В ней американский политолог рассуждал о скором становлении абсолютного доминирования либерально-демократической идеологии по всему миру. Предполагалось, что она доказала свою работоспособность как идеальной системы формирования правительств и осуществле-

ния политики. Последующее распространение либеральных демократий должно было свести на нет борьбу идеологий и закрепить дружественные связи между всеми странами [Фукуяма, 2004, с. 42–47].

Менее чем через десять лет идея о конце истории оказалась похоронена под обломками нью-йоркских «башен-близнецов». Распространение западной либеральной модели «естественным путем» столкнулось с противодействием по всему миру, в частности на Ближнем Востоке, и привело к трагедии 11 сентября 2001 года. Последующее неудачное военное вмешательство США в дела Ирака и Афганистана во многом дискредитировало либеральную модель. А реакция американских и европейских властей на террористические акты, выразившаяся в усилении правительственных полномочий [Романовская, 2017], заложила основу для усиления авторитарных режимов и постепенного сокращения общемировой демократизации – об этом говорит неуклонно снижающийся с 2005 года показатель глобальной свободы [Freedom House, 2021].

Таким образом, к началу 2020-х годов либеральная идеология остается в глубоком кризисе. Все либеральные институты переживают резкий спад доверия со стороны граждан развитых стран. Население задается вопросами о компетентности органов трех ветвей власти и эффективности и честности института выборов [New York Post, 2021; Gallup, 2020]. Кроме того, «мейн-стримные» политики-профессионалы все чаще сталкиваются в борьбе с популистами-новичками. В недавних победах непрофессиональных политиков на выборах, примером чего может служить триумф Дональда Трампа в 2016 году, прослеживается явное стремление граждан найти альтернативу либерально-демократической системе. При этом консервативная и социалистическая идеологии на данный момент оказываются не способны предложить собственную стабильную модель. В этой ситуации в среде мыслителей и ученых стали чаще обсуждаться перспективы возрождения классической республиканской традиции как альтернативы либерализму.

Республиканизм зародился в Древней Греции. Античные мыслители понимали *res publica* как достояние народа, совокупность всех его дел и вещей. Они делали акцент на том, что сво-

бодные представители народа должны управлять своим политическим бытом в стремлении к общему благу. Народ представлял собой не просто собрание случайных индивидов, а людей, связанных одобряемыми всеми законами и общими интересами [Хархордин, 2020, с. 32]. *Res publica* по Цицерону является не четко обозначенной системой правления с закрепившимися навсегда институтами, а совокупностью принципов жизни общества. Они постоянно оспариваются и по-новому интерпретируются, но в сути своей остаются неизменными. Принятые законы могут быть заменены, институты могут устареть, но республиканские идеи останутся путеводной звездой на пути к созданию эффективной политической системы [Хархордин, 2020, с. 34–35]. По этой причине не имеет значения форма правления. *Res publica* может быть и монархией, если правитель руководствуется интересами общего блага.

Развитие традиции республиканизма в Риме позволило дополнить традицию и выделить ее ключевые элементы [Хархордин, 2020, с. 38–41]:

1. **Свобода.** В республиканской мысли она имеет позитивный характер и подразумевает отсутствие даже потенциальной возможности человека оказаться во власти другого. На уровне политического объединения, например полиса, это означало независимость от воли других внешних сил;

2. **Добродетель.** Виртуозное обладание этим качеством позволяет человеку достигать значимых целей. Своеобразная совокупность таланта и воли его реализовать;

3. **Участие.** Республика включает в себя две сферы жизни – публичную и частную. Ко второй относится собственность людей, их личные взаимоотношения. Эта сфера напрямую зависит от публичной, где происходит принятие законов и обеспечивается база для существования частной жизни. Поэтому в *res publica* крайне важными являются равный доступ к участию в политике и заинтересованность граждан в участии;

4. **Признание.** Оно становится результатом успешной деятельности человека в частной и публичной сферах жизни.

Дальнейшее развитие республиканской традиции стало постепенно искажать изначальную концепцию. Аврелий Августин заменил идею консенсуса по вопросам прав граждан сер-

дечным согласием братьев во Христе, Никколо Макиавелли первым противопоставил республику монархии, а Томас Гоббс использовал термин *res publica* в защиту абсолютизма [Хархордин, 2020, с. 37–62]. Становление больших национальных государств с многомиллионным населением в Новое время оказалось губительным для большей части республиканских постулатов, в первую очередь, свободы. Борьба за нее сменилась теорией естественных прав Джона Локка, а личное участие в публичной сфере было заменено работой представительных институтов.

Ряд историков полагает, что последним заметным проявлением республиканских традиций в XVIII–XIX веках являлось установление демократического строя США. Так, историк Гордон Вуд в книге «Создание Американской республики» утверждает, что республиканизм был одной из идеологических основ американской революции [Wood, 1972, p. 48]. Таким образом, становится актуальным вопрос: как американская политическая сфера жизни унаследовала идеи республиканской парадигмы? Чтобы найти ответ, необходимо проследить эволюцию принципов *res publica* в США и обратить внимание на их проявления в предвыборных программах американских политиков XXI века.

Жизнь переселенцев в Северной Америке в XVII–XVIII веках была организована по республиканским принципам. В суровых условиях Нового Плимута отцы-пилигримы работали вместе без вмешательства внешних сил во имя общего блага – обеспечения пропитания, крыши над головой и защиты от набегов индейцев. Общее дело играло в их жизни ключевую роль из-за невозможности прожить без помощи друг друга [Пейн, 1959]. Так, в 1620-е годы первые переселенцы Северной Америки создали *res publica*. Она была официально оформлена Мэйфлауэрским договором как гражданский политический организм, организованный для создания справедливых и одинаковых для всех законов [Согрин, 2018, с. 15].

Несмотря на различия колоний в быту, религии и идеях их жителей, Новый Плимут являлся достаточно стандартным примером политико-социальной жизни всех колоний. Их площадь, численность населения и расстояния между поселениями были невелики, а быт был общим. Даже к началу XIX века первую сто-

лицу США Филадельфию населяла всего 41 тыс. человек против 1 млн в Лондоне [A vision of Britain..., 2020; Census, 1850].

Американские колонии в XVIII веке оставались наиболее свободными от монархических ограничений, чем любая другая часть света [Wood, 1966, p. 6]. Поэтому введение метрополией Гербового закона в 1765 году было встречено резким недовольством. Долгое время Англия не вмешивалась в становление американского общества и экономики, что привило местным жителям чувство республиканской свободы. С 1765 по 1776 год они отрицали полномочия английского парламента облагать их налогом [Wood, 1966, p. 11]. Таким образом американцы начали защищать свою свободу не попадать под даже потенциальное принуждение со стороны метрополии [Wood, 1966, p. 6].

Основы американской революции во многом были республиканскими и антиэтатистскими. Однако в работах отцов-основателей перед началом активной фазы борьбы за независимость уже прослеживалось смешение республиканских тезисов с либеральными. Так, Томас Пейн писал о зарождении американского общества в республиканских понятиях о работе на общее благо. Однако он отмечал, что с расширением колоний и увеличением их населения неизбежно появится необходимость поручить политическую деятельность избранным представителям [Пейн, 1959]. Это отвечает уже либеральным идеям Джона Локка о создании представительных органов власти для больших государств [Локк, 1689]. Американские историки склоняются к тому, что во время революции и в первые послевоенные годы существования США отцы-основатели смешивали принципы либерализма и республиканизма [Banning, 1992, p. 3]. Они апеллировали к естественным правам и называли короля тираном, но стремились не заменить его, как то предполагает либерализм, а полностью освободиться. Еще на первом Континентальном конгрессе в 1774 году некоторые радикальные представители колоний доказывали, что источником прав американцев являются естественные законы о врожденном равенстве всех индивидов [Согрин, 2018, с. 29]. В противовес этой либеральной позиции существовал республиканский принцип суверенности отдельных штатов, которые изначально не желали объединения в единое государство. Томас Джефферсон видел смыслом всей

революционной борьбы именно конституции штатов [Согрин, 2018, с. 43]. Это означало стремление сохранить штаты в виде *res publica* как относительно небольших свободных от внешнего контроля образований.

Стремительное развитие институтов представительной демократии и либерального разделения на три ветви власти после окончания Войны за независимость начало постепенно разрушать республиканские основы американского общества [Wood, 1990, р. 24–25]. Было образовано движение федералистов, которое успешно пролоббировало принятие конституции нового федерального государства на замену конфедерации [Согрин, 2018, с. 49–54]. Началось противостояние федералистов Александра Гамильтона и республиканцев Томаса Джефферсона, которое, несмотря на крах федералистской партии в начале XIX века, завершилось поражением республиканизма. Американское национальное государство, чуждое классической традиции, уже было установлено и в течение XIX века продолжало укрепляться. Окончательно оно было оформлено в результате войны Севера и Юга, в ходе которой произошел отказ от идеи США как союза независимых государств, и Авраам Линкольн в Геттисбергской речи прямо заявил об угрозе американской нации со стороны отделившихся штатов [Линкольн, 1863].

Особенности американской федеральной политической системы и постоянного идеологического противостояния в рамках нее позволяет предположить, что отдельные положения республиканской традиции существуют в идеях политических партий. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть данный тезис, был проведен контент-анализ программ президентов США последних 20 лет, размещенных на их предвыборных сайтах: Джорджа Буша-младшего, Барака Обамы, Дональда Трампа и Джо Байдена (см. табл.). Анализ концентрируется на частоте и характере упоминаний в программах ключевых политических позиций американского дискурса: права на аборт, права сексуальных меньшинств, права граждан на владение оружием, государственные социальные программы, налоговая политика, инициативы на уровне штатов.

Контент-анализ предвыборных программ кандидатов в президенты США

Президент	Подкатегории	Признаки (тезисы)	Количественные единицы счета (кол-во символов)	Качественные единицы счета (оценочное отношение к тезису)	
			Частота появления признака	+	-
Джордж Буш-младший (2000, 2004)	1.1. Экономико-политические позиции	1.1.1. Государственные программы	29581	✓	
		1.1.2. Снижение налогов	4916	✓	
		1.1.3. Права штатов	11430	✓	
		1.1.4. Военные действия	6122	✓	
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Права на аборт	213		✓
		1.2.2. Однополые браки	-		
		1.2.3. Владение оружием	531	✓	
Барак Обама (2008, 2012)	1.1. Экономико-политические позиции	1.1.1. Государственные программы	33714	✓	
		1.1.2. Снижение налогов	3274	✓	
		1.1.3. Права штатов	2308		✓
		1.1.4. Военные действия	14975		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Права на аборт	1616	✓	
		1.2.2. Однополые браки	75	✓	
		1.2.3. Владение оружием	-		

Дональд Трамп (2016)	1.1. Экономико-политические позиции	1.1.1. Государственные программы	5964	✓	
		1.1.2. Снижение налогов	5629	✓	
		1.1.3. Права штатов	1879	✓	
		1.1.4. Военные действия	15801		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Права на аборт	–		
		1.2.2. Однополые браки	–		
1.2.3. Владение оружием		3616	✓		
Джо Байден (2020)	1.1. Экономико-политические позиции	1.1.1. Государственные программы	81507	✓	
		1.1.2. Снижение налогов	522		✓
		1.1.3. Права штатов	13359		✓
		1.1.4. Военные действия	2262		✓
	1.2. Культурные позиции	1.2.1. Права на аборт	362	✓	
		1.2.2. Однополые браки	46288	✓	
		1.2.3. Владение оружием	3258		✓

Джордж Буш-младший выступал с позиции активного вмешательства федерального правительства в экономику как всей страны, так и отдельных штатов [Буш, 2000]. Оно подразумевало широкие инвестиции в государственные социальные и экономические программы. Республиканская традиция в принципе не приемлет подобное вмешательство внешней силы (федерального правительства) в дела политического сообщества (штатов). Поэтому подобный элемент политики Буша-младшего нельзя назвать соответствующим республиканским идеалам. Нельзя таковым назвать и стремление президента к усилению американской армии и вмешательства в дела других стран. Рес-

публиканская свобода предполагает не только отсутствие даже потенциального принуждения со стороны внешних сил, но и отсутствие стремления подчинить чужую волю своей.

В то же время Буш-младший был сторонником сокращения федеральных налогов. Эти сборы являются неотъемлемой характеристикой национального государства и фактически представляют собой принуждение республик со стороны правительства. Поэтому в республиканской парадигме сокращение налогового бремени Джорджа Буша-младшего является шагом в сторону свободы. Кроме того, Буш-младший в программе уделяет большое внимание правам штатов и зачастую выдвигает тезисы об освобождении их от различных федеральных программ.

Наиболее неоднозначными элементами американского политического дискурса с точки зрения республиканизма являются культурные вопросы. Права на аборт, однополый брак и владение оружием могут трактоваться по-разному и зависят от контекста. Это связано с тем, что в *res publica* народ самостоятельно устанавливает наиболее приемлемые для себя законы. Потому и наличие права на оружие, и его отсутствие может пониматься как проявление республиканизма. В американском контексте право на оружие является признаком республиканской традиции, поскольку было принято народом с целью дать возможность гражданам защититься от посягательств государства [Breitbart, 2019]. Вопрос аборт более сложный, поскольку их легализация на всей территории США произошла не в рамках народного волеизлияния, а решением Верховного Суда в 1973 году. С точки зрения республиканизма это означает, что некоторые штаты были принуждены государством разрешить на своей территории аборт, и это решение не было народным согласием. Республиканизм предполагает, что вопрос аборт в принципе не может решаться на уровне государства, а должен оставаться в компетенции республик. Поэтому при изучении позиции Джорджа Буша-младшего необходимо обратить внимание, поддерживает ли он насильный запрет или разрешение аборт на территории всей страны или лишь изъявляет частное мнение. В программе он заявляет о себе как о противнике аборт и ставит своей целью защитить федеральным законом не-

рожденных детей, что противоречит республиканской идее. Таким образом, в идеологии сочувствующего консерватизма Джорджа Буша-младшего отражаются некоторые идеи республиканской традиции, но только в тех рамках, которые может позволить национальное государство.

Его преемник Барак Обама оказывается еще дальше от республиканизма [Obama, 2008]. Он придерживается идеи создания множества федеральных программ и вмешательства государства в экономику. В отличие от Буша он не придает значения правам штатов и не говорит о правах на ношение оружия. Барак Обама является сторонником оборотов и заявляет о намерении защищать решение Верховного Суда 1973 года. Кроме того, он выступает за права на однополые браки, которые были легализованы аналогично абортам. Республиканизм проявляется в идеях Обамы лишь в виде поддержки снижения налогов и открытого выступления против войн в других странах.

Дональд Трамп отметил в 2016 году достаточно неоднозначной популистской программой [Trump, 2016]. Его кампания за отмену системы Obamacare говорит о явном стремлении сократить присутствие государства в рыночных механизмах США, однако в вопросах инвестирования в другие социальные проекты он не столь категоричен. Это делает невозможным однозначное определение его отношения к федеральному вмешательству в экономику, однако само ее частичное одобрение говорит о расхождении с республиканскими принципами. Дональд Трамп обходит стороной вопросы абортов и однополых браков. А приверженность политике снижения налогов, уважения прав штатов, сворачивания военного вмешательства США в других странах и защиты права на оружие позволяет его программе быть достаточно близкой к республиканским постулатам.

Позиция Джо Байдена меньше всех соответствует республиканским принципам [Biden, 2020]. Поддержка государственных социальных программ, прав на аборты и однополые браки вместе с выступлением против прав штатов, возможности ношения оружия, военного вмешательства в другие страны и снижения налогов делает его программу наиболее далекой от республиканской традиции среди всех президентов США XXI века.

Таким образом, в результате исследования было обнаружено, что президенты от Республиканской партии США более склонны включать в свои программы идеи, соответствующие классической республиканской традиции. В то же время можно констатировать, что ее ключевые принципы, такие как особая свобода, равные возможности граждан для прямого участия в политике, практически не существуют в современном американском политическом дискурсе. Поиски республики в идеях политиков США в основном сводятся к рассмотрению того, насколько позиции других идеологий приемлемы в рамках республиканизма. Апелляция к свободе от любого принуждения встречается крайне редко.

Однако в программах Дональда Трампа и Джо Байдена проглядывается постепенное усиление противостояния либеральной идеологии именно с положениями республиканизма. Позиции Республиканской партии со времен Джорджа Буша-младшего стали больше соответствовать республиканской традиции, а Демократы к началу президентства Байдена отделились от них. Это говорит о том, что республиканизм в долгосрочной перспективе и при условиях мирового социально-экономического кризиса будет иметь все больше шансов вновь стать актуальным как принцип организации общества. Это возрождение, безусловно, столкнется с противодействием либерально-элитарной традиции. Но, как утверждал еще Цицерон, именно в процессе оспаривания *res publica* становится крепче [Хархордин, 2020, с. 35].

Список источников

1. *Линкольн А.* Геттисбергская речь. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/19/a-l-gettisbergskaya-rech.php> (дата обращения: 21.10.2020).

2. *Локк Д.* Два трактата о правлении. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_1.pdf (дата обращения: 05.09.2020).

3. *Согрин В.В.* Энциклопедия истории США. М.: Весь Мир, 2018. 470 с.

4. *Пейн Т.* Избранные сочинения / пер. с англ. яз. Ф.Ф. Вермель. М.: Издательство АН СССР, 1959. 428 с.

5. Abstract of the census legislation of the United States, from 1790 to 1850 inclusive. URL: <https://web.archive.org/web/20130724235112/http://www2.census.gov/prod2/decennial/documents/1850a-02.pdf> (дата обращения: 23.10.2020).

6. Barack Obama and Joe Biden: The Change We Need | Policy Issues. URL: <https://webarchive.loc.gov/all/20081030105624/http://www.barackobama.com/issues/> (дата обращения: 23.09.2021).

7. Can more local self-rule save a collapsing, ‘late Roman’ America? URL: <https://nypost.com/2021/06/27/can-more-local-self-rule-save-a-late-roman-america/> (дата обращения: 23.09.2021).

8. Congress and the Public. URL: <https://news.gallup.com/poll/1600/congress-public.aspx> (дата обращения: 25.12.2020).

9. Freedom in the World 2020: A Leaderless Struggle for Democracy. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2020/leaderless-struggle-democracy> (дата обращения: 23.09.2021).

10. George W. Bush for President Official Site: Issues. URL: <https://webarchive.loc.gov/all/20001112133151/http://www.georgewbush.com/issues/index.html> (дата обращения: 22.12.2020).

11. Joe’s Vision – Joe Biden for President: Official Campaign Website. URL: <https://webarchive.loc.gov/all/20200825220605/https://joebiden.com/joes-vision/#> (дата обращения: 23.09.2021).

12. London GovOf through time. URL: https://www.vision-of-britain.org.uk/data_cube_page.jsp?data_theme=T_POP&data_cube=N_TOT_POP&u_id=10097836&c_id=10001043&add=N (дата обращения: 23.10.2020).

13. Patriotic Quotes from America’s Founding Fathers. URL: <https://www.breitbart.com/politics/2019/07/04/13-patriotic-quotes-from-americas-founding-fathers/> (дата обращения: 23.10.2020).

14. Policies – Donald J Trump | Donald J Trump for President. URL: <https://webarchive.loc.gov/all/20161026004813/https://www.donaldjtrump.com/policies/> (дата обращения: 23.10.2020).

Библиографический список

1. *Романовская О.В.* Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму // Наука. Общество. Государство. 2017. №2. С. 10–16.

2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. яз. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2004. 253 с.
3. Хархордин О. В. Республика. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 159 с.
4. Banning L. The Republican Interpretation: Retrospect and Prospect // American Antiquarian Society. 1992. P. 153–179.
5. Wood G. Classical Republicanism and the American Revolution // Chicago-Kent Law Review. 1990. Vol. 66. P. 13–38.
6. Wood G. Rhetoric and Reality in the American Revolution // The William and Mary Quarterly. 1966. Vol. 23, No. 1. P. 3–32.
7. Wood G. The Creation of the American Republic 1776-1787. New York: W. W. Norton & Company, 1972. 653 p.

**AMERICAN REPUBLICANISM AS AN HEIR
TO THE CLASSICAL REPUBLICAN TRADITION:
CONTEMPORARY ASPECTS OF STUDY**

Nevolin Sergey Y.

Perm State University, 15, Bukireva st., 614990, Perm, Russia,
arezista.zubochev@gmail.com

This study explores elements of republicanism in the current US political discourse with a view to identifying prospects for a revival of this tradition in the twenty-first century. For this reason, the phenomenon of republicanism was studied from its origin in ancient Greece to its extinction in the New Age. Special attention is paid to the development of republicanism in the colonial era of the United States and in the first decades after the end of the War of Independence. As a result of the content analysis of the election programs of the US presidents of the 21st century it is concluded that republicanism has not survived as a whole concept of organization of society. However, some of its principles are manifested in modern ideologies, and in the midst of a crisis of liberalism, tradition has a chance of reviving.

Key words: republican tradition; res publica; liberalism; freedom; national state.

**РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ
В АНГЛИИ СЕРЕДИНЫ XVII В.:
ОСОБЕННОСТИ КИНОИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Оборина (Калегина) Елена Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
elena.andreevna00@yandex.ru

В статье рассматриваются республиканские идеологии и их интерпретация в исторических документах и фильмах об Английской революции. В исследовании прослеживается взаимосвязь между научными подходами в исследовании данного периода и исторической памятью создателей кинолент. Выделяются характерные общие черты при отображении, а также обусловившие сходства и различия в восприятии событий Английской революции факторы.

Ключевые слова: республиканская традиция, Английская революция, кинематограф, киноинтерпретация, Англия.

Республиканская традиция издавна вызывает интерес широкого круга ученых. Изучение английской революции XVII в. имеет большое значение не только с точки зрения науки, но и культуры. Однако не все аспекты того периода детально изучены с точки зрения республиканской традиции.

Данная работа позволяет ответить на вопрос: какие республиканские ценности и в какой степени наиболее удачно отражены как в документах того времени, так и в кинолентах? Для выявления характерных особенностей кинорепрезентации положений были использованы как исторические (документальные и нарративные), так и кинематографические источники об

Английской революции. Выборка аудиовизуальных источников обусловлена достаточно простым критерием – создателями всех представленных кинолент были британцы, с детства имевшие хорошее представление об этих событиях.

Важно обозначить основополагающие положения классической республиканской традиции в современной науке: особое понимание свободы, стремление к гражданской доблести, жизнь ради признания и участие. Определения к этим постулатам предложила исландская исследовательница Изольт Хонохан, а российский учёный Олег Хархордин скорректировал их и дополнил новыми примерами [Хархордин, 2014]. Республиканская свобода характеризуется отсутствием проявления зависимости и порабощения в любом виде и проявляется как добровольно налагаемые на себя ограничения. При этом необходимо отметить, что стать свободным можно лишь при синтезе этих трех условий. Стремление к гражданской доблести закрепляет за собой некую «игру», где люди соревнуются в действиях во благо общества. Подобные проявления являются необходимостью для поддержания свободы. Жизнь ради признания заключается в желании человека сделать свое имя бессмертным в памяти потомков, что возможно только на общественном уровне. Важным пунктом этого тезиса является принципиальное равенство участников и невозможность снискать себе признание с помощью насилия или нарушения стандартов соревнования. Такое положение как участие выражается в вовлеченности каждого человека в общественную и политическую жизнь. Это проявляется в участии в определении того, что является общим благом, в заботе о нем, участии в выработке правил совместной жизни и принятии ограничений, следующих из этих правил.

На основании исторических сочинений и политических документов XVII в. удалось выявить тенденцию – в большей части из них делается упор на особое понимание свободы и вопросы доблести, меньше уделяется внимание остальным республиканским постулатам. В частности, в «Народном соглашении» 1647 года говорилось: «...как высоко мы ценим действительную свободу... мы считаем, что теперь мы обязаны по вза-

имному долгу друг перед другом проявить наибольшую заботу, какую мы только можем, о том, чтобы в будущие времена избежать опасности возврата в рабское состояние и дорого стоящего средства быть исцеленными новой войной...» Из данного фрагмента видно, что левеллеры были готовы на решительные действия, лишь бы соблюдалось это положение. Жизнь ради признания и участие присутствуют в исторических источниках XVII в., однако представлены слабо. Как нам представляется, это происходило по причине политической нестабильности в Англии с 1645 по 1670 гг. [Кондратьев, 2010].

Как и в исторических документах, в кинематографических сюжетах в той или иной степени присутствуют республиканские ценности. В кинолентах об Английской революции наиболее удачно был отображен такой постулат как особое понимание свободы. Важно отметить, что данное положение присутствовало в каждом источнике и являлось ключевым.

Остановимся подробнее на фильме «Кромвель» 1970 года. Многие исследователи отмечают фактологические несоответствия с революционными событиями [Креленко, 2012, с. 244]. Во-первых, создатели киноленты полностью исключили сюжетную линию с другими завоеваниями Кромвеля. В данном фильме часто акцентируют внимание на частной жизни, нежели на политической, а военные походы на Ирландию и Шотландию и вовсе отсутствуют. Во-вторых, в некоторых сценах или подменены имена, или создан ложный образ. Например, в ключевом для развития действия сюжете о задержании пяти членов парламента были использованы совершенно другие личности, одним из которых был лорд Манчестер. Но если эти несоответствия связаны с определённым социальным запросом, то третий вид неточностей – это «киноляпы», которые так или иначе присутствуют. Например, сообщение о смерти Джона Пима, которое доходит до Оливера Кромвеля только спустя несколько лет.

Однако при этом стоит отметить достоверность передачи в фильмах положений классической республиканской традиции. Как было сказано выше, у создателей кинолент наиболее часто используется особое понимание свободы. Например, в фильме

«Кромвель» (1970 г.) главный герой говорит следующую фразу: «...боимся и дрожим как жалкие рабы», из чего видно негативное отношение персонажа к данному состоянию. Важно выделить, что напрямую на кинорепрезентацию Английской революции влияли несколько факторов. Первый связан с вигской теорией в исторической науке, взятой за основу на момент снятия фильмов («Кромвель» и «Уинстенли»). Она утверждала, что гражданская война хоть и была кровавой, но в итоге послужила отличным «трамплином» для дальнейшего расцвета Англии [Креленко, 2012, с. 248]. Второй – особенности исторической памяти, которая зафиксировала в сознании зрителей не всегда достоверные факты об Английской революции [Молодежь и наука XXI века..., 2017]. Оба фактора взаимосвязаны друг с другом, так как данная историческая теория была популярна среди широкого слоя населения.

Стоит отдельно выделить кинофильм «Убить короля» 2003 года выпуска. В его случае можно также говорить о достоверном переложении той же ключевой черты классической республиканской традиции, однако факторы, обусловившие это, на наш взгляд, совершенно другие. Если в «Кромвеле» история предстает широким полотном, то в последней киноленте сюжет построен на иной традиции – во главе угла стоит частная история. Как нам кажется, в этом проявляется современная тенденция в локализации крупных событий. Особое понимание свободы в этом фильме показано достоверно и с точки зрения исторических событий, и с точки зрения республиканской традиции. Создатели киноленты обращались к документам XVII в., взаимосвязь между ними и этим фильмом лучше и достовернее сохранена. Это связано с возвращающимся интересом к кинорепрезентации частной жизни и с методологическим переходом в научной среде к «новому консенсусу», который характеризуется отходом от либерального подхода и возвращением консервативного в массовом и научном сознании.

Однако не все положения классической республиканской традиции получили должную степень отражения в фильмах об Английской революции. Например, такая черта как участие

была вовсе проигнорирована создателями кинолент. Причины столь малого внимания к этому положению связаны прежде всего с желанием режиссеров сконцентрироваться на тех чертах республиканской традиции (например, на особом понимании свободы), которые известны и понятны широкому кругу зрителей.

Подводя итог, можно сказать, что в исторических документах XVII в. основными пунктами классической республиканской традиции выступают особое понимание свободы и стремление к личной доблести. Это связано с повышенным интересом английских деятелей середины XVII в. к данным идеологемам из-за нестабильной политической обстановки в Англии. В созданных же спустя три столетия после случившихся событий кинолентах, повествующих о революционных событиях, заметно превалирует такое республиканское положение как особое понимание свободы. Это вызвано спецификой исторической памяти у создателей кинолент и главенствующих научных теорий и подходов на момент снятия фильмов. Недостаточное использование при кинорепрезентации событий XVII века такого положения как участие связано также с исторической памятью.

Список источников

Аудиовизуальные источники:

1. «Кромвель» (реж. Кен Хьюз, 1970)
2. «Уинстенли» (реж. Эндрю Молло, Кевин Браунлоу, 1975)
3. «Убить короля» (реж. Майк Баркер, 2003)

Исторические источники:

1. «Основы предложений, исходящие от армии» от 1 августа 1647 г. // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII–XVIII вв.: учеб. пособие для вузов по спец. «История». М.: Высш. шк., 1990. С. 198–201.
2. «Народное соглашение» 1647 г. // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII–

XVIII вв.: учеб. пособие для вузов по спец. «История». М.: Высш. шк., 1990. 45–47 с.

3. «Заседание армейского суда в Пэтни» от 1 ноября 1647 г. // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII–XVIII вв.: учеб. пособие для вузов по спец. «История». М.: Высш. шк., 1990. 47–48 с.

4. Письмо О. Кромвеля Р. Хэммонду от 25 ноября 1648 г. // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII–XVIII вв.: учеб. пособие для вузов по спец. «История». М.: Высш. шк., 1990. 43–44 с.

Библиографический список

1. *Кондратьев С.В.* Английская революция XVII века: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский дом «Академия», 2010. 192 с.

2. *Креленко Н. С.* Два кинопортрета Английской революции (Образ в искусстве как отражение духа времени) // Диалог со временем. М. 2012. Вып. 38. С. 241–256.

3. *Хархордин О.В.* Что такое республиканская традиция? URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/centres/respub/web-site/bilingua_8_11_07.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

4. *Хусаинова И.А.* Образ лидера движения истинных левеллеров в фильме «Уинстенли» // Молодежь и наука XXI века: XVIII Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященный 85-летию КГПУ им. В.П. Астафьева. История и политика в искусстве: материалы Межрегиональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и школьников. Красноярск, 26 апреля 2017 г. Красноярск, 2017. С. 53–55.

REPUBLICAN IDEOLOGEMES IN ENGLAND IN THE MID-17TH CENTURY: FEATURES OF FILM INTERPRETATION

Oborina (Kalegina) Elena A.

Perm State University, 15, Bukireva st., 614990, Perm, Russia,
elena.andreevna00@yandex.ru

This article discusses the film images of Elizabeth Tudor and Mary Stuart as a representation of their historical figures. The study is traced the evolution in the representation of the English and Scottish queens and identifies its causes. The author identifies the characteristic common features of cinema images and factors that caused similarity.

This article is discussed republican ideologemes and their interpretation in historical documents and films about the English Revolution. The study is traced the relationship between scientific approaches in the study of this period and the historical memory of the filmmakers. It is highlighted common features in the display and the factors that caused the similarities and differences.

Key words: Republican tradition, English Revolution, Cinema, Cinema interpretation, England.

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ МЕДИА

Попович Дарья Александровна

Уральский федеральный университет им. первого президента
России Б.Н. Ельцина, 620149, Екатеринбург, ул. Мира, 19,
porovitch_daria@mail.ru

В статье обсуждается роль, способы коммуникации, а также вклад и участие СМИ стран Южной Америки в моменты и ситуации социального протеста. Источниковую базу составляют материалы «Clarín» и обозревателей «La Nación» и «El Nacional». Цель данной статьи – проанализировать роль местных СМИ в конфликте с социальным протестом в странах Латинской Америки. На основе изучения материалов периода чилийских протестов осени 2019 года были выявлены основные журналистские стратегии массовой коммуникации.

Ключевые слова: массовая коммуникация, социальный протест, стратегии массовой коммуникации.

Конфликты в Чили, Эквадоре, Боливии, Венесуэле и политическая нестабильность в Аргентине – это процессы, происходящие в данный момент, поэтому указанные кризисные явления изучены недостаточно.

Даже имея экспертные оценки, мы можем лишь прогнозировать, чем завершится ситуация для этих стран, и как это скажется на мировом сообществе.

Мы имеем уникальную возможность наблюдать участие СМИ в конфликтных ситуациях в южноамериканских странах. Исходя из анализа ситуации, мы можем сделать выводы, как СМИ влияют на данную ситуацию в каждой из этих стран. Раз-

жигают ли они данный конфликт, способствуют ли его смягчению, применяя «мягкую силу»?

Мы изучим журналистские подходы стран Южной Америки в освещении кризисных явлений, что позволит нам сделать некоторый вклад в межкультурную коммуникацию. Кроме того, мы сделаем попытку переосмыслить роль СМИ в кризисных явлениях и в социальных конфликтах.

Цель нашего исследования – выявить роль чилийских, венесуэльских и аргентинских СМИ в преодолении кризисных явлений в изучаемых странах, а также определить, как концепт протестов отражается в медиа данных стран.

В нашей работе мы опираемся на методологию исследования коммуникации. В частности, нами были взяты за основу следующие теории:

Одна из них – теория сетевого общества и сетевого государства М. Кастельса. «Сетевое общество – это общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий» [Кастельс, 2016]. При этом главную роль в обществе играют «переключатели» – это те структуры и органы, которые могут подключать кого-то к сети или отключать от сетей.

Мы также обратились к коммуникационной теории Н. Лумана, который, рассматривая особенности функционирования СМИ, видит «новые медиа» как «самоописание общества» [Назарчук, 2012].

Нами также были взяты за основу теории о «глобальном метрополисе». Г. Канна и «симулякры» Ж. Бодрийяра.

Кроме того, мы опираемся на фундаментальную теорию «посредничества» И. М. Барберо, сыгравшую принципиально важную роль в становлении латиноамериканской мысли. Уже в 1970 гг. И. М. Барберо использовал термин «посредничества», который ввел до него П. Фрейре.

И. М. Барберо утверждал: «Нет прямого, немедленного общения, каждое общение требует отстраненности ... Общение – это разлука и мост: посредничество» [Vassallo de Lopes, 2018].

Изучая влияние СМИ в политических процессах Южной Америки, мы должны учитывать их особенности. Несмотря на

разнообразии стран данного континента, местные медиа объединяет одна историческая деталь: их появление в данных странах в свое время было обусловлено противостоянием колониальной и антиколониальной прессы.

В разные исторические периоды данные СМИ подвергались тому или иному влиянию стран Европы, преследовавших различные политические цели.

В ходе борьбы за независимость, учеными этих стран была создана так называемая альтернативная коммуникация, которую поддержали не только в научных кругах, но также различные политические движения, профсоюзы и католическая церковь [Pineda de Alcazar, 2001].

Публикации СМИ, посвященные протестам 2019 года также интересно рассмотреть с точки зрения поколений: диктатура в Чили и Аргентине, в результате которой люди пропадали без вести, существовала относительно недавно. Она оказала влияние на то, как современные чилийцы и аргентинцы воспринимают политические события.

Говоря о кризисных явлениях, мы прежде всего опирались на научную статью Вильданова И. Э. [Вильданов, 2006], а также на исследования Евдокимова В. А. [Евдокимов, 1995] и многих других авторов.

В качестве эмпирической базы нами было взято шесть общественно-политических газет: аргентинские издания «La Prensa» и «Clarín», чилийские издания «La Nación» и «El Pulso», венесуэльские издания «El National» и «El Universal». Переводы материалов на русский язык мы осуществляли самостоятельно. Мы обратились к местным СМИ, так как именно они находятся в самом центре социального конфликта между сторонниками государственной власти и представителями оппозиции.

Анализируя данные материалы, мы проводили контент-анализ, анализ коммуникативных моделей креолизованных текстов.

Нами были отобраны материалы из рубрики «Мнения» («Колумнист»). Мы сравнили, как обозреватели освещают социально-политическую ситуацию в своих родных странах. Кроме того, нами был взят материал зарубежного (по отношению к

данным трем странам) колумниста – Марио Варгаса Льосы (Mario Vargas Llosa).

Обратимся к статье перуанского писателя, политика и общественного деятеля Варгаса Л.М. «Чилийская загадка» (La enigma Chiliana»). В данном тексте автор утверждает, что протесты в Чили происходят совсем по иным причинам, нежели в Венесуэле. По его мысли, Чили является одной из самых развитых стран Латинской Америки. Он уверен, что чилийский средний класс не должен считать себя «исключенным из системы», в отличие от других стран. Кроме того, автор делится наблюдениями, согласно которым, Чили обладает наиболее развитой инфраструктурой [Mario Vargas Llosa, 2019].

Однако, читая другие материалы, нам вовсе не кажется, что Чили является процветающим государством.

Для начала обратимся к аргентинской газете «Clarín»: в новостном блоке в электронной версии газеты мы видим фоторепортажи чилийских протестов. Среди фотографий нам особенно бросилась в глаза та, на которой изображены пластиковые фигуры Девы Марии с Христом на руках.

Во время общественных беспорядков эта скульптура оказалась на улице. Фотожурналист берет ее с такого ракурса, который рождает художественный подтекст: как будто Дева Мария и Иисус Христос тоже пострадали в ходе протестов и сейчас, раненные, сидят на улице, посреди которой бушуют события.

Обратимся к чилийским колумнистам. Рассмотрим материал, опубликованный в газете «La Nación». Данная газета выпускается с 1860 г. и является общественно-политическим конвергентным СМИ. В рубрике колумнистов есть обязательный креализованный элемент – портрет журналиста, выражающего свое мнение.

Журналист-обозреватель Александра Риверос (Alejandra Riveros) ставит проблему сочувствия в материале «Чем живет Чили: взгляд с другой стороны» («Lo Que Vive Chile: Una Oportunidad Para Seguir Pensando Distinto»).

Проблему сочувствия автор поднимает еще в лиде. Эту тему она развивает на протяжении всей статьи.

В материале «Рассуждения об эмоциональном воздействии кризиса» («Una Reflexión Sobre El Impacto Emocional De

La Crisis») обозреватель Ивоне Малдонадо (Ivonne Maldonado) вводит понятие «социального катарсиса». Она считает, что кризис должен побудить людей испытывать катарсис к тем, кто протестует на улицах, к тем, кто пострадал от кризиса. «Сейчас, когда кто-то лишился работы, особенно важно обращаться за психологической помощью, выслушивать друг друга, выстраивать правильно диалог и ограждать детей от любой информации, где речь идет о насилии», – пишет И. Малдонадо. [Maldonado, 2019]

Используя коммуникативную стратегию уподобления, А. Риверос пытается снизить травмогенность ситуации кризиса. В этой же вкладке можно найти материал, в котором даются рекомендации безработным [Maldonado, 2019].

Оба упомянутых материала отличаются глубоким гуманистическим посылом. Мы пришли к выводу о том, что в ситуации кризиса журналисты газеты «La Nación» видят своей задачей не просто сухо проанализировать факты, дать оценку случившемуся, а поговорить со своим читателем по-человечески.

Совсем иной посыл можно встретить в чилийской газете «El Pulso». Обозреватели Гастно Гельд и Гастон Суарес (Gastón Held y Gastón Suárez) в материале «Счастье и работа» («Felicidad y trabajo») ставят вопрос о правомерности законопроекта сокращения рабочего дня. Авторы ставят такую меру под сомнения, рассуждая, что на самом деле повышает уровень жизни: высокая производительность или короткий рабочий день [Held G., Suárez G., 2019].

На наш взгляд, журналисты проявляют излишнюю патетику, утверждая, что «работа – это и есть высшее счастье, когда работодатель предоставляет сотрудникам возможность проявить инициативу, не идущую в разрез с целями компании» [Held G. y Suárez G., 2019].

Таким образом, выстраивая коммуникацию на основе тактики аргументации, используя эмоциональный аргумент, наряду с рациональным, журналисты подводят читателя к мысли о необходимости полноценного длинного рабочего дня. Журналисты пытаются убедить читателя в том, что именно такой рабочий день принесет стране процветание, а стало быть, он выгоден читателю.

Таким образом, мы видим две основные коммуникативные стратегии: уподобления и аргументации. Обозреватели газеты «La Nación» пишут материалы, взывающие к человеческим, гуманистическим ценностям. В то время, как журналисты газеты «El Pulso» рекламируют непопулярную меру в угоду правительству.

Сравним данные коммуникативные стратегии с коммуникативными стратегиями венесуэльских изданий. Открыв электронные версии общественно-политических газет «El Nacional» и «El Universal», самые первые материалы, которые бросаются в глаза читателю, – материалы о Боливии. Мы видим креализованные тексты с устрашающими фотографиями боливийских военных. Скорее всего, публикуя такую информацию на первых полосах, издания пытаются отвлечь читателя от внутренних проблем страны, переключив их внимание на ситуацию в соседней стране.

В качестве эмпирического материала мы взяли одну информационную и три аналитических статьи.

В материале «Различные неправительственные организации представили консорциумы по борьбе с продовольственным кризисом». («*Varias ONG presentan consorcio para combatir crisis alimentaria*»).

В данном материале содержится знаковый компонент – фотография пустых полок в магазине. Данный компонент не менее важен, чем вербальная составляющая текста. Эта фотография не просто служит для привлечения внимания читателя, но также несет смысловую нагрузку. Глядя на пустые полки в магазине, читатель сразу понимает, о чем идет речь.

В тексте говорится о мерах, принятых неправительственными организациями по борьбе с нехваткой продовольствия. Эта информация работает на то, чтобы снизить напряженность в обществе по поводу кризиса. «Страна потеряла более 70 тонн продовольствия в месяц». Но неправительственная организация засеяла более 700 тысяч гектаров...» [*Varias ONG presentan consorcio...*, 2019].

Журналист пытается доказать, что кризис не так страшен: об этом говорится не только напрямую, но и с помощью подзаголовков: «Нулевой голод в Венесуэле».

Однако мы не обнаружили под статьей никаких комментариев. Судя по всему, читатели не слишком верят оптимистичному журналисту.

Во вкладке «Мнения» мы видим портреты колумнистов, под которыми расположены их материалы. Создается впечатление, что читатель выбирает не столько содержание материала, сколько конкретного журналиста, чью интерпретацию он хочет получить.

Следует обратить внимание на то, что, в отличие от колумнистов «El Universal», обозреватели «El National» старше по возрасту. Следовательно, данное СМИ рассчитана на старшую аудиторию.

Заголовки обозрений носят эмоциональный характер и почти все написаны с восклицательным знаком: «Отставка? Никогда!»; «Санкции мне неважны!»; «Кризис народной поддержки»; «Вызов» («¿Renuncia? ¡Nunca!» «¡Las sanciones no me importan!» «Crisis de apoyo popular», «Desafío»).

Материал «Санкции мне неважны!» Адольфо Салгуэйро (Adolfo P. Salgueiro) («¡Las sanciones no me importan!») напоминает по своему посылу материалы о санкциях, которые писали российские журналисты в ответ на ура-патриотические настроения о том, что санкции только укрепят экономику России.

Обратимся к публикациям венесуэльской газеты «El Universal». Само название говорит нам о том, что данное СМИ предназначено для широкого круга лиц.

В данном СМИ наше внимание привлекли два обозрения: «Мадуро празднует освобождение Лулы» («Maduro celebró liberación de Lula Da Silva»), а также «Где мы?» («¿Dónde estamos?»).

В первом материале журналист явно пытается привлечь читателя на сторону Николоса Мадуро, так как в Бразилии определенный круг лиц симпатизирует выпущенному на свободу бывшему президенту Бразилии Луле да Силве. Выражение симпатии к нему является важным политическим шагом для Мадуро: он демонстрирует сочувствием левым силам, отстраняясь от Жаира Болсонару [Maduro celebró liberación, 2019].

Такой шаг может вызвать неоднозначную реакцию в самой Венесуэле, так как далеко не все убеждены в невинности Лулы да Силва.

Автор аналитической статьи «Где мы»? («¿Dónde estamos?»), Томас Сосиас Лопес (Tomás Socias López) подробно разъясняет читателям, на каком отрезке кризиса находится Венесуэла в данный момент [López, 2019].

Данный материал отличается сухой аргументацией. Из данного материала можно почерпнуть, в каких отраслях в данный момент наблюдается рост, а в каких идет снижение.

Таким образом, мы видим, что венесуэльские журналисты всеми силами пытаются снизить травмогенность кризиса: показать, что он не так страшен, рассказать о мерах борьбы с нехваткой продовольствия, рассказать о том, что происходит с экономикой страны в целом и даже показать, что президент Николас Мадуро демократичен, если сочувствует представителю левых сил, популярному в определенных кругах, Луле да Силве.

Обратимся к аргентинским СМИ. Среди аргентинских СМИ нами были выделены газеты, имеющие давние традиции и свой собственный стиль. Речь идет о крупных общественно-политических изданиях «La Prensa» и «Clarín».

Общественно-политическая газета «La Prensa» издается с 1869 года. Обозреватели Елесео Боттини Антунес (Eliseo Bottini Antunez) и Карла Николе Алегре Маглиокко (Carla Nicole Alegre Magliocco) обрушиваются на идею депутата Люсила Де Понти (Lucila De Ponti) создать женское министерство.

Материал носит заголовок «Почему не нужно создавать женское министерство?» («¿Por qué es innecesario crear un Ministerio de la Mujer?»). Инициатором «министерства для женщин» выступила Люсила Де Понти Lucila De Ponti, утверждая, что женщины стали жертвами патриархальной тирании.

Журналисты доказывают ей, что «... сейчас мы не живем в эпоху тирании. Отношения мужчины и женщины в современном мире совсем не такие, какими они были много веков назад...» [Antunez, Magliocco, 2019]. Поэтому авторы считают, что страшно, если современные девочки будут расти «с чувством обиды по отношению к мужчинам» [Antunez, Magliocco, 2019]. Кроме того, будучи дипломированными экономистами,

обозреватели не видят рационального зерна в том, чтобы давать власть «отдельной обиженной группе людей, которая не представляет себе того, о чем говорит и не представляет интересов всей страны» [Antunez, Magliocco, 2019].

Обратимся к материалам газеты «Clarín». Данное СМИ выпускается с 8619 года. В отличие от газеты «La Prensa» фирменный стиль «Clarín» ярче выражен. Он выражается в своеобразных рисованных картинках, которые обеспечивают медиа узнаваемость. Важна символика «Clarín»: название медиа переводится, как «горн», а в качестве эмблемы издания выступает силуэт человека с горном. На наш взгляд, это может пониматься и как силуэт ангела с трубой. Таким образом СМИ недвусмысленно демонстрирует свою задачу: оповещать, просвещать.

Во вкладке «Мнения» мы видим материалы, посвящённые не самой Аргентине, а другим странам. Это может свидетельствовать о том, что данное СМИ не может себе позволить определенную свободу освещения острых тем.

Обратимся к аналитическому материалу «Прогрессивизм и реализм в одном флаконе» («Progresismo y realismo en la misma bolsa»). Примечательно, что данное обозрение печатает сам редактор Рикардо Роа (Ricardo Roa). Мы видим критическое отношение к политической несамостоятельности президентов Аргентины и Мексики. Подпись под фотографией содержит ироническое замечание, что «им обоим нужен Дональд Трамп» [Roa, 2019].

Журналист приводит критический анализ финансовой политики аргентинского президента Альберто Фернандеса. Судя по другим публикациям, мы видим, что это – достаточно смелый шаг для редактора.

Судя по материалу, мы можем сделать вывод о том, как аргентинскому президенту приходится балансировать между американскими интересами и выгодными для аргентины решениями: «Экономика и международные отношения все время соприкасаются» [Roa, 2019].

Таким образом, анализируя две крупнейшие аргентинские газеты, мы видим, что непосредственно Аргентина не стоит в центре внимания местных СМИ. Акцент сделан на событиях в Чили с прекрасными профессиональными фоторепортажами.

Материалы колумнистов также преимущественно посвящены анализу событий в других странах.

Можно сделать вывод о том, что в большинстве своем журналисты используют стратегию аргументации, нежели апелляцию к эмоциям. По своим политическим убеждениям, колумнисты склонны критически воспринимать действия правительства, такие, как учреждение «Женского министерства» и стратегии выстраивания отношений с США.

В ходе наших исследований мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, кризисные явления по-разному освещены южноамериканскими изданиями.

Если аргентинские журналисты ставят своей целью преимущественно предотвратить массовые протесты, то для венесуэльских изданий стоит вопрос проанализировать, что было сделано для ликвидации социального кризиса. Для чилийской прессы характерен упор на эмоциональное состояние человека. Данные подходы по-своему отражают менталитет данных стран и демонстрируют нам три журналистских школы.

Во-вторых, мы проследили за тем, как эти три журналистских школы пытаются снизить травмогенность кризисных явлений в государстве и по-своему призывают к мирному урегулированию конфликтов. Эффективность данных мер будет более подробно проанализирована нами в нашем научном исследовании.

Таким образом, гипотеза о том, что СМИ могут как разжечь, так и значительно снизить социальный конфликт, скорее подтверждается. Но мы видим, что обстановка в Чили и Венесуэле по-прежнему остается достаточно накаленной, и публикации журналистов не помогают снять напряжение.

Библиографический список

1. *Вильданов И. Э.* Социальный кризис: изучение, проблемы и решения: Вестник Казанского технологического университета. 2006. №2. С. 310–314.

2. *Евдокимов В. А.* Роль средств массовой информации в политизации социального конфликта. URL: elar.urfu.ru/bitstream/10995/1700/1/urgu0454s.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

3. *Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. яз. Н. М. Тылевич под научной редакцией А. И. Черных. М., 2016.
4. Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М., 2012. 265 с.
5. Maduro celebró liberación de Lula Da Silva [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eluniversal.com/politica/55230/maduro-celebro-liberacion-de-lula-da-silva#> (дата обращения: 10.11.2019).
6. Varias Ong presentan consorcio para combatir inseguridad alimentaria [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elnacional.com/venezuela/varias-ong-presentan-consorcio-para-combatir-inseguridad-alimentaria/> (дата обращения: 10.11.2019).
7. *Antunez E. B., Magliocco C. N. A.* ¿Por qué es innecesario crear un Ministerio de la Mujer? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.laprensa.com.ar/482792-Por-que-es-innecesario-crear-un-Ministerio-de-la-Mujer.note.aspx> (дата обращения: 10.11.2019).
8. Estallido social: Siguen las violentas protestas en Santiago de Chile, la movilizaci'ón contra el gobierno se sostiene en su tercera semana: [Электронный ресурс]. URL: www.clarin.com/mundo/fotogaleriassignen-violentas-chile_5_OAgVbrXM.html (дата обращения: 10.11.2019).
8. Held G. y Suárez G. Felicidad y trabajo. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latercera.com/> (дата обращения: 10.11.2019).
9. *López T. S.* ¿Dónde estamos? URL: <http://www.eluniversal.com/el-universal/55138/en-donde-estamos> (дата обращения: 10.11.2019).
10. *Maldonado I.* Una reflexi'ón sobre el impacto emocional de la crisis: [Электронный ресурс]. URL: lanacion.cl/2019/11/06/es-importante-reflexionar-sobre-el-impacto-emocional-de-lacrisis/ (дата обращения: 10.11.2019).
11. *Pineda de Alcazar M.* Las teorías clásicas de la comunicación: [Электронный ресурс]: Balance de sus aportes y limitaciones a la luz del siglo XXI. // *Opcion*, Año 17, № 36 (2001).
12. *Riveros A.* Lo Que Vive Chile: Una Oportunidad Para Seguir Pensando Distinto [Электронный ресурс]. URL: <http://lanacion.cl/2019/11/05/lo-que-vive-chile-hoy-una-oportunidad-para-seguir-pensando-distinto/> (дата обращения: 10.11.2019).

13. Roa R. Progresismo y realismo en la misma bolsa [Электронный ресурс]. URL: https://www.clarin.com/opinion/progresismo-realismo-misma-bolsa_0_WXyMy1wr.html (дата обращения: 10.11.2019).

14. Vassallo de Lopes. The Barberian theory of communication. A teoria barberiana da comunicação. São Paulo, 2018.

SPECIFICITY OF COVERAGE OF SOCIAL PROTESTS IN LATIN AMERICAN MEDIAS

Popovich Daria A.

Ural Federal University named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin, 19, Mira st., 620149, Yekaterinburg, Russia,
popovitch_daria@mail.ru

The article discusses the role, ways of communication and the contribution and participation of the mass media of the South American countries during social protest moments and situations. Herein we use some materials of «Clarín» and columnists of «La Nación» and «El Nacional». The aim of this article is to make an approach to the understanding of the role of the local mass-media in the social conflict with social protest in Latin American countries. Briefly, we have analyzed some materials of the period of the Chilean protests in autumn 2019 to find out some journalist's strategies of mass communication. This can help us to rise the understanding of the role of the mass media in the conflicts in Latin American countries.

Key words: mass communication, social protest, communication dissemination strategies.

**ЖЕНЩИНА В МОРГАНАТИЧЕСКОМ БРАКЕ:
КЕЙС ГРАФИНИ Н.Ф. КАРЛОВОЙ**

Субботина Наталья Александровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
nat37005820@yandex.ru

В исследовании поднимается проблема слабой освещенности жизни женщин – морганатических супругов. За редким исключением морганатическими супругами становились именно женщины. При описании таких браков часто очень подробно описывалась роль только августейшей особы – супруга, а в тех браках, где представителем августейшего рода все же была женщина, ее жизнь и деятельность описывалась менее подробно, нежели мужская. При изучении брака графини Н.Ф. Карловой можно увидеть схожие мотивы описания. На материалах фонда графини Н.Ф. Карловой в ГАРФ делаются выводы о том, какое положение она играла в морганатическом браке. В конце статьи делается вывод о том, что графиня Н. Ф. Карлова была полноценным актором в браке, что подтверждает теорию о том, что женщина того времени и положения могла быть равноправным участником зарегистрированных морганатических отношений.

Ключевые слова: *морганатический брак, женщина в морганатическом браке, графиня Н.Ф. Карлова, герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий, эпоха царствования императора Николая II.*

Морганатические браки российских августейших особ – тема достаточно популярная как в академическом изучении, так и в медиа [Сафронова, 2017; Белякова, 1999; Crawford, 1997;

Prince Michael of Greece and Denmark, 2004; Великий князь Михаил и графиня Брасова; Две любимые жены...; Промаршировал мимо трона...].

Морганатические браки российских августейших особ представляют собой достаточно широкое исследовательское поле. Первые морганатические браки российских августейших особ во многом были более институционально ограничены, хотя правоприменительные практики еще не сложились до конца. Самым сложным периодом в изучении морганатического брака российских августейших особ ставится существование их во время правления императора Николая II. Именно тогда количество браков начинает увеличиваться, а многие юридические аспекты теряют актуальность в связи с решениями императора. Важной вехой в изучении становится т. н. «Совещание великих князей» 1911 г., на котором было официально разрешено вступать в морганатические браки князьям и княжнам императорской крови. При этом дети от данного брака не получали каких-либо прав, принадлежавших членами императорской фамилии.

Император имел огромное влияние на формирование институции морганатического брака, именно он решал вопрос об отношении к супругам. Например, урожденная Н. С. Шереметьевская не была принята императором и его домом и даже не получила никакого титула, когда урожденная О. В. Карнович все же была принята и даже получила титул княгини Палей. Важно также понимать, какое положение занимали морганатические супруги по отношению к императорской семье. Например, урожденная Наталья Федоровна Вонлярская была морганатической супругой герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого. Георгий Георгиевич был сыном Екатерины Михайловны, члена императорской фамилии, и герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого. Георгий Георгиевич, сын Екатерины Михайловны, к императорской фамилии уже не принадлежал, поэтому, когда он решил жениться на Н. Ф. Вонлярской, данное решение было принято императорской фамилией без проблем. Графиня Н. Ф. Карлова (урожденная Н. Ф. Вонлярская) даже стала кавалерственной дамой ордена Святой Екатерины, который ни разу не был вручен морганатической супруге.

Здесь стоит подробнее рассказать о личности графини Н.Ф. Карловой (урожденной Н.Ф. Вонлярской). Графиня Н. Ф. Карлова (1858–1921) – известная благотворительница, меценатка, покровительница музыкальных искусств и морганатическая супруга герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого. Н. Ф. Вонлярская родилась 4 мая 1858 г. в Петербурге. Ее родителями были Мария Федоровна Вонлярская (в девичестве Уварова) и Федор Ардалионович Вонлярский, богатый помещик из Пензы. В Санкт-Петербург Н. Ф. Вонлярская переехала вместе с семьей в 1866 г. Ф. А. Вонлярский начал работать в Министерстве финансов старшим ревизором Департамента неокладных сборов. Любимым хобби Ф. А. Вонлярского было музицирование. Он продолжал общение с М. П. Мусоргским и А. С. Даргомыжским (ранее вместе служили в одном полку). Н. Ф. Вонлярская быстро переняла увлечения своего отца. Она рано начала музицировать, любила петь и обожала танцы. Помимо этого Н. Ф. Вонлярская занималась благотворительностью. В 1879 г. она получила отличительный знак «За помощь в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.». В 1884 г. Наталье Федоровне отец помог устроиться фрейлиной великой княгини Екатерины Михайловны. Летом Н. Ф. Вонлярская и ее отец жили в Ораниенбауме у великой княгини Екатерины Михайловны, а зимой фрейлина постоянно ездила на службу в Михайловский дворец. Н. Ф. Вонлярская очень хорошо справлялась с обязанностями несмотря на то, что великая княгиня была очень строгой и требовательной. При дворе великой княгини Н. Ф. Вонлярскую любили за ее характер, умение поддержать беседу и красиво музицировать. Играть на музыкальных инструментах любил и сын великой княгини Екатерины Михайловны – Георгий Георгиевич (1859–1909). Видеться герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий и Н. Ф. Вонлярская могли не только дома, где они были под постоянным присмотром великой княгини, но чаще на различных культурных мероприятиях. Там у них было время лучше узнать друг друга и влюбиться.

Через некоторое время великая княгиня Екатерина Михайловна заметила нежеланную любовь, однако было уже поздно предпринимать какие-либо шаги. Великая княгиня отстрани-

ла фрейлину Н.Ф. Вонлярскую от обязанностей, однако герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого это не остановило, скорее наоборот, это заставило чаще искать встречи и писать любовные письма. В 1889 г. герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий добился разрешения на брак у великого герцога Мекленбургского дома Фридриха Вильгельма II. Для того времени это был очень смелый шаг. При дворе государя императора к этой новости отнеслись достаточно спокойно, так как Мекленбург-Стрелицкие хоть и были знатным родом, но не относились к фамилии. Резко на данный брак отреагировала лишь великая княгиня Екатерина Михайловна, которая, впрочем, препятствовать браку не стала. Венчание прошло в Михайловском дворце 2 февраля 1890 г. На свадьбе был император Александр III с императрицей Марией Федоровной. Со стороны невесты посаженным отцом был Ф.А. Вонлярский, матерью – графиня С.А. Толстая, со стороны жениха – великий князь Михаил Николаевич и великая княгиня Екатерина Михайловна. Венчание совершалось по двум обрядам – православному и лютеранскому. После был дан большой обед, а затем молодожены уехали в Ораниенбаум. После бракосочетания Н. Ф. Вонлярская получила титул графини Карловой.

После месяца проживания в Ораниенбауме супруги переехали в 15-комнатную квартиру в Михайловском дворце. Доходы и расходы молодожены вели отдельно от родителей, и чтобы не тяготиться всей сложившейся ситуацией, герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий постоянно приумножал свои доходы, покупал недвижимость.

Изначально не особо интересовавшись светской жизнью, графиня Н. Ф. Карлова влилась в нее чуть позже. С особым удовольствием графиня занималась благотворительностью, к которой, как уже говорилось выше, была расположена с юности. В дальнейшем графиню Н.Ф. Карлову с удовольствием будут принимать и при дворе. Этому свидетельствует, в том числе, и приглашение на знаменитый костюмированный бал 1903 г.

Как морганатической супруге графине Н. Ф. Карловой приходилось принимать правила «игры». Если до заключения брака в 1890 г. круг общения графини Н.Ф. Карловой состоял в основном из круга общения отца, Вонлярского Федора Ардали-

оновича, и фрейлин, то позже в него стали входить члены императорской фамилии и Мекленбургского дома, элита Российского общества. Российская ветвь Мекленбургского дома по традиции была особенно известна своей благотворительной деятельностью. Графиня Н.Ф. Карлова также поддерживала многие устоявшиеся благотворительные инициативы знатной семьи. Она часто находилась в детском приюте их высочеств герцогов Мекленбург-Стрелицких и герцогини Саксен-Альтенбургской, где была попечительницей. Там она часто работала с детьми разных сословий, общалась с их родными. Занималась графиня Н.Ф. Карлова и музыкой. По свидетельствам Ц.А. Кюи, графиня лично помогала мужу устраивать благотворительные концерты, званые вечера. Как можно увидеть, круг общения графини Н.Ф. Карловой был достаточно широким. В него входила и императорская фамилия, и интеллигенция, служащие, военные (по службе мужа) и даже простые рабочие. Несмотря на наличие многих формальных и неформальных правил и законов, которые приходилось учитывать, графиня Н.Ф. Карлова достаточно свободно вела благотворительную деятельность, встречалась с людьми, помогала музыкантам. Муж поддерживал любые инициативы графини Н.Ф. Карловой, даже если не все из них были успешными. Одним из таких примеров стала попытка создания брошюры для вдов погибших во время русско-японской войны. Также Графиня Н.Ф. Карлова постоянно предлагала герцогу Георгию Георгиевичу Мекленбург-Стрелицкому различные варианты времяпрепровождения, что также свидетельствует о том, что графиня Н. Ф. Карлова была полноценным актором в браке.

Для подтверждения нашей гипотезы, о том, что графиня Н.Ф. Карлова являлась полноценным актором в браке, проведем контент-анализ дневников 1904–1905 (русско-японская война, начало Первой русской революции, смерть отца графини Н.Ф. Карловой – тяжелое время для данной семьи). Контент-анализ был проведен с помощью программы AntConc и сервиса VoyantTools.

Согласно таблице частотности самым часто употребляемым было слово «вечер» (не менее 105 раз). Очень часто оно упоминалось в контексте таких слов как «обедали», «читали», «лекция», а также с фамилиями людей из окружения графини

Н.Ф. Карловой. Вторым по частотности (не менее 96 раз) было семейное прозвище герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого – Жоржакс. Данное слово часто упоминается в разных контекстах (в связи с войной, приемами гостей, ужинами/обедами, семейным взвешиванием). Наиболее часто графиня Н. Ф. Карлова упоминала своего мужа в связи с наступающими новогодними праздниками (под конец 1904 и 1905 г.). Третье место по частотности делят два слова «обедать» и «Тедди». Слово «обедать» очень часто употреблялось в контексте семейных обедов Мекленбург-Стрелицких, а также, императорской фамилии.

Тедди – семейное прозвище сына графини Н. Ф. Карловой Георгия. Возможно, такое прозвище было дано ребенку из-за достаточно большого веса. В 5 лет Тедди, в переводе на килограммы, весил 22,9 кг. Согласно современным данным медианный вес ребенка в 5 лет должен быть около 18,2 кг. С 21,2 кг вес ребенка уже может считаться избыточным (I стадия ожирения).

Далее по списку частотности идут такие слова и словосочетания как «утро» – не менее 67 упоминаний, «пуд» – не менее 64 упоминаний, «дети» – не менее 62 упоминаний, «Катя» – не менее 61 упоминания, «фунт» – не менее 56 упоминаний, «Соня» – не менее 48 упоминаний, «Михаил Георгиевич» – не менее 37 упоминаний.

Данную частотность можно обосновать превалированием темы «семья» в дневниках графини Н. Ф. Карловой за 1904–1905 гг. Действительно, при тщательном рассмотрении источников можно увидеть, что графиня Н. Ф. Карлова очень часто писала о времяпрепровождении своей большой семьи (а также о планировании досуга), в которую входили и ее сестры София, Екатерина и Марианна (не менее 26 упоминаний), а также герцог Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий. Интересно, что сестра Михаила Елена упоминается в текстах около 15 раз, а брат графини Н. Ф. Карловой Сергей (не менее 2 раз). Данное распределение подтверждается и перепиской графини Н. Ф. Карловой за данные годы. С. Ф. Вонлярский жил и работал в Москве, поэтому со своей сестрой виделся нечасто. Все написанное о братьях и сестрах графини Н. Ф. Карловой, а также ее окружении, подтверждается и иными документами.

Например, отъезд брата Сергея подтверждается письмами сестры Софьи к графине Н. Ф. Карловой о сборах брата.

Теперь отдельно скажем о важных верифицируемых темах, встречаемых в дневниках графини Н. Ф. Карловой. Русско-японская война стала важной вехой в истории начала XX века. В дневниках графини Н.Ф. Карловой за 1904–1905 гг. тема войны встречается очень часто, хоть и стоит на 2 месте по упоминаемости после темы «семья». Самыми частотными словами и словосочетаниями в данной теме являются: Порт-Артурский прием, склад великой княгини Марии Павловны, война. Среди связанных слов – ужасный (ая, ые), долгий (ая, ие), страшный (ая, ие). Главные события войны, такие как гибель судов, отступление войск, крупные битвы, сдача Порт-Артура, графиня Н.Ф. Карлова описывала в своем дневнике. Очень часто, конечно, известия о событиях приходили позднее того времени, когда они в действительности произошли. Например, в записи от 1 (14) февраля 1904 г. графиня Н.Ф. Карлова пишет: «Погиб "Боярин"». Николай II писал об этом происшествии в своем дневнике уже 31 января.

Важно понимать, что дневниковые записи могли быть сделаны значительно позже, чем в проставленную в датированной памятной книжке дату. При этом иногда все же не представляется возможным точно определить время написания заметки. Причиной этому может служить занятость графини Н. Ф. Карловой, а также отсутствие мотивации ежедневно вести любого рода записи. Однако чаще всего графиня Н. Ф. Карлова довольно верно отмечала все происходящие события, что позволяет рассматривать источник как крайне достоверный (в отношении освящения событий русско-японской войны).

Третьей по частотности темой стала Первая русская революция. Революционные события 1905 г. и связанные с ними политические преобразования находят отражение в изучаемых дневниках. Интересно, что более 14 раз подряд устойчивое в связи словосочетание «Жоржакс уехал» относится именно к поездкам герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого по делам, связанным с революционными волнениями. Возможно, это связано с тем, что герцогу Георгию Георгиевичу Мекленбург-Стрелицкому, как командиру лейб-гвардии Драгунско-

го полка, в данный период приходилось оперативно выезжать для решения вопросов на встречах с императором. Вообще, революционные события в дневнике графини Н. Ф. Карловой имеют второстепенное значение. Например, в январе 1905 г., во время крупных забастовок, когда в городе почти ничего не работало и были значительные проблемы, у нее сделаны лишь 2 записи (от 8 (21) и 9 (22) января). Безусловно, происходящее в Санкт-Петербурге все же беспокоило графиню, потому что все в той же записи от 9 (22) января 1905 г. она пишет: «Ж[оржакс] уехал с утра. Обедали с офицерами. Днем смотрели в окна – ужасно тяжело». Можно сказать, что происходящие события пугали и волновали графиню, но только в определенных рамках, потому как на следующий день она уже довольно рутинно описывает свои занятия. Безусловно, сообщения и по данной теме в дневниках графини Н.Ф. Карловой за 1904–1905 гг. легко верифицируемы. Все описанные в дневниках события соответствуют действительности, но все дискуссионные моменты просто отсутствуют или опускаются. Например, в записи от 18 февраля (3 марта) 1905 г. графиня Н.Ф. Карлова пишет: «Днем Манifest, вечером рескрипт Булыгину». Больше никаких оценок данным важным политическим решениям дано не будет (включая весь корпус эго-документов графини Н.Ф. Карловой за ближайший период). Во многих подобных записях мы не видим ни осуждения, ни поощрения. Все происходящее отмечено как факт.

Можно отметить, что теме семьи в дневниках графини Н.Ф. Карловой уделяется самое большое внимание. Все происходящее подтверждается документами из фондов семьи Мекленбург-Стрелицких, Вонлярских и императорской фамилии.

Особенно большое количество совпадений можно увидеть с дневниками императора Николая II за соответствующие годы. Рассказ о семейном обеде, появление манифеста и даже смерть великого князя Сергея Александровича – эти и многие другие события в дневниках графини Н.Ф. Карловой и императора Николая II описаны достаточно похоже (несмотря на значительные различия в культурном уровне, гендерном и социальном статусе). В дневниках графини Н.Ф. Карловой и записи на другие темы также можно легко верифицировать с помощью нескольких корпусов источников.

Подводя итоги, стоит отметить, что графиня Н.Ф. Карлова действительно очень много времени уделяла своей семье, планировала досуг. Помимо домашней работы она очень много занималась благотворительностью, организовывала концерты, выставки и публичные мероприятия. Также наравне с мужем она представляла в различных учреждениях (как например в вышеупомянутом Порт-Артурском комитете) семью Мекленбург-Стрелицких. Соответственно, можно утверждать, что графиня Н.Ф. Карлова была полноценным актором в браке, что подтверждает теорию о том, что женщина того времени и положения могла быть равноправным участником зарегистрированных морганатических отношений.

Библиографический список

1. Белякова З. И. Великие князья Алексей и Павел Александровичи: Дворцы и Судьбы. СПб.: Белое и черное, 1999. 142 с.
2. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 1–2. М.: Наука, 2005. 1454 с.
3. Великий князь Михаил и графиня Брасова. URL: <https://www.svoboda.org/a/373499.html> (дата обращения: 17.08.2021).
4. Две любимые жены императора Александра Второго. URL: <https://www.dw.com/ru/две-любимые-жены-императора-александра-второго/a-43460411> (дата обращения: 17.08.2021).
5. Дневник Карловой Н. Ф., 1904 г. // ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 23. 184 л.
6. Дневник Карловой Н. Ф., 1905 г. // ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 24. 185 л.
7. Дневники императора Николая II. 1894–1918 / отв. ред. С. В. Мироненко. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2011. 1101 с.
8. Дневники императора Николая II. 1894–1918 / отв. ред. С. В. Мироненко. Т. 2. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2013. 824 с.
9. Кюи Ц. А. Герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий и струнный квартет его имени. Пг.: Сириус, 1915. 16 с.
10. Личные и хозяйственные документы герцога Мекленбург-Стрелицкого Георгия Георгиевича. Дневник /отрывки/ гер-

цога Мекленбург-Стрелицкого Георгия Георгиевича. На нем. яз., 1905 г. // ГАРФ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 569. 40 л.

11. Переписка. Письма разных лиц герцогу Мекленбург-Стрелицкому Георгию Георгиевичу /младшему/. Письма композитора Кюи Цезаря Антоновича., 01 декабря 1881-17 июня 1905 гг. // ГАРФ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 718. 7 л.

12. Письмо /копия/ владетельного герцога Мекленбург-Стрелицкого Фридриха-Вильгельма, герцогу Мекленбург-Стрелицкому Георгию Георгиевичу с сообщением о разрешении на брак его с Вонлярской Н.Ф. и о предоставлении ей титула графини Карловой. На нем. яз. // ГАРФ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 564. 1 л.

13. Письмо Франка Г., техника экспедиции изготовления государственных бумаг, к Карловой Н. Ф. о печатании плаката для раздачи семьям погибших на войне, 23 сентября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 126. 2 л.

14. Промаршировал мимо трона. Отчего Великий князь Константин Павлович всю жизнь отмахивался от власти? URL: <https://rg.ru/2019/10/01/rodina-konstantin.html> (дата обращения: 17.08.2021).

15. Сафронова Ю. А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб.: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования "Европейский университет в Санкт-Петербурге" (Санкт-Петербург), 2017. 404 с.

16. Свидетельство о выдаче графине Карловой Н. Ф. знака Красного Креста, 1879 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 618. Оп. 1. Д. 2. 1 л.

17. Свод Законов Российской империи. Основные государственные законы. Т. 1. Ч. 1. СПб.: б.и, 1892. 73 с.

18. Указ Александра III об изменении "Учреждения об императорской фамилии". // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 80. 10 л.

19. Crawford R. D. Michael & Natasha: The life and love of the Last Tsar of Russia. Vancouver: Douglas & McIntyre, 1997. 448 p.

20. Prince Michael of Greece and Denmark. The White Night of St. Petersburg. New York: Atlantic Monthly Press, 2004. 335 p.

A WOMAN IN A MORGANATIC MARRIAGE: THE CASE OF COUNTESS KARLOVA

Subbotina Natalia A.

Perm State University, 15, Bukireva st., 614990, Perm, Russia,
nat37005820@yandex.ru

The study raises the problem of low illumination of the lives of women – morganatic wives. With rare exceptions, it was women who became morganatic spouses. When describing such marriages, the role of only the august person, the spouse, was often described in detail, and in those marriages where the representative of the august family was still a woman, her life and activities were described in less detail than the male one. When studying the marriage of Countess Karlova, you can see similar motives of the description. Based on the Countess's materials in State Archive of the Russian Federation (GARF) draws conclusions about what role she played in a morganatic marriage. At the end of the article, it is concluded that Countess Karlova was a full-fledged actor in marriage, which confirms the theory that a woman of that time and position could be an equal participant in registered morganatic relations.

Key words: Morganatic marriage, A woman in a morganatic marriage, Countess Karlova, Duke George Georgievich of Mecklenburg-Strelitz, The epoch of the reign of the Emperor Nicholas the second.

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР НОРВЕГИИ XIX ВЕКА:
ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
В ПОСТАНОВКАХ ГЕНРИКА ИБСЕНА**

Тимачева Анна Дмитриевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420021,
Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 44,
atimacheva@mail.ru

Скандинавизм в течение нескольких веков оставался основной идеей взаимодействия трех скандинавских стран – Швеции, Дании и Норвегии. Стремясь к политическому, экономическому и культурному единству, государства от добровольного единства перешли к борьбе за власть. Норвегия в силу своей экономической и политической отсталости была подавляема со стороны своих братьев-скандинавов. В XIX веке под влиянием идей романтизма Норвегия начинает национально-освободительную борьбу против влияния своих соседей. Главным инструментом выступил театр в лице своего драматурга и режиссера Генрика Ибсена. Открытие норвежского театра в Бергене и постановки с историческим сюжетом влияли на сознание народа, поднимая его на открытую борьбу против подчинения Дании и Швеции. Генрик Ибсен при написании драм прибегает к сюжетам древнескандинавских саг, в которых возрождается образ сильной и независимой Норвегии.

Ключевые слова: *скандинавизм, национальная культура, театр, Генрик Ибсен, Норвегия.*

XIX век прошел для Норвегии под знаком широкого движения в духовной жизни страны, стремлении после длительного подчинения Дании утвердить свою национальную самобытность, создать собственную норвежскую культуру. Именно в это

время Дания, Швеция и Норвегия активно борются за первенство в Скандинавии. Средневековая Норвегия, находясь под влиянием датского короля, стремится обрести самостоятельность, выражает протест против влияния своих «братьев-скандинавов» и именно эти мотивы волнуют Норвегию в современном драматургу XIX века. Страна, переданная под эгиду Швеции по Кильскому трактату 1814 года [Кан, 1980], по-прежнему находилась под культурным влиянием Дании: первый университет в Норвегии развивался по принципу Копенгагенского, куда в прошлые времена отправляли учиться своих детей знатные вельможи; театр в Кристиании стал местом засилья датских актеров, режиссеров и т.д. В то же время шла активная борьба со шведской короной, которая проявлялась в принятии собственной Конституции ещё в 1814 году, обретение государственных символов (флага и герба), стремлении решить «языковой вопрос» (признать официально норвежский язык), ставший самым ожесточенным полем для дискуссий, так как национальная культура начинается с появления национального литературного языка [Хобсбаум Э., 1998].

В Америке в середине XIX века на сцене был поставлен спектакль «Метамора» Джона Огастеса Стоуна, где главного героя сыграл известный на тот момент Эдвин Форрест. Характер Метаморы, бесстрашного индейского вождя, – необузданный, но благородный. Он пытается защитить земли своего племени от бледнолицых захватчиков и погибает в этой борьбе. Знаменательно, что «Последний из Могикан» Джеймса Фенимора Купера был опубликован в 1826 г. Героический и возвышенный Метамор Форреста говорил о свободе и борьбе против тирании. Этим он вызвал к самым глубоким политическим инстинктам публики, живущей в новую эпоху джексоновской демократии: один из основателей Демократической партии Эндрю Джексон стал президентом в том же году, когда состоялась премьера «Метаморы» [Браун Дж. Р., 1999]. Театр, как и современное кино, будучи основным каналом общения между интеллигенцией и простым народом, был основным проводником идейных установок. С помощью театра, где, как правило, ставились спектакли исторического характера, можно было повлиять на умы и сердца людей. Отсылая зрителя к истокам своего истори-

ческого прошлого, драматургия наглядно демонстрировала текущую ситуацию и помогала людям прийти к осознанию своей истории прошлой и настоящей. Как мы видим на примере описанного американского спектакля, театр является отличным рычагом для проведения политических установок.

Национальный театр – это не показатель уровня культуры народа, это в первую очередь инструмент управления и «гласный орган», со сцены которого звучит призыв к решению социальных, политических и иных проблем современного общества.

Театр стал совершенно новым витком творческого развития Норвегии. Оковы зависимости от Дании и Швеции должны были разорваться, и задача эта легла на плечи драматургов и актеров. Вести политическую борьбу против братьев-скандинавов Норвегии было тяжело: несмотря на создание партий, патриотических организаций, выступлений против шведского короля, добиться полной самостоятельности удастся только к 1905 году. Необходимо было подключение общественности, в частности творческой интеллигенции, которая и задает тон народному движению. Отцом театрального искусства Норвегии и главным борцом за её независимость стал выдающийся драматург Генрик Ибсен. Его относят к числу «бунтарей духа» – тех, кто борется против либеральной буржуазии, выступает за народные интересы [Элиас. Л. Бредсдорф, 1971].

Именно театра стал главным очагом борьбы, он был открыт по инициативе известного на весь мир скрипача Уле Бюлля в Бергене [Хейберг Ханс, 1975], где в оппозицию Кристианскому государственному театру во главе труппы стояли норвежские актеры и режиссеры, среди которых яркой фигурой стал Генрик Ибсен, а затем и его близкий товарищ – Бьерн-стjerne Бьернсон. Уже будучи звездой мировой сцены и представителем национального искусства Норвегии, Уле Бюль, вернувшись на родину, не мог смириться с влиянием «даноманов» на развитие норвежского театра, и во время бурного празднования в честь его приезда, высказал мысль о создании национального театра с центром в Бергене – по сей день этот театра носит название «Национальная сцена», что соответствует целям скрипача. Стоит отметить, что Берген был выбран не спроста: город являлся не только родиной Уле Бюлля, но и во времена

его детства был популярен своими блистательными постановками от «Драматического общества», который славился высоким профессионализмом и хорошей подачей, но не выдержал финансового гнёта. Сейчас же, в период «норвегизации» [Хейберг Ханс, 1975], когда шла борьба за искоренение инородных элементов языка из культуры, создание национального норвежского театра стало волевым шагом к формированию очага борьбы против влияния Дании и Швеции. Формируя театральную труппу, Уле Бюльль искал норвежцев, которые смогут поднять сценическое искусство до профессионального уровня. В этот момент и взойшла звезда Генрика Ибсена, который будучи студентом написал пролог к первой постановке на сцене Бергенского театра. Конечно, за неимением пока ещё новых лиц драматургии, Уле Бюллю приходилось обращаться к творцам прошлого столетия. Норвежская драматургия своими истоками восходит ещё к XVIII веку, когда на сцене датского национального театра в Копенгагене ставились пьесы уроженца северной Скандинавии – Людвига Хольберга [Браун Дж. Р., 1999]. В силу политической зависимости Норвегии от Дании речи о создании национального театра на родине самого драматурга и речи быть не могло, поэтому он был вынужден создавать свои пьесы на датском языке. Поднимая вопросы социального характера и демонстрируя самостоятельность скандинавских народов от влияния французов и немцев, Хольберг поднимал национальный театр в Дании, как спустя чуть более столетия Генрик Ибсен в Норвегии. Данный эпизод позволяет ответить на ряд вопросов, связанных с трудностью появления национального театрального искусства в Норвегии ранее: это было невозможно в силу зависимости страны от своих «братьев-скандинавов». Норвегия до начала XIX века занимала позицию «придатка» своих более сильных и самостоятельных соседей, королевская корона была наследуема наследниками Дании, а после заключения Кильского трактата 1814 года – Швеции. Начавшаяся с середины XIX века активная борьба за обретение независимости, обретенной норвежским народом лишь в 1906 г., сопровождалась развитием национальной культуры, ключевую составляющую которой представлял театр. Норвежские драматурги не вынуждены теперь восхвалять датский язык и датские традиции, они берутся

за историю своей собственной родины. В условиях политической борьбы народа против шведского и датского театра, деятели культуры больше не боятся прибегать к своим национальным особенностям, к своей истории, и восхвалять Норвегию, сценическое искусство создаёт платформу, «общественный канал», сквозь который звучат призывы к борьбе до последнего конца.

Конечно, ни театр и ни культура в целом не могли вынудить Швецию пойти на уступки, но моральный дух этой борьбе придало именно зарождавшееся сценическое искусство. Генрик Ибсен в своих ранних пьесах проводил параллели между историческим прошлым своего народа и «бунтарским» настоящим. Обращение к истории – невидимый инструмент манипуляции человеческим сознанием. Ибсен осуждал буржуазные интересы, он призывал к «героизму», именно за эту идею его и прозвали «Северный Ницше» [Элиас. Л. Бредсдорф, 1971].

Несмотря на то, что Генрик Ибсен повсеместно обращался к трудам историков, общался со многими учеными, самостоятельно изучал древнескандинавские саги [Адмони В., 1956], для него Средневековье являлось не самоцелью, а скорее «декорацией». Ему удалось наделить свои пьесы рядом символов: варварская борьба за власть, воинственность норвежских воинов, бурные застолья и куртуазная любовь – всё это является постановочным реквизитом, но сами события отчасти лишь содержат реальность тех времен. Например, стоит отдать должное тому, что Генрик Ибсен не коверкает имена, его герои наделены ими в соответствии с текстом саг: фру Ингер из Эстрота, Хокон, Скуле и т.д. Формирование ярких образов, так называемых «индексов прошлого», знаков «истории» позволяет воспроизвести в народе «культурное воспоминание». Оно не преследует цель представить с точной достоверностью прошлое, а стремится присвоить ему культурную ауру, вокруг которой и складывается национальная культура. Генрик Ибсен обращается к древнескандинавским сагам (например, «Сага о Хаконе Хаконсоне», «Сага о вольсунгах» и т.д.), при этом отбирает именно те сюжеты, которые соответствуют его задачи – поднять национальный дух норвежского народа, но, как и любому продукту творческой деятельности, пьесам Ибсена суждено было стать «художественной выдумкой»: он додумывает поступки героев, меняет их характер

и окружение. В этой связи невозможно не обратиться к произведению, которое многие критики именуют успехом исторической драмы Ибсена – «Фру Ингер из Эстрота», написанное в 1854 году. По мнению известного немецкого историка Оскара Йегера [Полное собрание..., 1904–1908], драматургу удалось во всей полноте красок в образах и символов передать главенствующее настроение изображенной им эпохи, несмотря на тот факт, что чисто исторические элементы ограничиваются лишь использованием достоверных имён действующих лиц – ни их характер, ни описываемые события не соответствуют реальному ходу исторической картины. К примеру, главная героиня – Фру Ингер, которая предстает в драме Ибсена как величественной, гордой с большим грузом душевных переживаний за свой народ, на самом деле была простой вдовой богатого вельможи, достаточно корыстолубивой и эгоистичной. Она не только не испытывала душевных мук за угнетение норвежского народа (о чём говорит Ибсен), но и умела с легкостью извлекать из бедственного положения родины личную выгоду для себя: присваивала не принадлежавшие ей земельные угодья, выдавала родных дочерей за датских дворян с целью провести выгодные династические браки, помогла гонимому канцлеру Педеру в обмен на богатый золотой перстень.

Генрик Ибсен своими пьесами не просто «оживил» историческое прошлое своего народа, но через него вынес «на повестку дня» насущные проблемы современной Норвегии и призвал своих соотечественников поднять уровень народного самосознания. Генрик Ибсен, заняв негласный пост национального драматурга, поддерживал свой народ в борьбе за независимость, на сценах год за годом представляли премьеры новых постановок с историческим сюжетом, что соответствовало XIX веку – эпохе романтизма. Национальная культура стала ключевым предметом интереса романтиков XIX века во всем мире, идея народного единства, уникальности воодушевляла творцов искусства [Ванслов, 1966]. Романтики провозглашали принцип изучения и развития искусства с точки зрения условий места и времени, обуславливая историческое своеобразие каждого народа его национальными особенностями. Эпоха средневековья ложится в основу многих сюжетов и направлений искусства

XIX века, особенное внимание уделяется тем видам творчества, которые непосредственно воздействуют на чувства – музыка, поэзия и театр. Романтизм призывал обращаться к искусству, считая его высшей формой развития человеческих способностей, именно по этой причине формирование национального искусства многих стран приходится на этот период, в том числе и Норвегии.

История начинает служить современности, становится её метафорическим выражением. Представители романтизма разных стран стремились объяснить искусство чертами национальной жизни и культуры, особенностями прошлого своего народа. Норвежская культура, потерянная за много веков подчинения свои братьям-скандинавам, нашла в романтизме возможность возродить своё «национальное Я» и, обращаясь к истокам своего исторического прошлого, стать самостоятельной в настоящем. Именно к XIX веку относится формирование национальной культуры не только Норвегии, но и Скандинавии в целом – на мировую арену выходят сказки датчанина Г.Х. Андерсона, произведения Ю.А. Стриндберга. В Норвегии обращение к истокам имело особую ценность – это был инструмент для воздействия на сознание народа с целью призыва к борьбе за независимость и возрождение самостоятельного государства. Жанр исторической трагедии, мифологизированный средневековыми персонажами и сюжетами, предстает у Генрика Ибсена в рамках современной норвежцу XIX века национально-освободительной борьбы.

Транслируемые им события прошлого сохраняют устоявшиеся в обществе стереотипы и вспоминая, но в них же можно проследить актуальность общественной жизни XIX века. Он обращался к сагам как к источникам своих произведений, ищет в них сюжеты. Для одной из самых знаменитых своих пьес «Воители в Хельгеланде» он берет канву из «Саги о Вельсунгах», при этом он не демонстрирует ни реальных исторических лиц, ни событий. Драматург берёт основу, сюжетную линию, в которой заключена для него идея борьбы. И преобразует её на современные зрителю реалии, проводя параллель между средневековым прошлым и настоящим. Для Генрика Ибсена было важно указать конкретное время правления Эрика Кровавой Секиры – ко-

нец эпохи викингов и начало нового исторического этапа, христианской Скандинавии. Ту же идею крушения старого мира (периода подчинения Норвегии свои скандинавским соседям) и начало нового (характеризующегося политической и культурной независимостью государства) пытается донести до современников автор. И само название для пьесы выбрано неслучайно: согласно древним преданиям, через Хельгеланд, расположенный на крайнем севере, пролегает путь павших воин в Вальхаллу [Юрьев, 2011].

Используемый Генриком Ибсеном жанр легенды позволяет сохранить общую концепцию сюжета, при этом драматург подстраивает его под свои нужды – в данном случае он сделал акцент на актуальности событий политической истории средневековой Норвегии в рамках современного ему мира. Транслируемые им события прошлого сохраняют устоявшиеся в обществе стереотипы и вспоминая, но в них же можно проследить актуальность общественной жизни XIX века. К примеру, в своем произведении «Богатырский курган» [Полное собрание..., 1904-1908] Генрик Ибсен репрезентирует образ викинга, в котором заложена любовь и преданность своей родине. Культурно-исторический подход в отношении исследования Средневековья позволяет выявить образ типичной для того периода повседневности норвежского народа, понять истоки их воинственной природы. До сих пор образ норвежца ассоциируется с бесстрашными викингами, хозяевами морей и благородными воинами, хотя этих самых викингов давно уже и нет. Культурное пространство средних веков для Норвегии заложил некий анахронизм для последующих эпох: образ викинга-скандинава. Что является отличительным для культуры Скандинавии в целом, так это принципы формирования её национальной культуры, которая базируется на языческих традициях раннего средневековья и безудержной смелости последующих веков. Стоит также отметить, что и сама форма заключения важной мысли в пьесах преемственна от древних исландских скальдов, которые обычно воспроизводили политические переживания и конфликты в своих песнях.

Список источников и литературы:

1. *Адмони В.Г.* Генрик Ибсен: очерки творчества / 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Худож. лит., 1989. 272 с.
2. *Браун Дж. Р.* Иллюстрированная история мирового театра. М.: БММ АО, 1999. 582 с.
3. *Ванслов В.В.* Эстетика романтизма. М: Искусство, 1977. 397 с.
4. *Ибсен Г.* Полное собрание сочинений / пер. с датско-норвежского А. и П. Ганзен. Т. 1-4. - М.: Издание С. Скимунта, 1904–1906. 2824 с.
5. *Кан А.С.* История скандинавских стран: учеб. пособие: 2-е изд., исправл. и доп. М.: Высш. Школа, 1980. 316 с.
6. *Ларрингтон К.* Скандинавские мифы: от Тора и Локи до Толкина и «Игры престолов» / пер. с англ. О. Чумичевой; науч. ред. И. Мокин. М: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 235 с.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Паулю Эрнсту в Берлин от 5 июня 1890. Т. 37. М.: Изд-во политической литературы, 1965, 600 с.
8. *Могунова М.А.* Статус Норвегии до получения ею // Северная Европа: проблема истории. независимости / отв. ред. О.В. Чернышева. Вып.6. М.: Наука, 2007. 439 с.
9. *Современные конституции: Сб. действующих конституц. актов / пер. под ред. и с вступит. очерками пр. доц. В.М. Гессена и доц. бар. Б.Э. Нольде. Т. 1 Конституционные монархии. СПб.: Право, 1905. 597 с.*
10. *Хейберг Х.* Генрик Ибсен / пер. с норв. В. Якуба; Послесл. В. Адмони. М.: Искусство, 1975. 278 с.
11. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алтейя, 1998. 308 с.
12. *Чернышева О.В., Комаров Ю.Д.* Церковь в скандинавских странах. М.: Наука, 1988. 176 с.
13. *Элиас. Л. Бредсдорф.* Литература и общество в Скандинавии. М.: Прогресс, 1971. 200 с.

**NORWAY'S NATIONAL THEATER
OF THE 19th CENTURY: THE INTER-INFLUENCE
OF HISTORY AND CULTURE IN THE STATIONS
OF HENRIK IBSEN**

Timacheva Anna D.

Kazan (Volga region) Federal University, 44, Levo-Bulachnaya st.,
420021, Kazan, Russia, atimacheva@mail.ru,
atimacheva@mail.ru

Scandinavism for several centuries remained the main idea of the interaction of the three Scandinavian countries - Sweden, Denmark and Norway. Striving for political, economic and cultural unity, states moved from voluntary unity to a struggle for power. Norway, due to its economic and political backwardness, was suppressed by its Scandinavian brothers. In the 19th century, influenced by the ideas of romanticism, Norway began a national liberation struggle against the influence of its neighbors. The main instrument was the theater represented by its playwright and director Henrik Ibsen. The opening of the Norwegian theater in Bergen and the performances with a historical plot influenced the consciousness of the people, raising them to an open struggle against the subjugation of Denmark and Sweden. When writing dramas, Henrik Ibsen draws upon the plots of the Old Norse sagas, in which the image of a strong and independent Norway is revived.

Key words: *scandinavism, national culture, theater, Henrik Ibsen, Norway.*

**ОТ «КАЛЫМНЫХ БРАКОВ» К ГЕНДЕРНОМУ
КВОТИРОВАНИЮ: ФРЕЙМИРОВАНИЕ ОБРАЗА
ЖЕНЩИНЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
КЫРГЫЗСТАНА И КАЗАХСТАНА**

Федоровский Павел Павлович

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
frid_fedorovsky@mail.ru

С момента введения категории «гендер» прошло более 40 лет, но вопрос гендерного равенства не теряет актуальности. Как показывают исследования, проблема неравенства между «мужским» и «женским» сохраняется, более того, речь идет уже о своего рода «консервативном повороте». «Советский эксперимент» предпринимал попытки разрушить традиционное представление о поле, но что может сказать постсоветское пространство? Каким образом СМИ Кыргызстана и Казахстана, где еще в начале XX в. существовали аменгерство и калымные браки, конструируют образ «женщины»? Силен ли в информационном поле этих культурно близких стран патриархальный дискурс? В исследовании произведена попытка отследить изменения и обрисовать черты «аватара» «женщины» посредством фрейм-анализа интернет-СМИ и их анализа в историческом и правовом контексте. В результате исследования предложена собственная матрица фрейм-схем. Был сделан вывод о том, что несмотря на политику ликвидации неравенства, в обществе и законодательстве остаются сильны паттерны традиционной культуры. Гендерное квотирование и высокий процент женщин на руководящих должностях сочетаются с укоренившимися представлениями о «хранительницах очага», «традиционной женственности» (подчинённое положение, монополия на заботу, «слабый пол»).

Ключевые слова: *фрейм-анализ, фреймирование, социальный статус, правовой статус, СНГ, СМИ, женщина, гендер.*

Несмотря на то, что феминизм как течение существует уже на протяжении нескольких веков, вопрос о положении женщин как группы, выделенной на основании биологического пола, продолжает оставаться актуальным. В течение XX в. в законодательстве многих стран, в том числе входящих в состав СССР, появились положения, призванные произвести эмансипацию в сферах социального статуса и места в политическом процессе. Особое внимание обозначенной проблематике уделяется в законодательных источниках советского периода стран Центральной Азии.

Акцент на вопросе о положении женщин в обществе вероятно обусловлен рядом традиций и культурных практик, распространённых в регионе, и закономерно получивших свое отражение в Конституциях и Кодексах. Так, в частности в статье 45 Кодекса о браке и семье Казахской ССР была артикулирована возможность признать недействительным брак, заключённый посредством «уплаты калыма, умыкания, амангерства» [Кодекс о браке и семье Казахской ССР..., 1969, с. 453]. Иной любопытной особенностью является прописанное в статье 1 раздела первого Республики Кыргызстан от 2003 года положение о том, что брак, заключённый посредством религиозного обряда – «нике» – не имеет значения [Семейный кодекс Кыргызской республики, 2018].

Единая юридическая традиция, единое в политическом выражении прошлое обусловили множественные пересечения между правовыми системами, но не исключили различий в нюансах – те же законодательные запреты на многожёнство и калымные браки, характерные для республик Средней Азии, являются довольно ярким маркером патриархальных и традиционных представлений (в прошлом и частично в настоящем).

Как бы то ни было, и советские, и современные законодательства Казахстана и Кыргызстана содержат целый ряд мер, направленных на достижение гендерного равенства, иной раз направленных на достижение этого состояния посредством создания преференций исключительно для социальной группы

«женщины». Об этом свидетельствуют более мягкие формы наказания или мораторий на применение отдельных мер по признаку пола. Согласно The Global Gender Gap Report 2016 Казахстан и Кыргызстан по уровню гендерного равенства занимали 51 и 91 позиции соответственно [URL: http://www3.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf].

Однако правовой статус может не отражать реального положения, существующего в общественном пространстве. Для более полного анализа социального статуса требуется альтернативный инструментарий. В настоящей статье мы предприняли попытку сконструировать социальный «аватар» женщины в Кыргызстане и Казахстане в период 2000–2010 гг. посредством рассмотрения медиафрейминга темы женщин в информационном пространстве.

Ключевым методом был выбран фрейм-анализ. Объектом исследования выступили «женщины» как социальный конструкт, совокупность характеристик, конституированная сумма связей между членами социума. Методологическая рамка представлена теорией фреймирования, предполагающей возможным произведение анализа сюжетов СМИ с точки зрения «вложенных» в них «смыслов», посылов, т.е. фреймов.

В рамках данной работы мы рассмотрели такие цифровые издания как «Капитал» [URL: <https://kapital.kz/>] и «Новое поколение» [URL: <http://www.np.kz/>] для Казахстана и «Дело №» [URL: <https://delo.kg/>] и «Вечерний Бишкек» [URL: <https://www.vb.kg/>] для Кыргызстана. СМИ отобраны по принципу рейтинга читаемости (ведущие позиции, согласно национальным рейтингам средств массовой информации в сети Интернет) и наличия функции поиска по архиву. Публикации СМИ, отобранные из электронных архивов изданий, дали возможность отследить трансформацию риторики «четвертой власти» касательно выбранной социальной группы и выявить некоторые общественные настроения относительно ее.

Поскольку изучение медиафрейминга СМИ в контексте гендерных исследований направлено прежде всего на актуальные и острые социальные вопросы наподобие оценки, предлагаемой СМИ в отношении женщин из Саудовской Аравии [URL: [https://usir.salford.ac.uk/id/eprint/42880/1/thesis%20final%](https://usir.salford.ac.uk/id/eprint/42880/1/thesis%20final%20.pdf)

206.7.17.pdf], или репрезентации проблемы сексуального насилия в российских цифровых медиа [Ерофеева, 2018, с. 410], возникла необходимость сформировать собственную сетку фреймов и слотов для дальнейшего рассмотрения темы. Но предварительно мы обозрели несколько существующих систем, которые использовались исследователями ранее.

Так, К. Семькина применяет теорию фреймирования для выявления смысловых посылок, которые российские медиа использовали по отношению к ЛГБТК-сообществу (сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и квир-персон) и вопросу о легализации однополых браков на территории Российской Федерации. Исследовательница выделяет четыре основные фрейм-схемы: опасности, морали, равенства и нейтральный фрейм. Фрейм опасности представляет собой демонстрацию разрешения однополых браков как прямую угрозу государственным и общественным институтам [Семькина, 2017, с. 337–339]. Фрейм морали декларирует негативное отношение к однополым бракосочетаниям как к союзу, не ведущему к появлению детей, а гомосексуальность в рамках данного фрейма называется «заболеванием» или «распущенностью» [Семькина, 2017, с. 340–341]. Фрейм равенства фокусирует внимание читателя на том, что легализация однополых браков является актом «уравнения в правах» и эта мера представляет собой положительное изменение [Семькина, 2017, с. 341]. Нейтральный фрейм сообразен своему названию и является либо лишенной эмоциональной оценки констатации информации об однополых браках и гомосексуальности, либо представлением в рамках одного материала нескольких точек зрения [Семькина, 2017, с. 339–340].

Х. Семетко и П. Валкенбург предлагают более универсальную систему фреймов, выделяя в ходе рассмотрения обширного пласта публикаций медиа пять основных фреймов: экономических последствий, ответственности, морали, человеческого интереса и конфликта. Контекст фрейма экономических последствий подчинен логике рассмотрения ситуации как события, имеющего существенные последствия для экономической системы в целом или конкретного её элемента (лица, учреждения, государства и т.п.). Фрейм ответственности предполагает «приписывание» ответственности за событие, явление конкрет-

ному лицу, группе или организации, игнорируя общий контекст. Фрейм морали, в отличие от системы, предложенной К. Семькиной, заключается в комментировании темы/проблемы с отсылкой на некий авторитет – цитату или мнение авторитетного лица/группы. Он предполагает наличие некой нормы поведения, канона, в соответствии с которым актерам стоило поступить в рамках описываемой ситуации [Semetko, Valkenburg, 2000, с. 96]. Фрейм человеческого интереса предполагает драматизм и избыточную эмоциональность при изложении инфопова, контент, созданный «в интересах потребителя» и направленный на то, чтобы привлечь внимание аудитории [Semetko, Valkenburg, 2000, с. 95–96]. Наконец, фрейм конфликта, сходный отчасти с фреймом человеческого интереса, предполагает намеренное упрощение тех или иных событий, представляя их как обыкновенный конфликт очевидных сторон и опуская многие нюансы. К примеру, президентские выборы могут сводиться к простому противостоянию конкретных людей, ищущих соискания государственной власти [Semetko, Valkenburg, 2000, с. 95].

Д. Милиони, Л.-П. Спиридоу и К. Вадратсикас, исследуя медиафрейминг темы кризиса беженцев на Кипре, выделяли три фрейма: жертвы, угрозы и «социального агента». Фрейм жертвы предполагает отношение к объекту как к «жертве обстоятельств», жертве насилия или иного внешнего воздействия. Фрейм угрозы соответствует фрейму опасности по К. Семькиной, а фрейм «социального агента» представляет условно положительное отношение к объекту как полезному для экономики или как субъекту, имеющую активную гражданскую позицию и выступающему за расширение своего правового статуса [Milioni D.L. и др., 2015, с. 170].

Стоит отметить, что все три предложенные модели направлены в большей степени на отслеживание логических посылов, относящихся к конкретному явлению или событию общественной жизни. При принятии одной из предложенных системы координат деконструкция характерных признаков «аватара» женщины не представляется возможным. Однако возможно предположить, что в ходе рассмотрения медиафрейминга образа «женщины» будут встречаться фрейм морали как попытка предписания заранее определённых моделей поведения и ком-

ментирование происходящего с точки зрения морали или нравственных паттернов, а также фрейм равенства для отображения идей эгалитаризма, гендерного равенства.

Ввиду несоответствия выделенных шаблонов задачам нашего исследования целесообразным представляется осуществить выделение фрейм-схем (конкретно субфреймов) методом ручного выбора фреймов, изложенным в работе М. Фомича [Фомич, 2018, с. 81]. Таким образом, мы предлагаем комбинированную модель для рассмотрения фреймирования образа женщины в СМИ.

Для того чтобы построить собственную сетку фрейм-схем, перед началом аналитического этапа исследования было осуществлено первичное ознакомление с публикациями обозначенных цифровых медиа.

В ходе первичного ознакомления с материалами СМИ и поиска фреймов, нами было выделено в общей сложности тринадцать слотов (субфреймов): «коллега», «подобие», «сильная личность», «жертва», «борьба со стереотипами», «социально-экономический агент», «красота» (сюда же отнесём и «сексуальный объект»), «хранительница очага», «истинная женщина», «безволие» (сюда же «утварь»), «вторая роль», «преимущество», «необходимость».

Поясним выделенные схемы. Фрейм «коллеги» предполагает упоминание женщины как актрисы, выступающей на равных с мужчинами в рамках единого профессионального поля. «Подобие» предполагает изображение женщины как человека «мужеподобного», то есть женщина выступает как травести в социальном измерении. «Сильная личность» предполагает выстраивание нарратива без внимания к половой или гендерной принадлежности женщины. «Жертва» рассматривает женщину как беспомощную участницу обстоятельств, ответственность за наступление которых несёт иное лицо или институт; сюда же входят сюжеты, где женщина становится жертвой бытового насилия. «Борьба со стереотипами» несёт посыл важности и необходимости борьбы за гендерное равенство. «Социально-экономический агент» рассматривает женщину с позиции исключительно места человека в экономических отношениях. «Красота» предполагает восприятие женщины как чего-то объ-

ективированного, часто встречаются сравнения женщин с какими-либо предметами, «куклами», «машинами», выстраивание рядов однородных членов, где женщина стоит в одном ряду с автомобилем, а также восприятие женщины исключительно как сексуального объекта. «Хранительница очага» – маркер традиционного патриархального образа женщины, где последняя предстаёт в ролях «верной жены», «образцовой матери» и «хранительницы домашнего очага». «Истинная женщина» выделяется в том случае, если о женщине говорят с позиции приписанных «феминных» качеств, «присущих всякой женщине». «Безволие/принадлежность» предлагает воспринимать женщину в качестве «чего-то, необходимого по хозяйству», атрибута, подчёркивается зависимость женщины от мужчины, отсутствие её воли. «Вторая роль» предлагает воспринимать женщину в качестве «младшей сестры мужчины», которая непременно «уйдёт в тень» в том случае, если будет вынуждена «сражаться» на равных с любимым мужчиной. «Преимущество» – обратный предыдущему слот, декларирующий, наоборот, главенство женщины в отношении мужчины, наличие у неё преимуществ по праву пола. Наконец, «Необходимость» – это уничижительное «равенство», признание, что женщина нужна в «мужском деле» для конкретных отдельных исполнительских задач.

После выделения слотов нашим следующим шагом стало распределение полученных слотов по фреймам. Как было обозначено выше, модель фреймирования получила комбинированный характер. Нами выделено три основных фрейма: равенства, морали и «неравенства». Также стоит отдельно вынести нейтральный фрейм как модель, использующуюся для констатации факта или при представлении нескольких точек зрения – именно этот фрейм будет использоваться во всех новостных сюжетах, поскольку предполагает прямое донесение информации без добавления эмоциональной или «личной» составляющей. Тем не менее в силу отсутствия окраски, нейтральный фрейм в учёт окончательных результатов идти не будет. Фрейм равенства, согласно К. С. Семькиной [Семькина, 2017, с. 341], предполагает восприятие в духе эгалитаризма, положительной реакции на гендерное равенство и подвижки в этом отношении. Фрейм морали по Х. Сметко и П. Валкенбургу заранее предпи-

сывает женщине то или иное желательное поведение в соответствии с религиозными, нравственными, культурными или иными представлениями [Semetko, Valkenburg, 2000, с. 96]. Наконец, фрейм «неравенства» декларирует гомогенные социальные и правовые статусы мужчин и женщин, указывают на «нормальность» подобного положения.

Стоит также отметить, что поскольку ключевой задачей для нас являлось выделение качественных характеристик образа женщины, учитывая количество публикаций, в ходе анализа рассматривались не все годы подряд, а лишь каждый четвёртый год, начиная с 2004 и заканчивая 2016. Подобный способ рассмотрения медиафрейминга позволил выделить общие тенденции и выявить те субфреймы, которые применялись авторами на всем протяжении обозначенного периода. В итоге в выборку для Казахстана попали 232 публикации (77 результатов для издания «Капитал» и 155 результатов для «Нового поколения»), а для Кыргызстана 1020 публикаций («Вечерний Бишкек» дал 885 результатов, а «Дело №» 135 результатов).

Кейс Казахстана

В случае с Казахстаном, не считая нейтрального фрейма, лидирующую позицию занимает фрейм равенства (41%, 58 публикаций), в частности, слот «сильной личности» (17% от общего числа публикаций). На второй позиции располагается фрейм морали (36%, 51 публикация), где превалирует субфрейм «истинной женщины» (17% от общего числа публикаций). Менее всего встречается фрейм неравенства (24%, 34 публикации), лидирующим слотом для которого является «красота» (20% от общего числа публикаций). Это говорит о том, что для информационного пространства республики Казахстан характерно, как отмечают некоторые исследовательницы [Осимбаева, 2012, с. 7], патриархальное восприятие женщин, определённая степень их объективации в публикациях СМИ.

Таблица 1

Фреймы для «Нового поколения» и «Капитала»
(последнее указ. в скобках)

Год	Фрейм				
	Нейтрал.	Равен.	Мор.	Нера- вен.	Не опре- делено
2008	34(3)	12(5)	28(0)	23(0)	7(1)
2012	8(1)	6(9)	4(3)	4(0)	2(0)
2016	23(26)	6(20)	10(6)	5(2)	1(4)
Сумма	65(30)	24(34)	42(9)	32(2)	10(5)

Вместе с тем, что очень хорошо визуализируется посредством материалов издания «Капитал», стабильным остается позитивное восприятие женщин, как равных в гендерном аспекте мужчинам, в то время как количество публикаций с акцентом на «прекрасной» стороне женского пола и на его «предназначении как жены и матери» в период с 2008 по 2012 г. резко падает. Говоря о равенстве, нельзя не сказать о социально-экономическом контексте. Ряд исследовательниц отмечают, что, несмотря на общий рост количества женщин в отраслях, ранее считавшихся «мужскими», всё равно присутствует «стеклянный потолок» [Каримова, 2009, с. 91], наличие которого подтверждается данными статистики – 54% женщин в Казахстане занято в сфере государственной службы, но всего 4,8% процента из них занимают руководящие должности [Таналинова, 2012, с. 11]. Достаточно остро стоит в Казахстане и проблема семейного насилия [Шадинова, 2-15, с. 74].

Отдельным трендом постсоветского Казахстана считается появление феномена «женщины в хиджабе» [Досанова, 2010, с. 6–7] и его все возрастающая популярность. Связанная с ним тенденция говорит о наличии синкретической формы традиционного ислама, возникшего в виду того, что существует неравенство между мужчинами и женщинами на уровне отправления религиозного культа [Кузнецова, 2008, с. 53]. Важно отметить, что среди проанализированных публикаций встретилось не более 2-3 материалов, посвященных «исламскому возрождению», однако в перспективе это может привести к увеличению массовой доли фрейма морали.

Таблица 2

Слоты «Нового поколения» и «Капитала»
(последний указ. в скобках)

Год	Слот												
	Кол.	Лич.	Бор.	Аг.	Под.	Жер.	Хр.	Ист.	Без.	Крас.	В.Р.	П.Р.	Необ.
2008	6 (1)	6 (2)	0 (1)	0(1)	1(0)	2(0)	7(0)	13 (0)	5(0)	18 (0)	2(0)	2(0)	1(0)
2012	3 (3)	3 (2)	0 (1)	0(3)	1(0)	0(0)	1(1)	1(2)	1(0)	2(0)	1(0)	1(0)	0(0)
2016	4 (10)	2 (7)	0 (3)	0(0)	0(0)	1(0)	2(3)	4(3)	3(0)	5(2)	0(0)	0(0)	0(0)
Сумма:	13 (5)	11 (11)	0(4)	0(4)	1(0)	3(0)	10 (4)	18 (5)	9(0)	25 (2)	3(0)	3(0)	1(0)

Пятью наиболее популярными субфреймами, а равно и чертами женщины в информационной сфере республики Казахстан можно назвать «красоту» (20%), «истинную женщину» (17%), «сильную личность» (17%), «коллегу» (14%), «хранительницу очага» (11%). Часто даже на страницах одного медиа сталкиваются портрет женщины как «личности со внутренним стержнем, рациональным мышлением» и в то же время «хрупкой внутри, красивой» девушки, которая является таковой единственно в силу пола. В образе женщины в информационном поле Казахстана ключевой деталью является его синкретизм. Подобный результат, на наш взгляд, как нельзя лучше подтверждает тезис о том, что в современном Казахстане сосуществуют участнически-демократическая и патерналистско-подданическая культуры [Осимбаева, 2012, с. 7], традиционная и старая модели общественной системы: несмотря на постепенную (а судя по количеству фрейма неравенства и морали в некотором роде стремительную) эмансипацию и восприятия идей эгалитаризма, остаются сильны традиционные устои, при которых «предназначение женщины сводилось к тому, что она – мать, жена, хранительница очага» [Уранхаева, 2013, с. 123]. Справедливости ради нужно отметить, что слом доминанты фрейма морали (не в смысле схемы, вкладываемой в публикацию средства массовой информации, а скорее как «поля смыслов», универсума) началось ещё до прекращения существования СССР. В частности, А.Д. Ажибаева указывает на то, что существовавшие до установления советской власти институты «аменгерства» (практика передачи вдовы по мужской линии при смерти мужа), «калымных браков» (продажа невест) и многоженства [Ажибаева, 1966, с. 10–11] с приходом Советов начали уничтожаться, а женщины начали «активно вовлекаться в общественное производство через артели кустарниц», «союзы Кошчи» и т. д. [Ажибаева, 1966, с. 13–14]

Кейс Кыргызстана

Однозначной доминантой в случае с медиафреймингом информационного поля в Кыргызстане служит фрейм морали (60%, 82 публикации) с упором на слот «жертвы» (24% от общего числа публикаций). Существенно меньше представлен фрейм

равенства (28%, 38 публикаций), в рамках которого чаще всего встречаются в равной степени субфреймы «коллеги» и «социально-экономического агента» (9% и 9% от общего числа публикаций). Присутствие последнего для Кыргызстана объясняется большим вниманием местных СМИ к проблеме эмиграции из страны, то и дело попадающиеся сообщения и репортажи из государств, куда киргизы уезжают на заработки. Присутствие фрейма неравенства (12%, 16 публикаций) незначительно, чаще всего он представлен субфреймом «красота» (5% от общего числа публикаций). Можно предположить, что в Кыргызстане силен фактор традиции, обуславливающий такую большую долю, которую занимает фрейм морали.

Таблица 3

Фреймы для «Дело №» и «Вечерний Бишкек»
(последнее указ. в скобках)

Год	Фрейм				
	Нейтрал.	Равен.	Мор.	Неравен.	Не определено
2008	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)
2012	20(434)	1(9)	25(18)	5(3)	5(1)
2016	27(344)	16(13)	28(11)	2(6)	3(1)
Сумма	47(778)	17(21)	53(29)	7(9)	8(2)

Стоит принимать во внимание, что в настоящий момент в Кыргызстане проводится политика гендерного квотирования в Жогорку Кенеш, парламент страны, и, как утверждает К. Айдаркул, «создана солидная база нормативно-правовых документов, которые ориентированы на формирование политики гендерного равенства» [Айдаркул, 2015, с. 117]. Однако вместе с тем исследователи отмечают сразу несколько существенных проблем, которые испытывает существенная часть населения страны.

Таблица 4

Слоты для «Дело №» и «Вечерний Бишкек»
(последний указ. в скобках)

Год	Слот												
	Кол.	Лич.	Бор.	Аг.	Под.	Жер.	Хр.	Ист.	Без.	Крас.	В.Р.	ПР.	Необ.
2008	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)	0(0)
2012	0(3)	1(3)	0(1)	0(2)	0(3)	10 (5)	3(5)	10 (5)	2(0)	2(1)	2(0)	1(2)	0(0)
2016	7(2)	4(1)	0(5)	5(5)	1(2)	10 (8)	7(1)	10 (0)	0(0)	0(4)	2(1)	0(1)	0(0)
Сумма:	7(5)	5(4)	0(6)	5(7)	2(5)	20 (13)	10 (6)	20 (5)	2(0)	2(5)	4(1)	1(3)	0(0)

Это сложности с получением образования (в первую очередь это затрагивает женщин), причем что светского, что религиозного [Молдокеева, Асылбекова, 2016, с. 174] (как и в случае с Казахстаном, в Кыргызстане присутствует гендерная сегрегация при отправлении культа в мечетях), с обеспечением образованием детей, проблемы с трудоустройством, которые вынуждают женщин больше времени проводить в качестве «хранительниц очага», снижают возможность участвовать в общественной и политической жизни [Косицына, 2016, с. 278].

Отдельное место занимает проблема насилия над женщинами, проиллюстрированная материалами издания «Дело №». На сегодняшний момент все еще присутствуют традиции «нике» (религиозного обряда свадьбы, часто не регистрируемого официально, что, как отмечают сами журналисты, является проблемой для государства) и «ала качуу» (похищения невест). При этом более половины женщин (52%) не обращаются за помощью в случае насильственного принуждения к браку (и насилия по отношению к ним в целом), остальные прибегают к посторонней помощи (помощи родственников и друзей) [Муртабаева, 2016, с. 126–127]. Данный факт может свидетельствовать о низком уровне доверия населения к правоохранительным органам.

Отмечают исследователи и то, что, несмотря на наличие квотирования, «мужчины занимают доминирующее положение во многих общественно значимых сферах» [Муртабаева, 2016, с. 126–127].

Среди пяти наиболее характерных слотов стоит выделить «жертву» (24%), «истинную женщину» (18%), «хранительницу очага» (12%), «коллегу» (9%) и «социально-экономического агента» (9%). На основании подобного «аватара» можно сделать предположение, что женщина в Кыргызстане воспринимается в формах, характерных для «традиционных сообществ», находится в известном смысле жестких рамках таких категорий как «мать», «жена». Часто в дискурсе оказываются дискуссии на тему того, «уместно ли женщинам находится в парламенте», однако факт насилия и «дикость» ряда обычаев журналистами не отрицается.

Заключение

На основе проведенного фрейм-анализа информационного пространства был сделан вывод о том, что менее всего во всех рассмотренных странах встречается фрейм неравенства. Для удобства процентное соотношение фреймов было вынесено в отдельную таблицу.

Таблица 5

Процентное содержание фреймов в информационном пространстве

Год	Страна	Равенства, %	Морали, %	Неравенства, %
За все время	Казахстан	41	36	24
	Кыргызстан	28	60	12

Информационный бэкграунд обеих республик схож: из пяти наиболее распространённых субфреймов три «совпадают», то есть занимают позиции среди лидирующих схем – «истинная женщина», «хранительница очага» и «коллега».

Таблица 6

Процентное содержание наиболее часто встречающихся субфреймов

Красота	Сил. лич.	Истинная	Коллега	Очаг	Безволие	Казахстан
20%	17%	17%	14%	11%	7%	
Жертва	Истинная	Очаг	Коллега	Агент	Сил. лич.	Кыргызстан
24%	18%	12%	9%	9%	7%	

«Кыргызстано-казахстанский блок» и на текущем этапе испытывает на себе сильное влияние традиционной культуры, которую советская власть предпринимала попытки искоренить. Несмотря на то, что паттерны восприятия женщин здесь говорят о том, что «женский пол способен наравне с мужчинами прини-

мать решения и руководить», по-прежнему сильны установки на то, что женщина в первую очередь «мать» и «хранительница очага», как и подобает «истинной», «женственной» женщине.

Кыргызстан вообще является безусловным лидером по сохранению фрейма морали, предполагающего склонность приписывать модели поведения и определять «правильность» того или иного действия исходя из нравственных и культурных норм.

Казахстан, несмотря на довольно высокую представленность женщин в политике и экономике, сохраняет ряд стереотипических клише. Это может свидетельствовать о том, что влияние традиционной культуры здесь остаётся достаточно мощным. Возрастание количества субфрейма «коллеги» является маркером выравнивания гендерного дисбаланса на уровне трудовой сферы, но, как показывает пример информационного пространства Украины 2000–2010 гг., он отнюдь не влияет на распространённость представлений об «истинной феминности» («истинной женщине»).

Посредством субфреймов можно предпринять попытку сконструировать условный «аватар» женщины для каждой из республик. Так, кыргызский «аватар» предстаёт в виде женщины, занятой главным образом семьей и домашним хозяйством, сочетающей эти обязанности с работой и часто страдающей от насилия в семье. А женщина в Казахстане «воображается» в духе успешной «феминной» предпринимательницы.

Наконец, в качестве общих трендов стоит выделить тенденцию на снижение уровня фрейма неравенства, а также повышение количества публикаций с фреймом равенства (хотя их число в Казахстане в 2016 г. незначительно сократилось). Что касается слотов фрейм равенства чаще всего представлен «коллегой» и «сильной личностью», фрейм морали – «истинной женщиной», «хранительницей очага», «жертвой», фрейм равенства – «красотой» и «второй ролью».

Библиографический список

1. Ажибаева А.Д. Возрастание роли женщины в общественном производстве – закономерность эпохи социализма (на материалах Казахстана): Автореф. дис. канд. ист. наук. Б.м., 1966. 28 с.

2. Айдаркул К. Роль женщины в развитии правоохранительных органов Кыргызстана // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. Бишкек, 2015. № 10. С. 116–119.
3. Вечерний Бишкек. URL: <https://www.vb.kg/> (дата обращения: 21.04.2020).
4. Дело №. URL: <https://delo.kg/> (дата обращения: 21.04.2020).
5. Досанова Г.М. Городские женщины в хиджабе. Новый феномен в Казахстане? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. М., 2010. № 3. С. 5–11.
6. Ерофеева П.А. «Почти каждой сплетнице есть что вспомнить»: репрезентации сексуального насилия в цифровых таблоидах // Журнал исследований социальной политики. М., 2018. № 3. С. 409–424.
7. Капитал. Центр деловой информации. URL: <https://kapital.kz/> (дата обращения: 21.04.2020).
8. Каримова Ж.К. Образовательный уровень женщин Франции и Казахстана: опыт сравнительного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. М., 2009. № 4. С.86–94.
9. Кодекс о браке и семье Казахской ССР от 6 августа 1969 года // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. № 33. 1969. С. 453.
10. Косицына Т.В. Экономическое положение сельских женщин на рынке труда Кыргызстана // Научные исследования: от теории к практике. Чебоксары, 2015. № 2(3). С. 276–279.
11. Кузнецова С.И. Постсоветский Ислам: антропологическая перспектива // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. М., 2008. № 1. С. 45–56.
12. Молдокеева Ж.Ф., Асылбекова А.Т. Гендерная дискриминация как фактор религиозной радикализации женщин на юге Кыргызстана // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. Бишкек, 2016. № 10. С. 174–177.
13. Муртабаева Г.Н. О некоторых социальных индикаторах в освещении проблем защиты прав женщин в Кыргызстане // Известия вузов Кыргызстана. Бишкек, 2016. № 12. С. 125–128.

14. Новое поколение. URL: <http://www.np.kz/> (дата обращения: 21.04.2020).

15. Осимбаева И.С. Участие женщин в политической жизни республики Казахстан на современном этапе: Автореф. дис. канд. ист. наук. Бишкек: 2012. 25 с.

16. Семейный кодекс Кыргызской республики от 30 августа 2003 года // Редакция законов Кыргызской республики от 26.07.2004. № 96. 2018.

17. Семькина К.С. Однополые браки в российских медиа: между нейтралитетом и опасением // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М., 2017. № 5 (141). С. 329–344.

18. Таналинова А.У. Вопросы реализации политических прав женщин в республике Казахстан // Вестник Омской юридической академии. Омск, 2012. № 2(19). С. 11–14.

19. Уранхаева Г.Т. О влиянии глобализации на правовое положение женщин в республике Казахстан // Гражданское общество и правовое государство. Барнаул, 2013. Т.1. С. 122–124.

20. Фомич М.О. Метод медиафрейминга в исследованиях материалов СМИ // Журнал Белорусского государственного университета. Философия, Психология. Минск, 2018. № 1. С. 78–82.

21. Шадинова Г.А. Женщина и проблема семейного насилия в Казахстане // Социальные науки. Энгельс, 2015. № 2(5). С. 73–78.

22. Bashatah N.S. Framing analyses of British Newspaper Representation of Saudi Women from 2005–2013. URL: <https://usir.salford.ac.uk/id/eprint/42880/1/thesis%20final%2006.7.17.pdf> (дата обращения: 11.05.2020).

23. Milioni D.L., Spyridou L-P., Vadratsikas K. Framing Immigration in Online Media and Television News in Crisis-stricken Cyprus // The Cyprus Review. 2015. № 27(1). P. 155–185.

24. Semetko H.A., Valkenburg P.M. Framing European politics: A content analysis of press and television news. Journal of Communication. 2000. № 50(2). P. 93–109.

25. World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf (дата обращения: 21.04.2020).

FROM «KALYM MARRIAGES» TO GENDER QUOTAS: FRAMING OF WOMAN IMAGE IN INFORMATION SPACE OF KYRGYZSTAN AND KAZAKHSTAN

Fedorovsky Pavel P.

Perm State University, 15, Bukireva st., 614990, Perm, Russia,
frid_fedorovsky@mail.ru

More than 40 years have passed since the introduction of the category «gender» but the issue of gender equality does not lose its relevance. Studies show that the problem of inequality between «masculine» and «feminine» persists, moreover, we are already talking about a kind of «conservative turn». The «Soviet experiment» attempted to destroy the traditional ideas, but what can the post-Soviet space say about it? How the Kyrgyz and Kazakh media construct the image of a «woman», media of countries in which at the beginning of the XX century existed amengery and kalym marriages? Is patriarchal discourse strong in the information field of these culturally close countries?

The study made an attempt to track changes and outline the features of the «avatar» of a «woman» through a frame analysis of online media, considering them in a historical and legal context. A proprietary matrix of frame is proposed.

It was concluded that despite the policy of eliminating inequality, the patterns of traditional culture remain strong in society and legislation. Gender quotas and a high percentage of women in leadership positions are combined with deep-rooted notions of «hearth keepers», «traditional femininity» (subordinate position, monopoly on care, «weaker sex»).

Key words: frame analysis, framing, social status, legal status, CIS, media, woman, gender.

ЧУВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОГО ЭНТУЗИАЗМА БРИТАНСКИХ БОТАНИКОВ В XVIII ВЕКЕ¹

Шипицына Юлия Сергеевна

Уральский федеральный университет им. первого президента
России Б.Н. Ельцина, 620149, Екатеринбург, ул. Мира, 19,
shipitsyna.phd@gmail.com

Статья посвящена проблеме образных искажений и стереотипов об ученых-ботаниках в Британии XVIII в. Автор исследует причины формирования предрассудков, способы и характер их проявления, а также последствия для личной судьбы и карьеры ученых: как мужчин, так и женщин. Особое внимание уделено попыткам самих ботаников преодолеть стереотипы о сексуализации их сферы деятельности.

Ключевые слова: *гендерные стереотипы, история систематики, история ботаники, Джозеф Бэнкс, Присцилла Уэйкфилд.*

В качестве предварительного замечания автор считает своим долгом заметить, что название статьи в процессе работы несколько раз менялось. На первый взгляд перемены были незначительные: эпитет «чувственные» заменялся на «гендерные» и обратно. Такая «подмена» позволяла смещать фокус исследования и расширять проблематику, однако в финальном варианте «чувства» все-таки победили «гендер», и на то было две причины.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен, XVII–XVIII вв.».

© Шипицына Ю. С., 2021

Первая причина связана с тем, что «гендерные исследования» в историографии представлены в основном «женскими исследованиями» [George, Martyn, 2011, с. 1–11; Shteir, 2006]. Не имея намерения умялять их значимость, автору все же хотелось отойти от привычного для данного направления категоричного разделения и радикального противопоставления «мужского» и «женского» и рассмотреть проблему гендерных стереотипов в ботанике XVIII века как в отношении женщин, так и мужчин. Вторая причина сложнее, и связана с таким эпистемологическим трендом как «новая наивность» или «новая эмоциональность» [Куренной, 2020, с. 5, 7]. В 1966 году американский критик и эссеист С. Сонтаг, акцентируя внимания на актуальных для эпохи модерна проблемах герменевтики, в предисловии к сборнику «Против интерпретации» писала, что «сегодня главное для нас – прийти в чувство. Нам надо научиться видеть больше, слышать больше, больше чувствовать» [Сонтаг, 2014, с. 24]. Спустя полвека российский философ, культуролог и публицист В. Куренной, задаваясь целью обнаружить факторы «прогрессирующей фрагментации» исследовательских нарративов и стремления к объяснению через единичное, приходит к выводу, что отчасти такое положение вещей продиктовано спецификой современного субъекта, который «склонен не мыслить, а переживать» возникающие перед ним вызовы окружающей реальности [Куренной, 2020, с. 7]. Таким образом, схожесть в названии с современной проблемой «проникновения сентиментальности» в научный дискурс, по мнению автора, актуализирует тему исследования: непростое сосуществование установки на рациональное познание мира и провокационных представлений о субъектах рационального познания – в данном случае «ботанизирующих» мужчинах и женщинах XVIII века.

В указанный период ботаника развивалась в рамках естественной истории – познавательного концепта, основанного на совокупном изучении различных природных объектов, основными задачами которого являлись наблюдение посредством опыта, фиксация наблюдаемого с помощью наименования и за-

рисовки и отказ от спекулятивного поиска метафизических причин мироустройства. В это время «распространяется убеждение в том, что истина достигается благодаря наблюдению, описанию и графическому изображению» [Колчинский и др., 2004, с. 6]. Значимым фактором оформления ботаники в самостоятельную научную дисциплину являлось формирование собственного языка: как понятийного лексикона, так и принципов номенклатуры названий. Причем уникальным самостоятельным элементом натуралистического дискурса являлась ботаническая иллюстрация [Lack, 2016; Walpole, 2006].

Дж. Браун, исследуя стереотипы в отношении мужчин-ботаников, отмечает что создание оптимальной и продуктивной классификационной системы, способной навести порядок в представлениях о природе и обществе являлось крайне актуальной задачей, и в то же время «классификационные системы сами по себе становились зеркалом, в котором отражались социальные устои тех обществ, внутри которых эти системы были созданы» [Brown, 2018, с. 593]. Разработкой различных систем классификации занимались многие исследователи: к концу XVIII века существовало свыше 50 различных систем классификаций [Fara, 2003, с. 20]. Были среди ученых и сторонники мнения о том, что «что естественно-историческая классификация бессмысленна как форма философского постижения» (такие, как граф де Бюффон) [Депар, 2020, с. 45].

Так или иначе, именно система искусственной классификации Линнея, предложенная в 1735 году обозначила чрезвычайно важный для всех естественных наук момент «сильнейшей онтологической редукции» [Любарский, 2020, с. 141], когда реальная природа была сведена к идеальной и таким образом стала «пригодной» для изучения. Долгое время систематика считалась открытием Линнея, однако сегодня мы знаем, что впервые идею такой онтологической редукции предложил еще в 1583 г. итальянский врач Андреа Чезальпино (1515–1603) [Любарский, 2020, с. 141–143]. Так или иначе, именно Линней ввел латинские названия для каждого таксона, правило цитирования предше-

ствовавших источников, принцип синонимичности, строгую иерархическую последовательность категорий класс, отряд, род, вид и разновидность, сформулировал критерии для определения близких форм – особенности органов размножения: «У растений учитывалось число, длина, срастание тычинок и пестиков цветка, а также одно- или двудомность. Исходя из этих принципов, Линней разделил 10 000 известных ему видов растений на 24 класса и 116 порядков» [Колчинский и др., 2004, с. 20].

Итак, мы видим, что реформа систематики имела критически важное значение для естествознания. Почему в таком случае труд Линнея получил столь большой общественный резонанс? Дело в том, что ученый использовал для объяснения своих построений лексику, связанную с семейно-брачными отношениями. Приведем в качестве примера характерный «фривольный» пассаж: «Лепесток цветка сам ничего не вносит в воспроизведение, но служит только брачным ложем, которое Великий Творец устроил так прекрасно и украсил таким драгоценным пологом, наполнив благоуханием для того, чтобы жених со своею невестой могли отпраздновать в нем свою свадьбу с величайшей торжественностью. Когда ложе готово, наступает время жениху обнять свою дорогую невесту и излиться в нее» [Цит. по: Бобров, 1970, с. 25].

С. Джордж, автор монографии «Ботаника, сексуальность и женское писательство в 1760–1830 гг.» исследует стереотипы вокруг женщин, занимающихся ботаническими изысканиями. Джордж на материалах литературных источников фиксирует во второй половине XVIII века распространенное представление о том, что женщины, интересуясь ботаникой, идут на поводу у своих сексуальных фантазий и неосознанных влечений [George, 2007, с. 4]. П. Фара замечает, что появление такого представления вступало в противоречие с широко одобряемой социальной практикой обучения молодых женщин садоводству, а также хорошо известной склонности королевы Шарлотты, супруги Чарльза III, к занятиям ботаникой [Fara, 2003, с. 41]. Стоит ли женщинам собирать гербарии, выращивать комнатные растения

и участвовать в организации собственного сада – этот вопрос стал предметом литературной полемики между такими известными в свое время поэтами и публицистами как Эразм Дарвин (1731–1802), Уильям Уизеринг (1741–1799) и Ричард Полвелл (1760–1838) [Fara, 2003, с. 42-44]. Все эти джентльмены занимались ботаникой и каждый по-своему видел пределы допустимого для женщины участия в ботанических изысканиях. Наиболее ярко подчеркнул двусмысленность используемого Линнеем языка, пожалуй, Эразм Дарвин в своей поэме «Любовь растений» (1789) [George, 2011, с. 16].

Наиболее скандальным ботаником в глазах английской общественности оказался человек, который спустя всего несколько лет станет влиятельнейшим представителем академической науки Британии и официально закрепит должностные обязанности «охотника за растениями». Джозеф Бэнкс (1743–1820) в свои молодые годы стал олицетворением всей мыслимой и немислимой «ботанической распущенности». Бэнкс принял участие в первой экспедиции Джеймса Кука (1768–1771), в ходе которой во время высадки на о. Таити проникся местным обычаем «гостеприимного гетеризма» [Форестер, 1986, с. 533]. О его романтических приключениях с таитянками слагались бесчисленные сатирические памфлеты, а некоторые сюжеты, как, например, случай похищения одежды Бэнкса знатной представительницей местного племени, «королевой Оберией», как прозвали ее в Англии, стали неотъемлемой чертой образа «ботанического макарони» [Fara, 2003, с. 7–9]. «Макарони» иронично называли в Англии молодых аристократов, перенимавших европейские, преимущественно итальянские, манеры поведения и костюм. Еще до отплытия на Таити Бэнкс получил прозвище «ботанический макарони» (*botanic macaroni*), образ которого воплощен в карикатурах, сохранившихся в собраниях Лондонской национальной галереи [Darly, 1772]. Интересно, что типичного «ботанического макарони» упрекали в том, что он не стремится соответствовать тем социальным ролям, которые приписывает общество его полу: «ни мужчина, ни женщина, а

бесполое существо... Оно говорит без всякого смысла, улыбается без радости, ест без аппетита, катается верхом без энтузиазма, волочит за кем-либо без страсти» [Cohen, 1992, с. 253].

Каким образом мужчины-ботаники преодолевали данный стереотип? На примере Бэнкса мы видим, что в распоряжении мужчин был весьма действенный инструмент: развитые институциональные структуры, определяющие и направляющие профессиональную деятельность ботаников. Это и академия – Лондонское королевское общество, и различные ассоциации, курирующие профессиональные инициативы, например, Африканская ассоциация, занимавшаяся изучением проблем освоения внутренних районов Западной Африки, и Королевские ботанические сады Кью, в структуре которых и был создан институт «охотников за растениями». Еще один путь преодоления – посредством публикаций дневников и путевых заметок плантхантеров. Романтизация образа участника экспедиций, которому во имя науки приходится преодолевать множество препятствий и рисковать своей жизнью, стала характерной чертой конца XVIII и всего XIX вв. [Batsaki Y. и др., 2017, с. 9]. Так, скандальная репутация не помешала Бэнксу добиться успехов в академическом сообществе и в конечном итоге его возглавить. Интересно, однако, что после участия в экспедиции Кука Бэнкс лишь однажды решился на новое путешествие – в 1772 году он посетил о. Уайт и Исландию вместе со своим другом, ботаником Д. Соландером. Заслуги Бэнкса по сбору коллекций семян, живых образцов и гербариев во время этих двух экспедиций были оценены по достоинству: пост президента Лондонского королевского общества (1778–1820) и советника короля по организации и управлению Королевскими ботаническими садами Кью позволил Бэнксу заниматься руководством научной жизни, не покидая Лондона. Известно, что в течение «эры Бэнкса» – периода, когда Бэнкс стоял во главе Лондонского королевского общества, на благо империи трудились 126 «охотников за растениями» [Batsaki Y. и др., 2017, с. 4], первым из которых был официально провозглашен шотландский ботаник Фрэнсис Мэс-

сон (1741-1805) [Tyler-Whittle, 1970, с. 295]. Заметки Мэссона о путешествиях по Южной Африке внесли существенный вклад в формирование образа охотника за растениями: храброго, решительного и преданного своему делу антипода «макарони» [Mas-son, 1776].

Иной путь преодоления предрассудков использовали женщины. Ольга Валькова в своей монографии, посвященной женщинам ученым в Российской империи, использует метафору «штурма» академии [Валькова, 2018]. Женщины в Британии «избрали» более тонкую «стратегию» – отстаивая свое право проводить исследования в сфере ботаники и делиться собственным опытом и соображениями, они действовали не напрямую, стремясь принять активное участие в жизни академического сообщества, а в основном посредством литературной деятельности [Widder].

Основным жанром, который использовали женщины-ботаники в Англии, стал эпистолярный роман. Нужно отметить, что обращение к роману в письмах как форме изложения ботанических наблюдений и гипотез, впервые использует Жан Жак Руссо. Его труд «Письма об элементах ботаники к мадам де Л.» (1771–1774), работа кембриджского профессора ботаники Томаса Мартина «Письма об элементах ботаники, адресованные леди» (1785), представляющая собой перевод книги Руссо, и произведение филантропа и писательницы Присциллы Уэйкфилд (1751–1832) «Введение в ботанику, собрание писем» (1796) стали первыми наиболее популярными и доступными для женщин пособиями по ботанике, одобренными социумом. С. Джордж, сравнивая между собой эти книги, отмечает ряд отличий, однако в качестве ключевого общего свойства называет поощрение занятий ботаникой для юных девушек и отстаивание идеи благотворного воздействия изучения природы на формирование личности женщины [George, 2011, с. 21–22].

Успех публикации Присциллы Уэйкфилд вселил уверенность в других женщин и породил целую плеяду эпистолярных романов о ботанике, среди которых необходимо назвать «Бота-

нические диалоги» Марии Джексон (1797), «Диалоги о ботанике» Хэрриет Бефорт (1819), «Разговоры о ботанике» Сары Мери и Элизабет Фиттон (1817), «Разговоры о растительной физиологии» Джейн Маркет (1829). Какими способами добивались авторы открытого обсуждения вопросов ботаники в кругу женщин? Во-первых, тщательным подбором нейтральных аналогов – своеобразным «вычищением» в переложении системы Линнея, всей двусмысленной терминологии. Во-вторых, всяческим поощрением читательниц изучать природу на собственном опыте, избегая чтения ученой литературы. Наконец, представляется важным, что в качестве главных героев этих эпистолярных романов выступают женщины, как правило, юная девушка, ее сестры, мать и гувернантка. Очевидно, что диалоги между героинями в силу их ролевых моделей не содержат и оттенка фривольности, кроме того, носят ярко выраженный дидактический характер. Форма романа в письмах, причем, в переписке членов одной семьи, придает упомянутым произведениям статус литературы для семейного чтения. Действительно, Джордж допускает, что все эти романы, вероятно, читались вслух в домашней обстановке в присутствии членов семьи и слуг [George, 2011, с. 21].

Литературное поприще было популярным, но не единственным способом для английских женщин реализовать свой интерес к ботанике. Широко известны примеры, когда в указанный период успеха и признания добивались женщины-коллекционеры и женщины-авторы ботанических иллюстраций. Так, широко известны гербарные коллекции Маргарет Бентик, герцогини Портлендской (1715–1785), и Мери Делани (1700–1788), изобретательницы техники декупажа [Flannery, 2019]; ботанические иллюстрации Элизабет Блэквелл (1707–1758), автора «Занимательного гербария» (1737–1739) – книги иллюстраций растений из Челси Физик Гарден, доход от издания которой позволил Элизабет освободить своего супруга, отбывавшего тюремное заключение за долги [Costantino, 2018].

Подводя итог обзору «ботанических предрассудков», возникших в Британии во второй половине XVIII века, следует подчеркнуть, что стереотипы о мужчинах-ботаниках не были связаны с открытием Линнея – они возникали из поведения конкретных индивидов и типичных практик поведения во время участия в экспедициях, тогда как стереотипы вокруг женщин являлись прямым порождением реакции читающей публики на Половую систему растений Линнея ввиду определенной табуированности изучения размножения и отсутствия адекватного способа говорить и писать на эту тему. Женщины-ботаники, в свою очередь, не давали повода упрекнуть себя в несоблюдении приличий, однако общество было заинтересовано более строго и внимательно следить за репутацией леди. Да, женщины-ботаники имели возможность высказаться, закрепив за собой такие ниши, как дидактическая литература в форме эпистолярного романа и ботаническая иллюстрация, но эти же самые формы не позволяли им возвысить свой голос. Мир британской академической науки XVIII века был открыт только для мужчин.

Библиографический список

1. *Бобров Е.Г.* Карл Линней. Ленинград: Наука, 1970. 285 с.
2. *Валькова О.А.* Штурмуя цитадель науки. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 800 с.
3. *Деар П.* Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. 2020. Т.30. №1. С. 29–62.
4. *Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И.* Естественная история в России. (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб.: Нестор-История, 2004. 242 с.
5. *Куренной В.А.* Почему мы возвращаемся к институтам? // Логос. 2020. Т. 30, № 6. С. 1–22.
6. *Любарский Г.Ю.* Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни. // Логос. 2020. Том 30, №1. С. 131–158.
7. *Сонтаг С.* Несколько слов об этой книге / Против интерпретации и другие эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 8–24.

8. *Форестер Г.* Путешествие вокруг света. М.: Наука, 1986. 566.
9. Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A. Introduction. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. 2017. P. 1–11.
10. *Brown J.* Botany for Gentlemen: Erasmus Darwin and «The Loves of the Plants» // Digital Access to Scholarship at Harvard. 2018. № 4. P. 593–621.
11. *Cohen M.* The Grand Tour: Constructing the English Gentleman in Eighteenth-century France // History of Education. 1992. Vol. 21. P. 241–257.
12. *Costantino G.* Women in Enlightenment Science. 2018. [Biodiversity Heritage Library] URL: <https://blog.biodiversitylibrary.org/2018/10/women-in-enlightenment-science.html> (date of access: 18.12.2020).
13. *Darby M.* The Botanic Macaroni (Sir Joseph Banks), 1772. Etching on paper (frame: 43.7 cm x 36.3 cm depth 1.7 cm, plate-mark: 17.6 cm x 12.5 cm). [National London Gallery]. URL: <https://www.portrait.gov.au/portraits/2018.79/the-botanic-macaroni-sir-joseph-banks> (date of access: 21.01.2021).
14. *George S.* Botany, Sexuality and Woman's Writing. 1760-1830. Manchester, 2007. 272 p.
15. *George S., Martyn A.R.* Introduction. Botanising Women: Transmission, Translation and European Exchange // Journal of Literature and Science. 2011. Vol. 4, № 1. P. 1–11.
16. *George S.* Epistolary Exchange: the Familiar Letter and the Female Botanist, 1760-1820 // Journal of Literature and Science. 2011. Vol. 4, № 1. P. 12–29.
17. *Fara P.* Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. Cambridge, 2003. 168 p.
18. *Flannery M.* The 18th-century Passion for Botany: Women. 2019. [Herbarium World] URL: <https://herbariumworld.wordpress.com/2019/06/10/the-18th-century-passion-for-botany-women/> (date of access: 18.12.2020).
19. *Lack H.W.* A Garden Eden. Masterpieces of Botanical Illustration. Revised edition. Köln: TASCHEN, 2016. 725 p.
20. *Masson F.* An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa; Undertaken for the Discovery of New Plants, towards the Improvement of the Royal Botanical

Gardens at Kew//Philosophical Transactions of the Royal Society. 1776. Vol. 66. P. 268–317.

21. *Shteir A. B.* Cultivating women, cultivating science: Flora's daughters and botany in England, 1760-1860. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1996. 301 p.

22. *Tyler-Whittle M.S.* The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants. London: Chilton Book Company, 1970. 328 p.

23. *Walting R.* Helen Beatrix Potter // The Linnean. Vol. 16, №1. 2000. P.28.

24. *Walpole J.* A History and Dictionary of British Flower Painters, 1650–1950. Wooldbridge, 2006. 236 p.

25. *Widder A.H.* Women and Botany in the 18th and early 19th Century England. [Michigan State University Libraries] URL: <https://lib.msu.edu/exhibits/botany/> (date of access: 18.12.2020).

THE SENSUAL ASPECTS OF BRITISH BOTANIST'S SCIENTIFIC ENTHUSIASM IN THE 18TH CENTURY

Shipitsyna Yuliya S.

Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin, 19, Mira st., 620002, Ekaterinburg, Russia,
shipitsyna.phd@gmail.com

The article is according to imaginative deformations and stereotypes about scientific botanists in 18th-century Britain. The author investigates the reasons of prejudice's appearance, ways and typical character of those manifestation and consequences for scientist's biographies and careers: both men and women. The special attention is paid to attempts of botanists to debunk stereotypes about sexualization of their professional practices.

Key words: *gender stereotypes, history of systematic, history of botany, Joseph Banks, Priscilla Wakefield.*

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА В КНИГАХ ДЛЯ ДЕВОЧЕК²

Юнг Дарья Андреевна

Кемеровский государственный университет, 650000,
Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
daschaschulzik@mail.ru

Оленев Станислав Владимирович

Кемеровский государственный университет, 650000,
Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
stanislav.olenev@gmail.com

В статье на примере книги Т.И. Махаловой «Для вас, девочки!» описаны способы реализации гендерных стереотипов, формирующих нормативный образ советской девочки в детской литературе. В качестве ориентира для анализа эмпирического материала выбрана концепция институциональных типов дискурса В.И. Карасика, поскольку предложенная им схема предоставляет возможность узкоспециально рассмотреть советский дискурс в детской литературе как особый феномен, находящийся на грани политико-идеологического, педагогического и художественного типов дискурса и оказывающий прямое и косвенное влияние на обыденный дискурс. В работе рассматриваются исследования как посвященные советскому дискурсу в целом, так и ставящие акцент на формировании и отражении гендерных представлений в советском искусстве. Практическая часть работы содержит исследование репрезентаций образа советской девочки-школьницы на уровне изоб-

² Статья частично выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект AP08053314 «Проблема формирования ценностной национальной картины мира в условиях модернизации общества и государства (на материале казахстанского обыденного политического дискурса)».

© Юнг Д.А., Оленев С.В., 2021

ражаемых в анализируемой книге типов участников, хромотона, целей, ценностей, стратегий, жанра, прецедентных текстов и дискурсивных формул. В результате исследования сделаны выводы о характере влияния советской идеологии на формирование нормативных представлений о гендерных ролях.

Ключевые слова: *дискурс, гендер, гендерные стереотипы, детская литература, советский дискурс.*

Тема советского периода существования нашей страны на сегодняшний день является одной из самых дискуссионных как в различных отраслях науки – лингвистики, литературоведения, историографии, этнографии, политологии, культурологии, педагогики и т.д. [Михеева, Немыгина, 2017; Трифонова, 2019; Ханов, 2015], так и в повседневности. Для одних аббревиатура СССР ассоциативно связана с Родиной, с приятными воспоминаниями о счастливом детстве, для других – это эпоха ГУЛАГа, страшных репрессий, «царство несвободы». Существование таких полярных оценок этого периода истории говорит о его специфичности и феноменальности, что также является предпосылкой научного интереса к настоящей проблематике [Сомов, 2012].

Современная лингвистика уделяет большое внимание как изучению советского дискурса в целом [Афанасьев, 2019; Вайс, 2007; Терских, 2012], так и исследованию сложившихся внутри него гендерных стереотипов в частности [Антонец, 2016; Смагина, 2019; Смирнов, 2016]. Особый интерес учёные проявляют к типу «идеального» советского человека, сложившемуся в русле советской идеологии и основанному на представлениях об исключительности «нашего», советского человека и его превосходстве над другими народами, о его принадлежности государству, изолированности, массовидности, а также прочих уравнительных и антиэлитарных установках [Гудков, 2007, с. 22–23]. Советская женщина одновременно является и хорошей матерью, и женой, и работницей [Изотова и др., 2019, с. 134]. «Женщина – жена, друг, товарищ, мать. Работает ли она рядом с мужем у станка или несет всю нелегкую домашнюю работу и воспитывает детей, – от нее, от её энергии и старания в значительной сте-

пени зависит работа целых предприятий и новостроек» [Руденко, 1957, с. 5].

Несмотря на относительную изученность гендерных стереотипов советского дискурса, остается малоизученной в этом отношении детская литература того периода, которая также одной из основных своих воспитательных задач ставила формирование образа советского ребенка. Особенно это касается книг, которые предназначались именно для школьников в качестве наглядного пособия по самовоспитанию. Исходя из этого, в качестве материала эмпирического исследования мы выбрали позднесоветскую книгу Т. И. Махаловой «Для вас, девочки», написанную в качестве рекомендаций для девочек-школьниц относительно ведения домашнего хозяйства, ухода за собой, общения с друзьями и других аспектов жизни [Махалова, 1989]. На наш взгляд, именно на примере этой книги можно рассмотреть основные гендерные стереотипы восприятия советской девочки в детской литературе.

Теоретической основой анализа проявлений советского дискурса служат положения концепции В.И. Карасика, направленной на описание институционального типа дискурсивной практики [Карасик, 2002, с. 189]. Разработанный В.И. Карасиком алгоритм анализа позволяет рассмотреть советский дискурс в детской литературе как особый феномен, находящийся на грани политико-идеологического, педагогического и художественного типов дискурса и прямое и косвенное влияние на обыденный дискурс.

Такое особое положение советского дискурса объясняется его проникновением в самые различные общественные институты. Это обусловлено невозможностью его вписывания в рамки какого-то одного вида типичного институционального дискурса (судебного, академического, политического и т.д.) за счет присутствия ему идеологической окрашенности (ср.: коммунистический, националистический, феминистический, расистский дискурсы). Изначально выбранная в определенный исторический период существования страны форма правления, определяющая политику государства, постепенно внедряется и в другие социальные сферы, что на уровне лингвистики свидетельствует о его внутридискурсной трансформации, возможности выхода за пре-

дела собственно социального института [Серио, 1999]. Советский дискурс выступает в качестве особой смыслопорождающей идеологически окрашенной модели, которая кодирует в своих текстах определенный набор идеологических смыслов и влияет на все сферы жизни, даже те, которые ни с каким социальным институтом принципиально не связаны. Первичное «политическое» содержание на эту модель оказывает косвенное, неосновное влияние и зачастую может вовсе утратить всякую степень своего проявления: «нечто внешнее» по отношению к тексту, та специфическая реальность, внешняя по отношению к заданному дискурсу, также «может оказаться абсолютно неопределимой» [Там же, с. 367].

Обращение к концепции В.И. Карасика обусловлено также неоднозначностью трактовки термина «советский дискурс» в лингвистике. Так, А.А. Ворожбитова в работе «Тоталитарный дискурс советского периода: опыт лингвориторической интерпретации» выделяет несколько его типов: тоталитарный, советский, антисоветский, большевистский грузинский и националистический украинский, русскоязычный дискурсы, антитезисный и альтернативные дискурс-универсумы, идиодискурс, язык-дискурс, макродискурс и дискурс-доминанта [Ворожбитова, 1999, с. 127]. А.П. Романенко подчеркивает хаотичность употребления термина «дискурс» в научных работах речеведческого характера, что проявляется в его употреблении в разнообразных значениях: «речевая деятельность», «речь», «текст», «речевое поведение», «совокупность текстов, массив», «словесность», «модель-образец» и т.п.» [Романенко, 2000, с. 19]. Традиция изучения дискурсивной практики в русле учения В.И. Карасика позволяет сконцентрироваться на основных компонентах любой коммуникации: участники, место и время, цель, предмет речи, средства общения и проч.

Исследование представленного материала основано на методике дискурс-анализа, предполагающей характеристику таких категорий, как тема текста, его цель и вытекающие из цели задачи, иными словами – основные интенциональные установки; хронотоп, жанр, участники дискурса, в том числе потенциальные; используемые культурогенные и дискурсивные формулы, главные ценности и применяемые стратегии.

Для удобства анализа было принято решение о выделении двух ключевых разделов книги: предисловие и основная часть текста, в которой содержатся непосредственно рекомендации для девочек. В основной части в рамках обозначенных в самой книге разделов «Девочкам младшего возраста» и «Для девочек постарше» осуществлялся как целостный обзор текста, так и вычленение отдельных речевых актов, фраз, содержащих эксплицитные или имплицитные отсылки к ключевым смыслам советского дискурса.

Итак, тематика книги, на наш взгляд, в целом определяется представлениями о важности труда в жизни человека. Соответствующее положение отражено уже в предисловии: *«Если ты поймешь, какое великое значение имеет труд для каждого советского человека, как ненавистно нам всякое проявление барства и тунеядства, ты захочешь приносить пользу людям. А это и есть самое главное!»*. Таким образом, книга предназначена в первую очередь советским девочкам младшего и среднего школьного возраста, однако сама форма книжного существования подразумевает выход за обозначенные рамки «советского», «женского» и «школьного». Помимо этого, жанровое определение *«научно-популярное издание»* указывает на потенциальное расширение целевой аудитории за счет общедоступности при теоретической обоснованности.

Предполагаемые задачи авторов заключены в следующем высказывании: *«Как научиться стряпать, шить, готовить веселые праздники, вести домашнее хозяйство, быть аккуратной, здоровой и ловкой, избежать всяких пороков, научиться культуре быта и поведения»*. Для этого воздействие на аудиторию реализуется посредством вербального и визуального (наличие множества иллюстраций, вариативность шрифта) кодов. Так, уже на форзацах мы видим графическое изображение различных швов и стежек, а также обозначения дорожных знаков. Таким образом, советская девочка должна обладать знаниями и в узкой сфере, традиционно осмысляемой в народном сознании как «женская», так и в универсальной для обоих полов, что усиливает общие различия между представлениями о женской роли в социуме времен СССР и постсоветского периода, где в СМИ, литературе популяризируются феминистические взгляды. Нали-

чие в книге иллюстраций способствует достижению поставленной разработчиками цели, помогая дополнять описываемую в тексте информацию, изменяя её восприятие. Более того, удачное изображение «украшает» вербальный текст, привлекает к нему внимание и реализует тем самым аттрактивную функцию [Ситникова, 2016, с. 62–63]. Именно иллюстрация в большей степени, чем текст, материальная конструкция способствует реализации воспитания высоких эстетических чувств, любви к прекрасному [Батинова, 2012, с. 48–57].

Если попытаться найти общее во всех рисунках, то можно прийти к выводу о том, что их объединяющим фактором является одноцветность (красно-белые оттенки), натуралистичность изображения (вещи изображаются такие, какие они есть в повседневности, часто с пометами типа «*соль*», «*крахмал*», «*клей*», «*детский крем*»), строгость, эмоциональная сдержанность, отсутствие гротеска в портретных пропорциях фигуры и лица. Атрибутами женских образов являются бантики/ленты, классическая для того времени форма одежды (платья с воротником, закрытые сандалии, сумка-портфель), что отсылает к определенному внешнему типизированному образу советской девочки, актуализируемому и в иных сферах искусства – от скульптуры и живописи до кинематографа. Такая форма подачи визуального материала не создает иной мир, она «дополняет и объясняет существующий, является книжным идеализированным продолжением привычного окружения ребенка» [Уманская, 2019, с. 111]. То, как «должно быть», совпадает с тем, как оно есть «на самом деле», поэтому формирование трудолюбивой советской девочки нужно не для книги, а для реального человека, окружающего мира, советского общества.

Итак, визуальный код оказывает большое воздействие на адресата. Однако, не отрицая важности графического представления материала, полагаем, что текстовый код является всё же основным порождающим фактором советских гендерных стереотипов. Уже в предисловии заложена модель идеальной советской девочки, образец, на который следует равняться юным школьницам. Автор вводит читателя в мир книги с некоторыми наставлениями, даже наказаниями, отсюда неоднократно употребляемая форма долженствования, выраженная прямым императи-

вом или синонимичными синтаксическими конструкциями: «ты должна», «тебе нужно», «ты не можешь». Такая тенденция наблюдается и в дальнейшем на протяжении всей книги: ср. «не забывай о горячей воде», «стирая, чаще меняй воду!», «свяжи себе шарф», «гребенку из пластмассы никогда не мой в горячей воде – испортишь!», «сделай вот что». Советская девочка, поскольку она «пионерка», обязана «многое знать и многому учиться», «заниматься спортом», «участвовать не только в большом труде всего советского народа..., но и в той малой, но необходимой повседневной работе».

Немаловажен тот факт, что каждое положение представлено не обособленно, а в связи с его целью, отвечающей на вопросы «почему» и «зачем»: «весь накопленный нашими поколениями опыт — все это твое богатство, все это принадлежит тебе», «учиться, чтобы знать как можно больше», «заниматься спортом, чтобы быть ловкой и выносливой» и т.п. Нарочитые лексические и грамматические повторы делают высказывания не рекомендательными, а неукоснительными, непреложными. Вкупе изложенные положения станут «источником радости и гордости», которым необходимо поделиться «с товарищами» ради общего, коллективного советского блага. Следование подобным наставлениям, приобретающим с каждым новым предложением заповедальный характер, способно привести к желанию самому «приносить пользу людям». Предисловие книги, таким образом, по сути своей соотносится с основными положениями идеологии марксизма-ленинизма, заключающимися в созидательной деятельности трудящихся, непосредственно занятых строительством социалистического и коммунистического общества [Митин, 1974].

Труд изображается не как нечто, обременяющее человека, а как имманентно присущее человеку. Отсюда многочисленные иронически окрашенные эпизоды в тексте: «Хотя это смешно повторять, но тем не менее повторяю: руки нужно мыть часто и вытирать насухо», «У тебя должна быть своя собственная гребенка — обязательно <...> Ты ведь не берешь чужую зубную щетку, когда чистишь зубы», «Неужели вы, девочки-хозяйюшки, с помощью мальчиков не сможете украсить ваш новогодний стол и приготовить разные вкусные блюда?»,

«смешно, не правда ли?»). Подчеркнута лёгкость, простота исполнения домашних обязанностей: *«Вот как просто!»*, *«секрет простой...»*, *«все кажется очень трудным, когда это делается от случая к случаю»*, а также радость от выполненной работы: *«Проделай все это. Увидишь, какими свежими и красивыми станут твои растения!»*, *«это так интересно!»*, *«Смотри, какая красивая обливная крынка из глины!»* (ср.: «Главная идеологическая установка, определяющая отношение к труду в СССР – тезис о том, что советский человек работает исключительно ради собственного блага» [Гребенев и др., 2015, с. 215]).

Анализируя названия разделов книги и собственно представленный в них языковой материал, можно прийти к выводу о том, что советская девочка должна уметь прежде всего готовить (*«Начинаем стряпать»*), содержать в чистоте дом и соблюдать личную гигиену (*«Каково на дому — таково и самому»*, *«Пусть тебя не зовут неряхой»*, *«Идет генеральная уборка»*, *«А умеешь ли ты вывести пятно?»*), вести здоровый образ жизни (*«Будь ловкой и сильной»*, *«В туристический поход!»*, *«Твоя аптечка»*), правильно взаимодействовать с людьми, уметь организовывать праздники (*«Веселые праздники»*, *«А что ты сделаешь для братишки?»*). Советская девочка должна быть направлена на семью, на свои домашние обязанности. В этом также заключается её отличие от западного типа «деловой», «независимой» женщины, успешно реализующей себя в сфере карьеры. При этом не происходит отрицания её роли в коллективе, в обществе. Однако подобная деятельность служит не средством личностной самореализации, собственного самоутверждения, а обязательной составляющей любого советского гражданина как социального индивида.

Для девочек *«постарше»* актуальными становятся темы внешнего вида, полового воспитания, женственности: *«Красота — это здоровье»*, *«Хочешь иметь красивую фигуру?»*, *«Твоя походка»*, *«Материнство — счастье и ответственность»*, *«Придет и любовь»*. Большое внимание отводится воспитанности: *«Самонаблюдение»*, *«Домашняя библиотека»*, *«Как вести себя на улице»*. Таким образом, девочка должна быть гармонично развитой как внешне, так и внутренне.

Усилением нравственной, духовной стороны развития являются многочисленные культурогенные и дискурсивные формулы в тексте. Так, на страницах неоднократно можно встретить высказывания великих мыслителей, писателей, педагогов, соотносящиеся с контекстом изложенного материала: *«В совершенствовании человека – смысл жизни»* М. Горький, *«Молодость – великий чародей»* А. С. Пушкин, *«Если не бегаешь, пока здоров, придется побегать, когда заболеешь»* Гораций, *«Быт – это культура личных отношений»* и т.п. Больше всего их содержится в разделах, адресованных девочкам «постарше», что обусловлено характером представленной в ней информации (рассуждения о воспитанности, семье, культуре), а также отличительными возрастными особенностями от девочек младшего школьного возраста. Афоризмы становятся ценностным аккумулятором тех положений, которые сформулированы авторами, а также выступают в роли своеобразных эпиграфов в тексте. На паратекстуальном уровне дискурсы комбинируются и взаимодействуют, поскольку эпиграф часто происходит «из другой действительности» и отсылает к иному социокультурному и историческому контексту; такой культурный контраст вместе с образностью и метафоричностью эпиграфа по отношению к последующему тексту помогает автору достичь цели [Пахомова и др., 2018, с. 68]. Происходит не только вовлечение читателя в процесс чтения под определенным углом зрения, но и расширение общего кругозора.

Таким образом, гендерные стереотипы восприятия советской девочки в детской литературе конца 1980-х годов основаны на идеологических представлениях о советской женщине, которая обязана, как и мужчина, трудиться ради своего и всеобщего блага. Основной целью авторов детских книг по самовоспитанию, домоведению является формирование всесторонне развитой личности, ориентированной на созидание. Большая роль отводится повседневному труду, уходу за собой, взаимодействию с людьми, моральным ценностям. Проанализированный текст является ярким воплощением самого советского дискурса, поскольку реализует его ценностную природу и способы коммуникации продуцента советского дискурса – опосредованно, государства – с его реципиентом, то есть гражданином. В совет-

ском дискурсе настоящие характеристики реализуются поликодовыми средствами, что способно привести к значимому воздействию эффекту.

Библиографический список

1. *Антонец В.А.* Архетипические представления о мужчине в творчестве В.Т. Шаламова. Ярослав: Ярославский педагогический вестник, 2016. № 2. С. 175–178.

2. *Афанасьев А.С.* Женщина как Другой в советском дискурсе 1970–80-х гг. Филология и культура, 2019. № 3(57). С. 128–133.

3. *Батинова А.С.* Детская иллюстрированная книга в эстетическом воспитании дошкольников. М.: Изобразительное искусство в школе, 2012. № 1. С. 48–57.

4. *Вайс Д.* Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении. М.: Политическая лингвистика, 2007. № 3(23). С. 34–61.

5. *Ворожбитова А.А.* Тоталитарный дискурс советского периода: опыт лингвориторической интерпретации // Текст. Узоры ковра. Актуальные проблемы исследования разных типов текста. СПб.: Ставрополь, 1999. 180 с.

6. *Гребнев И.В., Сомова Д.Д.* Трудовое воспитание в советской школе: парадоксы становления и развития. Нижний Новгород: Вестник ННГУ, 2015. № 3 (39). С. 215–223.

7. *Гудков Л.Д.* «Советский человек» в социологии Ю. Левады. М.: Общественные науки и современность, 2007. №6. С. 16–30.

8. Для вас, девочки! / сост. Т.И. Махалова. Кемеровское кн. изд-во, 1989. 350 с.

9. *Изотова К.С., Степанова А.Ю.* Трансформации образа женщины в советской и постсоветской женской периодике. СПб: Парадигма: философско-культурологический альманах, 2019. С. 132–143.

10. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

11. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1999. 416 с.

12. *Митин М.Б.* Марксизм-ленинизм // Большая советская энциклопедия в 30 Т. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 15. 632 с.

13. *Немытина М.В., Михеева Ц.Ц.* Социальные отношения и право в советском обществе. М.: Вестник РУДН, 2017. Т. 21, № 3. С. 331–354.

14. *Пахомова А.Б., Яковлева И.Ю.* Роль эпитафии в интерференции дискурсов. Самара: Поволжский педагогический вестник, 2018. № 2. С. 64–73.

15. *Романенко А.П.* Советская словесная культура: образ риторика / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. унта, 2000. 212 с.

16. *Руденко И.* Волнения Полины Ивановны // Работница, 1957. № 1. С. 5.

17. *Ситникова Е.В.* Иллюстрация как визуальный компонент контента детских изданий. Тамбов: Грамота, 2016. № 2. С. 62–68.

18. *Сомов В.А.* Советский человек как социокультурный тип в современном научном дискурсе. Нижний Новгород: Вестник ННГУ, 2012. С. 117–122.

19. *Смагина С.А.* «Новая женщина» в советском кинематографе 1920-х гг. как феномен. М.: Вестник славянских культур, 2019. С. 257–266.

20. *Смирнов И.М.* Маскулинные и фемининные характеристики образа успешного человека в русской лингвокультуре (на примере СМИ 20-х–30-х гг.). Горно-Алтайск: Мир науки, культуры, образования, 2016. С. 375–378.

21. Стенограмма пятого открытого семинара проекта «Демократия в России». «Человек советский или современный? Политическая культура и ценности россиян». URL: <http://www.levada.ru/stenogrammapyatogo-otkrytogo-seminara-proekta-demokratiya-v-rossii-chelovek-sovetskii-ili-sovremenn> (дата обращения 19.11.2020).

22. Терских М.В. Советские интертекстуальные индексы в современном рекламном дискурсе. Симферополь: Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского, 2012. Т. 25, № 4. С. 490–495.

23. Трифонова Ж.Н. Коллективизм в советской идеологии и в педагогической системе А. С. Макаренко: сравнительно-сопоставительный дискурс. М.: Социальная педагогика, 2019. С. 125–131.

24. Уманская Ж.В. Маркеры «советского» в детской иллюстрации 60-80-х годов XX века. М.: Вестник РГГУ, 2019. С. 100–117.

25. Ханов Б.А. Функционирование советского дискурса в романе М. Елизарова «Мультики». Кострома, 2015. № 6. С. 90–95.

IMPLEMENTATION OF GENDER STEREOTYPES OF SOVIET DISCOURSE IN BOOKS FOR GIRLS

Yung Dariya A.

Kemerovo State University, 6, Krasnaya st., 650000,
Kemerovo, Russia, daschaschulzik@mail.ru

Olenev Stanislav V.

Kemerovo State University, 6, Krasnaya st., 650000,
Kemerovo, Russia, stanislav.olenev@gmail.com

The article uses the example of T. I. Makhalova's book "For you, girls!" to describe ways to implement gender stereotypes that form the normative image of the Soviet girl in children's literature. The concept of institutional types of discourse by V.I. Karasik was chosen as a reference point for the analysis of empirical material, since the scheme proposed by him provides an opportunity to consider Soviet discourse in children's literature as a special phenomenon that is on the verge of political-ideological, pedagogical and artistic types of discourse and influences everyday discursive practices. The article deals with both research on Soviet discourse in General, and focuses on the formation and reflection of gender representations in Soviet art. The practical part of the work contains a study of representations of the image of a Soviet school girl at the level of the types

of participants, chronotope, goals, values, strategies, genre, precedent texts and discursive formulas depicted in the analyzed book. As a result of the research, conclusions are made about the nature of the influence of Soviet ideology on the formation of normative representations about gender roles.

Key words: discourse, gender, gender stereotypes, children's literature, soviet discourse.

Научное издание

ART OF SCIENCE

Материалы Всероссийской студенческой
гуманитарной научно-практической конференции

(г. Пермь, 4 декабря 2020 года)

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов: *А. Р. Ехлакова*

Объем данных 2,65 Мб
Подписано к использованию 25.11.2021

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15